

№ 8557.
А. Е. ПЕТРОВА

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТЕЙ

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МЕТОДИКА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ, ПСИХИАТРОВ, КРИМИНОЛОГОВ И ПЕДАГОГОВ

С предисловием проф. П. Б. ГАННУШКИНА

МОСКВА
ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1927

А. Е. ПЕТРОВА

Психолог психиатрической клиники 1-го М. Г. Ун-та,—Гос. Института по изучению преступности и преступника при Н. К. В. Д.,—Кабинета по изучению личности преступника и преступности при Мосздраве,—Психоневрологической и педологической Школы-Санатории Наркомздрава, в Москве

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТЕЙ

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МЕТОДИКА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для психологов, психиатров, криминологов и педагогов

С предисловием проф. П. Б. ГАННУШКИНА

МОСКВА
ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1927

Отпечатано в Типо-Литографии
В.Т.У. имени тов. ДУНАЕВА.
Москва, Б. Полянка, д. № 9,
в количестве 3.000 экземпляров.
Главлит № 69122.

Стран.	Строка	Напечатано	Надо читать
3	3 и 4 снизу	Menschenkennt- niss—gruhle	(Menschenkennt- niss—Gruhle)
99	1 сверху	несложные	не сложные
107	8 сверху	чистое	чисто
192	11 снизу	степени	степень
208	2 сверху	распределение на две	распределение внимания на две
235	3 сверху	его дальнейшая	и его дальнейшая
239	13 снизу	стр. 242	стр. 244
245	столбец I-й, снизу второй	неконкретная и абстрактная	и конкретная и абстрактная
245	„ III-й, снизу первый	—	есть
249	внизу	резко выраженная паталогия 10,8 ⁰ / ₀	12,8 ⁰ / ₀
249	внизу	итого 64,4 ⁰ / ₀	66,4 ⁰ / ₀

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие редактора	
Предисловие.	3
Введение	9
Основные принципы психологической классификации личностей. .	
I. Элементарная методика психологического исследования личностей.	19
II. Общая схема психологической классификации личностей.	217
III. Выводы и проблемы.	237
Таблицы.	241
Примечания.	252

Предисловие

В предисловии к книге А. Е. Петровой мы считаем долгом высказать чувство глубокого удовлетворения по поводу того пути, по которому в настоящее время начинает идти в своем движении вперед психология. До тех пор, пока психология находилась в руках людей без естественно-исторической подготовки она фатальным образом была обречена на остановку своего развития. В течение последних 30—40 лет натуралисты-биологи постепенно завоевывают эту область знания, и это завоевание думается нам, является одним из самых крупных научных достижений последнего времени. При этом необходимо совершенно определенно подчеркнуть, что дело не только в лицах, и может быть даже не столько в их подготовке и образовании, сколько в методе изучения и его объекте; в настоящее время в этих двух отношениях натуралист может быть совершенно спокоен: лабораторный метод, метод эксперимента, с одной стороны, живая личность и ее реакции, с другой, — вот те два основных и надежных момента, на которых строится теперешняя психология.

Психиатрическая клиника, получившая возможность при общем признании за ней этого права заняться „пограничным типом“ и тем самым, кроме своих прежних лечебных функций, сделавшаяся наукой познания людей *Menschenkenntniss — gruhle* охотно делится своим клиническим методом с психологией — для изучения, так называемого, нормального человека. Клиницист-психиатр хорошо и твердо знает, что этот нормальный человек есть схема, абстракция,

но в то же время создание таких схем совершенно необходимо, — при том, однако, неприменном условии, чтобы исходным пунктом этих схем и типов было индивидуальное изучение живой личности; этот подход обеспечивает правильность и жизненность добываемых результатов. Душевнобольной, ребенок, преступник, — вот те живые объекты, которые одинаково нужны и одинаково ценны и психологу и психиатру. Психика человека — слишком сложное явление, и чтобы подойти к изучению ее с надеждой на успех, надо выбирать либо возможно простое явление, либо уродливое, бросающееся в глаза и тем самым легче подающееся пониманию и учету. По существу же разницы между психологическим и психопсихологическим подходом нет.

Мы приветствуем книгу А. Е. Петровой потому, что сущность метода излагаемого в ней состоит именно в том, что автор изучает реакции живой личности и тем самым в этом своем изучении близко подходит к методу клинкопсихиатрическому.

Этим мы ограничиваемся в нашем предисловии, отсылая за дальнейшей ориентировкой к предисловию и введению самого автора.

25-VIII-26.

П. Г а н н у ш к и н.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы выпускаем в печать эту нашу работу потому, что назрела насущная необходимость дать хотя бы очерк психологической классификации личностей, которая бы стояла в контакте с современными научными работами по изучению психических конституций. Сейчас усиленно изучается личность правонарушителя в связи с задачами исправительно-трудовой политики нашего времени, а эта проблема не может быть решена без изучения психических конституций вообще. Детская психика изучается в настоящее время в самом широком обхвате, в целях опять-таки практического педагогического воздействия на нее для максимального развития положительных черт, заложенных в ней. И эта проблема также тесно связана с проблемой психических конституций. Наконец, изучением психических конституций обусловлено также изучение патологических отклонений от нормы, тесно связанное с двумя указанными выше задачами нашего времени: поскольку правонарушитель нередко мыслится как личность, находящаяся на границе между нормой и аномалией (Ашаффенбург), и поскольку далее воспитание ребенка может быть правильно поставлено лишь при учете и патологических его особенностей.

Все эти соображения, а равно и запросы наших слушателей и учеников, особенно же попытки использовать наши психологические достижения не психологами¹⁾ в целях практической диагностики и теоретической разработки проблемы соотношения между, напр., психическими

¹⁾ Известно, что в психологических наблюдениях важен малейший штрих, который может быть упущен наблюдателем не психологом, что приведет его к выводам, несогласным с действительностью, так же, как изучение медицинских приемов не может еще сделать медика из не специалиста.

признаками и той или иной диагностикой, и побудили нас не дожидаться дальнейшей обработки нашего материала и опубликовать наши скромные достижения по индивидуальной психологии в виде отдельных выпусков, что, разумеется, не только не исключает дальнейшей планомерной и углубленной работы над собираемым нами материалом, но даже настоятельно требует ее.

Предполагаемые выпуски имеют следующее содержание: Психологическая классификация личностей (группировка по психическим конституциям).

Выпуск первый включает в себе основные принципы психологической классификации личностей (группировка по психическим конституциям). Эта часть распадается на два отдела: 1) Элементарная методика психологического исследования личностей, 2) Общая схема психологической классификации.

Эти проблемы полнее развиваются в выпуске втором, посвященном всестороннему ¹⁾ рассмотрению психических конституций, как они развиваются из основ, указанных в выпуске первом. Здесь мы, во-первых, обосновываем наши принципы психологической классификации личностей и, во-вторых, даем индивидуальные монографии, наглядно иллюстрирующие на психологическом анализе единичных случаев основные единицы нашей классификации личностей, указанные в выпуске первом.

Эти индивидуальные монографии распадутся на три отдела: 1) дети, 2) правонарушители, 3) душевнобольные. Это последнее деление носит чисто внешний характер, рассчитанный лишь на наглядную обзорность нашего материала. Как и на детском материале мы прослеживаем в наших иллюстрациях аномальные психические черты, и на детском материале встречаются

¹⁾ Сюда же относится работа: А. Е. Петрова и Н. Н. Попова: Психические конституции и поэтическое творчество (по образцам русской поэзии первой четверти XX века: Безыменский, Северянин, Бальмонт, Есенин, Блок, Пастернак, Хлебников, Ходасевич, Ахматова, Маяковский, Брюсов).

правонарушители, так и в материалах правонарушителей мы часто встречаемся с душевно-больными, а на материале душевно-больных, в пациентах психиатрической клиники, мы встречаем задатки правонарушителей и т. д. Отдельные иллюстрации таких монографий, полное научное значение которых раскрывается лишь после систематического обоснования их, частично мы уже издали¹⁾: 1) „Случай матереубийства 14-летней девочкой“. Материал Психиатрической клиники 1-го М. Г. Ун-та, директор проф. П. Б. Ганнушкин. Напечатан в журнале „Право и Жизнь“ под редакцией проф. М. Н. Гернет и др. Январь 1924 г. Эта же статья напечатана в Monatschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform под редакцией prof. Dr. G. Aschaffenburg'a. Jg. 16, H. 1/3, S. 61-77. 1925²⁾.

2) „Случай изувечения мужа“. Материал Научного Кабинета по изучению личности правонарушителя в Москве. Напечатано в сборнике „Преступный мир Москвы“, 1925 г., под редакцией проф. М. Н. Гернет. 3) „Дети примитивы“. Материал Школы-Санатории Наркомздрава, напечатано в сборнике „Вопросы педологии и детской психоневрологии“, под редакцией проф. М. О. Гуревича. М. 1926 г., изд. „Жизнь и Знание“. Пользуемся случаем, чтобы искренно поблагодарить всех названных профессоров за поощрение в нашей работе.

Последняя статья имеет непосредственное отношение к выпуску третьему нашей работы, посвященному всестороннему рассмотрению психики примитива: 1) дети, 2) правонарушители, 3) душевно-больные. Здесь исследуются психология некультурной среды и ее воздействие на психику примитива.

Сюда же относится наша работа: Преступники-примитивы (по материалам Кабинета по изучению личности

¹⁾ Более обширный материал Г. Института по изучению преступности и преступника синтезирован нами в нашей работе: Индивидуально-социальные факторы растраты. См. сборник „Растраты и растратчики“. Изд. Н.К.В.Д. 1926.

²⁾ См. Referatenteil der Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. Band. XLI, H. 14/15. S. 855. 1925.

преступника и преступности при Московск. отделе Здравоохран.). В двух последних выпусках, в отделе Правонарушители, выясняется зависимость характера и типа правонарушений от характера и типа правонарушителя. Выясняются задачи и принципы индивидуальной психологии.

В выпуске четвертом мы исследуем специальный момент: индивидуальную психологию и ее пограничность с психопатологией. (Частичная работа на эту тему выполнена в статье: О некоторых психологических особенностях примитивной психики при ее расщеплении. Труды Психиатр. Клиники I М. Г. У.). Психиатрические диагнозы, которыми мы пользуемся в наших корреляциях, установлены профессорами П. Б. Ганнушкиным, М. О. Гуревичем и Е. К. Краснушкиным. Мы благодарим дирекцию Психиатрической Клиники I М. Г. Ун-та (где мы работали четыре года), Школы-Санатории Наркомздрава (пять лет работы), Научного Кабинета по изучению личности правонарушителя (три года работы, со дня основания Кабинета) за тот материал, которым мы пользовались для нашей работы. Помимо указанного материала названных учреждений, мы пользовались материалом, полученным при исследовании лиц полноценных из среды наших товарищей (который, разумеется, не может быть полностью опубликован)¹⁾ и лиц примитивной психики, не правонарушителей и не душевнобольных, которых мы также благодарим. Этот последний добавочный материал, полученный нами при исследовании вне указанных учреждений, крайне важен для сравнительных данных при изучении психических конституций.

В нашей элементарной методике психологического исследования личностей различных категорий—нормальных,

¹⁾ Так же, как ряд клинических и других материалов, которые не могут быть достоянием печати, так как слишком отчетливо обрисовывают испытуемых в самых интимных моментах их переживаний, и потому мы не имеем права без разрешения испытуемых раскрывать эти демонстративные монографии, в большинстве случаев наиболее типичные и наиболее тонкие по переживаниям, — маскировка же и перестановка каких-либо фактов, что сделало бы личность неузнаваемой, разумеется, не совместима с задачами научной работы, которые мы здесь преследуем.

патологических и в частности личностей правонарушителей—мы остановились на обработке наиболее типических психических реакций, которые нам удалось систематизировать в нашей работе по индивидуальной психологии. У нас нет пока колоссальных цифр, которые получаются при коллективных и массовых исследованиях, но у нас есть прочные достижения для отправного пункта в решении проблемы о психических конституциях.

Мы скромно сознаем, что нами сделано пока еще очень немного, но в результате нашей работы мы пришли к определенным органически и динамически связанным между собою психологическим единицам (по типу нозологических единиц, например, в психиатрии), на которых и основывается наша психологическая классификация.

В нашем распоряжении не было (особливо в первые годы занятий) тонких приборов психологической лаборатории, нам часто приходилось довольствоваться элементарными приемами для исследования. При учете реакций мы гнались не столько за сложностью какого-нибудь раздражителя, сколько за однотипностью раздражителей для подбора типичных реакций, а такая однотипность для всех учреждений, в которых нам приходилось работать (например, при исследованиях правонарушителей в различных исправительно-трудовых домах) могла быть осуществлена лишь при условии элементарности и портативности инструментария. В этом есть свои несомненные достоинства: во-первых, возможная и необходимая в наше время популяризация наших приемов, во-вторых, сведение психологического инструментария до возможного минимума дает возможность подойти с ним и к душевно-больным с остро выраженным заболеванием, не меняя однотипности его инструментария.

Для общего очерка наших принципиальных положений такой инструментарий оказался вполне достаточным; это, однако, не исключает и, повторяем, даже прямо требует более точной работы для проверки наших общих принципов.

Скромность наших достижений оправдывается еще тем, что у нас не было тех довольно прочных установок проблем, с которыми подходили в совместной с нами работе наши

товарищи-социологи, антропологи и особенно психиатры, имеющие ряд психиатрических клиник для наблюдения и определенные нозологические установки для классификаций. Да и самая проблема изучения психических конституций еще очень нова, не говоря уже о более частных и более новых проблемах (особенно для СССР), как, например, проблема психологического изучения личности правонарушителя.

Мы начали выработать нашу психологическую классификацию еще до знакомства с известной книгой Кречмера („Строение тела и характер“), с которым у нас оказались некоторые пункты совпадения, и поскольку классификация Кречмера как раз в этих пунктах приобретает все больше и больше сторонников, и у нас нет сознания, что мы работали по неверному плану. У нас нет отказа ни от одного пункта нашей методологической работы, ни от одного из добытых нами результатов. Это сознание окрашивает наш труд достаточным оптимизмом, бодрит нас для дальнейших начинаний, равно как для продолжения исследований над поставленными проблемами вширь и вглубь.

В этом оправдание выпуска части нашей общей работы, для которой у нас готовится целый ряд углубленных дополнений.

В заключение автор приносит глубокую благодарность Н. Н. Поповой за дружескую помощь в этой работе и за те мысли, которыми она с нами делилась и которые способствовали уточнению нашего личного понимания психических конституций, особенно аффективно-абстрактного (шизоидного) типа.

Москва, 1926 г.

А. Петрова.

ВВЕДЕНИЕ.

В основе нашей методики, как ее исходный пункт и вместе с тем завершение, лежит психологическая классификация личностей, так как без нее все психологические данные оказались бы лишь сырым материалом, неразумно накопленным без всякого плана того здания, которое должно из них строиться.

Самые психологические монографии отдельных индивидуальностей (будь то детей, психически-больных, или правонарушителей) только тогда имеют научное значение и смысл, когда они систематизированы, обобщены, классифицированы. Нельзя действительно научно, т.-е. систематически, изучать личность (любой из указанных категорий), как они предстанут перед нами в своей бесконечной дробности, не обобщая, не типизируя их. Тем не менее общее, типическое в жизни не существует. Общее, тип, познается нами лишь на фоне индивидуального: опыт каждого отдельного человека (даже при признании, что его психика *tabula rasa*), личные его переживания совершенно обеспечивают каждой личности ее неповторность.

Вот в силу такой трудности, связанной с проблемой психологической классификации личностей, мы не имели до сих пор ни одной психологической классификации, построенной на основании каких-либо естественных психических признаков. Не удовлетворяет нас в этих запросах и популярная в настоящее время в СССР классификация Лазурского. В ней нет систематической органически-непрерывной связи переходов от одного классифицируемого момента к другому. Она не опирается на опытно-исследованный материал.

Она не представляет собой зрительной схемы, легко обозримой для разума. Она не дает практического способа наглядно и быстро представить себе любую личность, отнесенной к определенному типу во всей ее органической сложности, с ее генезисом и дальнейшими возможностями.

Более других удовлетворяет нас психиатрическая классификация Кречмера, основные типы которой обрисовались и нам среди других типов нашей психологической классификации независимо от труда Кречмера, познакомившись с которым мы увидели некоторые пункты совпадений с нашими скромными достижениями.

Но прекрасная ■ своей обозримости классификация Кречмера не дает психологу в своем отделе нормы объективных признаков для учета психических реакций указанных им типов. Самые типы ее слишком мало дифференцированы (особенно неясны дифференциации лептозомной группы). Все типы слишком явно акцентуированы определенно выраженным патопсихическим моментом. Наконец, несмотря на все стремление Кречмера установить непрерывность перехода от одной разновидности типа к другой („шизоидные темпераменты находятся между полюсами раздражительности и тупости, так же, как циклоидные темпераменты находятся между полюсами веселости и печали“), эта классификация все еще не замыкает переходов от одного типа к другому в естественное органическое целое, исчерпывающее все возможности. Однако, ■ ней есть очень правильное с психологической точки зрения указание на различие реакции у пикнической и лептозомной группы на социальную среду. Этот момент снова приводит нас к проблеме изучения психических конституций, которая обуславливает собою как действительно научное изучение личностей правонарушителей, так и изучение индивидуальных особенностей ребенка в связи с вопросами о правильном воспитании, имманентном той или иной психической конституции. Наконец, поскольку в настоящее время в науке все точнее определяется вопрос о детерминации психической конституцией выбора той или иной формы психоза, здесь психолог ока-

зывается на рубеже проблемы различия между нормой и аномалией. Психолог должен ориентировать в норме свое психологическое изучение личностей (любой из указанных категорий), все время помня свою пограничную дорогу с психиатром, изучающим отклонение от этой нормы. Вместе с психиатром психолог должен углубить проблему изучения психических конституций, уточнить эту проблему.

Таким образом, путь психолога в изучении личностей пограничен с путями психиатра, социолога, педагога.

Ясно далее, что поскольку в настоящее время вопрос о психических конституциях уже не считается относящимся исключительно к психической области, то проблемы биохимии и антропологического изучения строения тела стоят с этим вопросом в тесной связи. В современной научной литературе есть целый ряд опытов, объединяющих эти проблемы. Укажем хотя бы на работу Мунца, изучавшего различия типов психических реакций в пикнической и лептозомной группах ¹⁾, или на статью того же стиля Ван-дер-Горста ²⁾.

В этом смысле в плане нашей работы мы причастны к современному научному течению в психологии и, скажем смелее, считаем результаты нашей работы достаточно демонстративными.

Из нашего основного положения, что психолог прежде всего должен работать над проблемами изучения психических конституций, вполне ясен наш отказ от той экспериментальной психологии, которая мозаически раздробляет личность на абстрактные части, откуда, может быть, и проистекает пессимизм психологов в вопросе о психологической классификации личностей, который мы видим у Штерна³ и его сторонников. Впрочем, в настоящее время Штерн отказался от своей прежней точки зрения и разделяет метод целостного подхода к личности. На основании наших опытов для нас вполне ясно, что даже такой, самый простой факт сознания, как „память“, должен рассматриваться не

¹⁾ См. примечания в конце книги, стр. 253: примечание первое.

²⁾ То же, примечание второе.

как „память“, а как „памяти“, индивидуально различные при различных нормальных психических конституциях. Таким образом, даже память, это—лишь сборное имя для названия совершенно разнородных процессов, специфически различных у различных индивидуумов, и потому даже память при изучении личности должна оцениваться не иначе, как в общем контексте индивидуальности, т.-е. на фоне психической конституции.

Поскольку далее мы признаем, что каждая психическая функция неотделима от общего сложного контекста психики, мы должны, исходя отсюда, искать установки известных соотношений (корреляций) между исследуемыми моментами, искусственно абстрагированными нами при исследовании живой личности.

В нашей методике мы остановились на обработке наиболее типичных психических реакций, полученных нами при наших психологических исследованиях. Повторяем, у нас нет отказа ни от одного пункта в методологии нашей работы. Мы все время находимся в тесном сотрудничестве, с одной стороны, с психиатрами и антропологами, с другой—с социологами и педагогами. Разумеется, мы считаем такое сотрудничество единственной гарантией правильного разрешения методологических проблем, поставленных психологией, так как в нашей общей работе все эти дисциплины освещают один и тот же предмет с различных перспектив и, конечно, только такой разносторонний подход обеспечивает полный обхват изучаемого предмета в его пластической рельефности, а не в плоскостной схематической тени: здесь каждая дисциплина помогает другой.

Прежде, чем перейти к методике собственно, необходимо сказать, каких приемов мы держались в обработке наших психологических исследований. Мы остановились на классификации наиболее типичных реакций, которые нам удалось получить на всем указанном материале.

Мы ищем соотношения (корреляции) между тем или иным видом восприятия, например, и тем или иным типом мышления, или узостью и широтою сознания, или внушаемостью той или иной степени, или тем или

иным типом ассоциаций, или тем или иным типом памяти и т. д., и т. д.

Несомненно, что только при решении таких задач возможно наметить типы психических конституций ■ только отсюда, далее, наметить проблему корреляций более частных соотношений, например: соотношение между типом психической конституции правонарушителя и типом правонарушения; или соотношение между психической конституцией и той или иной формой психоза; или соотношение между психической конституцией ребенка и тем или иным способом педагогического воздействия на него.

В целях более осторожной установки типов психических конституций мы старались исходить не от случайного констатирования найденных нами соотношений, а из задач вполне определенно поставленных. Всем известно, что до сих пор в психологии очень часто выбор функций для исследования по методу корреляций определялся совершенно случайно: многие американские исследователи употребляют любые серии тестов, в которых содержатся самые разнообразные испытания,—ловкости, чувствительности, памяти и т. д.—и затем вычисляют между ними коррелятивные отношения. Поэтому получаются не столько оформленные результаты, сколько надежды на будущее.

Мы не могли для наших только-что формулированных целей остановиться на исследовании каких-либо психических функций только потому, что они относительно удобны для обработки, как, например, исследование восприятия различных тонов, остроты осязательной чувствительности, исследование памяти и т. п., как это делали Крюгер и Спирман, давшие основоположения в области психологических корреляций 4.

Мы хотели избежать этой неопределенности как в методах исследования отдельных функций, так и во всей постановке проблемы корреляций, ведущей, как известно, к большим разногласиям в этой области.

Мы полагаем, что решение этой проблемы в тех целях, которые ставятся нами, именно в связи с изучением личностей указанных нами категорий, зависит от ясности

постановки проблемы о психических конституциях. Вот почему мы не просто накапливали материалы для обработки, но набирали их, осмысляя, учитывая те соотношения между различными функциями, которые указали бы нам, какие связи между ними наиболее постоянны и бесспорны.

Соотношения, найденные нами этим путем, приблизили нас к проблеме психологической классификации личностей, построенной аналитически-синтетическим путем. Ведь и в естествознании существует положение, что „природа не знает ни классов, ни порядков, ни родов, ни постоянных видов, а только особи, из которых одни следуют за другими и похожи на тех, которые их произвели“. Поэтому наука только теоретически ищет общие формы для частного: наблюдая индивидуальное, отбрасывают частное, ищут общее. Всякая естественно-научная классификация есть в то же время отвлечение; тем не менее типические признаки существуют в живой действительности, и выделение их должно способствовать изучению личности.

В нашей классификации мы преследовали не только субъективные цели методики (т.-е. принцип наибольшей наглядности в передаче изучаемых личностей), но также цели научно-объективные: распределение всех возможных личностей вообще по психологическим категориям сообразно с типическими признаками их реакций. И только после выяснения общей проблемы о психологической классификации личностей мы считаем возможным установить соотношение между более частными моментами, как-то: соотношение между психической конституцией личности правонарушителя и характером его правонарушения ■ т. д. Отсюда совсем издали перед нами имеется возможность для построения собственно психологии правонарушителя, так как именно при такой постановке работы систематизируется та пестрота отдельных черт характера, которая своим встречным соединением в одном и том же индивидууме „самых противоречивых свойств“ вызывает временный пессимизм даже у такого ученого, оптимиста в вопросах криминалогической психологии, как Ашаффенбург ⁵.

Точно также мы убедились на практике, что на основах нашей классификации и проблемы детской психологии, поставленные Бинэ и Штерном, приобретают большую четкость в своей постановке, если даже не в самом решении. Наконец, уяснение точного соотношения между психической конституцией и определенной формой психоза ясно очерчивает область собственно индивидуальной психологии и ее границ с психопатологией.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТЕЙ.

I.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МЕТОДИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТЕЙ.

В порядке изложения нашей методики мы идем по направлению жизненного плана любой биологической организации на всех ступенях ее развития, который есть вместе с тем план любой психической деятельности, именно, — от восприятия через чувство к действию (воле). Как теперь принято особенно подчеркивать, поведение человека, так же как и животных, есть форма приспособления организма к среде. Именно среда, как подчеркивают теперь, есть система воздействующих на организм раздражений, которые и вызывают так называемые и так часто теперь упоминаемые в психологии условные рефлексy, из которых складывается поведение человека. Кстати сказать, термином „рефлекс“ в последнее время слишком злоупотребляют⁶. Как бы ни называли этот момент, в котором взаимно проницают друг друга факторы эндогенный и экзогенный, с психологической точки зрения важно лишь то, что при взаимодействии со средой со стороны собственно субъекта, психическую конституцию которого мы здесь изучаем, наступает та или иная эндогенная „реакция“ (термин, имеющий самое широкое биологическое значение⁷).

Чтобы изучить психическую реакцию (эндогенного характера) в самом широком смысле слова, все же необходимо наметить те моменты, из которых она складывается и для точного обозначения которых в психологии пока не имеется других терминов, как: 1) восприятие состояний изменения в окружающей среде (момент ощущения, мыш-

ления; познания собственно), 2) чувство (эмоция) с оттенком удовольствия и неудовольствия, оценивающее пригодность или непригодность изменений в окружающей среде для данного индивидуума, и, наконец, собственно 3) реакция на среду соответственно той или иной оценке — активный волевой момент (рефлекс, воля). Мы и располагаем нашу методику по этим моментам, пользуясь этими психологическими терминами лишь условно.

1. Да и с точки зрения выяснения типа психических конституций удобнее всего начать исследование с кардинального для этой проблемы вопроса о восприятии реальности, равно важного как для психолога, так и для психиатра и социолога. Эта функция, имеющая несомненную биологическую ценность, сразу вводит нас в самую сердцевину наших заданий: именно здесь намечается особенно четкий исходный пункт для определения типа психической конституции и одновременно для определения границы нормы и аномалии, поскольку, например, объективный или, наоборот, субъективный, склонный к иллюзиям, тип восприятия находится в связи с индивидуальными особенностями личности и поскольку, например, для самого воспринимающего лица его субъективные иллюзии, галлюцинации и т. п. носят характер объективности. Таким образом, эта проблема сближает нашу работу с работой психиатра и, с другой стороны, с работой педагога и социолога, поскольку удастся психологически выяснить, что восприятие неодинаково выражается у различных типов детей ¹⁾—у человека культурного и некультурного (прими-

¹⁾ Для наших целей группировка реакций по признакам возраста (как это делают, напр., Бинэ и Штерн) может идти лишь параллельно с нашей: как известно, на первой стадии восприятия, у детей до 7 лет, которую Штерн называет предметной, описание виденного ограничивается бессвязным перечислением вещей; на второй, приблизительно на 8 году, выдвигается категория действия, ребенок различает деятельность и поступки изображенных на картинке лиц. Затем, на 9 или 10 году, наступает стадия наблюдений отношений между предметами: пространственных, временных, причинных. И, наконец, в 12—14 лет наступает стадия восприятия качественного состава предметов (того, из чего и как они сделаны). Однако,

тива), для которого действительность насыщена домовыми, лешими и т. д. Нормальное восприятие лиц такого типа, при всей его конкретности, неясно, так как здесь имеется смешение вымысла и действительности. Мы видим на этих суеверных искажениях при нормальной психической основе тот экзогенный момент, который вносит некультурная грубая среда в представления ■ восприятия примитивной личности. Не одна ■ та же оценка дается нами восприятию примитива, усмотревшего, предположим, в конюшне домового, плетущего лошадям косы, и восприятию культурного человека, который видит чорта, сидящего на его собственном окне.

Эта же проблема восприятия оказывается центральной психологической проблемой, интересующей нас здесь по преимуществу, поскольку при исследованиях оказывается совершенно очевидным, что проблема восприятия тесно связана с тем особым индивидуальным эмоционально-волевым опытом, который обусловлен той или иной психической конституцией. Из данных психологии далее ясно, что „полный анализ любого восприятия есть задача не только трудная, но, можно сказать, почти беспредельная. Полное выяснение происхождения каждого восприятия предполагало бы в сущности знание всей биографии данного субъекта, всего его прошлого опыта и даже опыта других субъектов, оказавших какое-нибудь влияние на его взгляды, вкусы, а также всех особенностей его внимания, объема сознания, памяти и т. д. Такое исследование во всей его полноте невыполнимо“⁸. Возможно лишь изучение отдельных факторов и сторон восприятия. Это понятно, потому что в сложный процесс восприятия входит процесс узнавания, памяти, тот или иной характер умственных образов (зрительный, слуховой), присущий данному субъекту и т. д. И если можно сказать, что ощущение есть наиболее объ-

поскольку нашей задачей является установка различия психических конституций вообще, для нас важнее проблема: наблюдается ли такое конституционное различие и у детей.

ективная единица психической жизни ¹⁾, то умственный образ (представление), как момент более сложный, обнаруживает больше индивидуальных различий. „Психология образа есть по существу индивидуальная психология“ ²⁾.

В последнее время объединяют восприятия и представления (воспоминания) в один класс, усматривая различия между ними лишь в способе их возникновения: к восприятию собственно относят тот процесс, который вызывается внешним раздражением, тогда как к представлениям относят процесс, возникший изнутри, ассоциативно.

По содержанию же никакой существенной разницы в них не находят: например, для галлюцинирующего субъекта его галлюцинации имеют вполне объективную ценность. В связи с последним моментом проблема восприятия становится проблемой индивидуальной психологии по преимуществу, оставаясь в то же время пограничной с психопатологией.

Метод, которым мы пользовались при исследовании индивидуальных особенностей восприятия, общеизвестен и до крайности прост. Вообще мы думаем, что очередная задача психологии заключается не столько в изобретении новых приемов для исследования, сколько в умелом их применении ²⁾. Для учета реакций на восприятия мы пользова-

1) Все, кто обладает нормальными органами чувств, имеют одинаковую общую способность к ощущению и, наоборот—резкие особенности ощущений как, например, цветная слепота, невосприимчивость к известным тонам и т. п. относятся к ненормальности органов ощущения.

2) Особенно, если дело касается применения тестов. Мы считаем дальнейшей очередной задачей нашей работы углубление и уточнение наших исследований методами чисто лабораторными, т.-е. применением для наших целей тонкой аппаратуры: гальванометра, хроноскопа и т. д. Что касается технической стороны исследований, то прежде всего мы считаем абсолютно необходимым, чтобы запись протоколов велась исследователем, а не испытуемым, для тождества условий эксперимента при всевозможных данных, например, при неграмотности испытуемого. Запись должна вестись дословно и даже с акцентуированием пауз, восклицаний и всякого рода отступлений: смеха, слез, отказов, жестов, вздохов и т. п. Запись должна вестись умелым психологом, который при учете реакций имел бы запас нужных психологических, логических и т. п. понятий и навыков, приобретаемых строгим стажем длительного психологического обра-

лись методом Штерна, однако, для совсем иных целей, чем та, которая приводится в его книге ¹⁰, именно для уяснения типа психической конституции. В применении к этой задаче метод Штерна еще никем не использован.

Мы брали картинку ¹¹, приведенную в указанной книге, и в течение одной минуты давали смотреть на нее испытуемому, предлагая запомнить все детали ее и описать по памяти возможно подробнее. Через минуту картинка отбиралась и все показания испытуемого точно протоколировались ¹².

Вот наши обобщения результатов по исследованию восприятия ¹⁾. В нормальном восприятии мы замечаем четыре резко ²⁾ отличные друг от друга типа (и затем несколько видов ненормальных). Из этих четырех нормальных типов восприятия три обусловлены конститу-

зования, который сумел бы систематизировать каждую деталь исследования. Кроме того, как, например, для искусного хирурга не достаточно только окончить медицинский факультет и иметь известную практику, ■ необходимо иметь еще и специальную способность для оперирования: ловкость рук, решительность, безошибочность в нащупывании точной локализации болезни и т. д., также и для ведения психологических экспериментов по тестам при индивидуальных исследованиях, экспериментатор должен непременно обладать рядом личных качеств как психологического, так и технического характера: прежде всего умением максимально быстро и точно вести протокол. Он должен обладать распределенностью внимания, ни на минуту не терять нити своих наблюдений, попутно углубляться в индивидуальность изучаемого, варьировать способ постановки одних и тех же проблем (раздражителей) применительно к индивидуальности того или другого испытуемого, при полной синтоничности с ним; но и при полном эмоциональном контакте с ним не терять способности к объективности, к нужной решительности, к наблюдательности ■ критике. Абсолютно невозможен вялый усыпляющий подход к испытуемому. При всем том ведение точного протокола не должно оскорблять испытуемого. Словом, необходим тонкий психологический подход к личности испытуемого, потому что, как справедливо говорит Бинэ „одно только слово, одно только простое слово, сказанное экспериментатором, может изменить направление психики испытуемого“.

1) При изложении приемов исследования мы пользуемся таким порядком в распределении материалов, который наиболее выпукло иллюстрирует различия типов реакций, не преследуя никаких других целей.

2) О дальнейших дифференциациях мы будем говорить позже.

ционально, — поскольку, разумеется, можно брать психическую конституцию в абстрактном разрезе, оторванно от среды, — и одна — только низкой культурой (реакция примитива), — поскольку можно говорить о выделении реакции примитива — оторванно от его конституциональных психических особенностей. Такой разрез, однако, очень важен в методологических целях.

Первый тип нормального восприятия. Восприятие культурное, обусловленное конституционально. Дан лицом с высшим образованием из числа наших коллег. Передача воспринятого вполне точная, моменты реально изображенного и субъективные догадки разграничены. Отсутствует привнесение в самую картинку добавочных субъективных моментов, изменяющих ее смысл: нет излишних деталей и субъективной эмоциональной или аффективной окраски. Таким образом, здесь мы видим интеллектуально-волевою установку на восприятие (конституциональный момент реакции). Вот протокол такой передачи воспринятого: „На картинке налево изображен мальчик, который сидит на стуле и ест кусок хлеба. Направо женщина, в голубом платье и красном фартуке, держит хлеб. Между ними стоит стол. На столе лежит нож, на полу налево — красный ранец, под стулом стоит голубой кувшин. Сзади женщины стоит сундук, на нем горшок с цветами. В глубине дверь, полуоткрытая, из нее видна белая полоска, как бы недокрашенная часть картинки. Можно предположить, что на картинке изображена мать, которая дает мальчику завтрак перед тем, как отправить его в школу“. Таково вполне точное восприятие данной картинки лицом культурным, у которого интеллектуально-волевая установка заметно доминирует над прочими функциональными моментами.

Второй тип нормального восприятия. Восприятие примитивное, обусловленное экзогенными моментами. Лица нормальные, но некультурные, примитивы, даже взрослые (малограмотные) дают неточное восприятие этой картинки, потому что их восприятие обусловлено скудным запасом знаний; в нем нет

правильного узнавания предметов. Этот экзогенный момент их восприятия не мешает, однако, тому, что примитив, крестьянин, например, может лучше и точнее культурного горожанина воспринять, понять и передать какую-нибудь специальную подробность деревенской жизни, знакомую ему из непосредственного опыта. Таким образом, указанная неясность, которую примитивы вносят в свое восприятие вообще, зависит от узкого кругозора в их познаниях, от неясного знания даже простых (для горожанина) конкретных предметов. А так как неточно восприняты части картинки, то утрачивается и способность верно схватить ее общий смысл. Например, 16-летний заключенный, крестьянин, неграмотный, вор (М. Н. К.)¹⁾, так передает содержание этой картинки: „Мальчик сидит на табуретке“ (табуретка вместо стула — неточное, более привычное выражение для определения вида мебели, предназначенной для сидения). „Чай пить“ (имеется в виду кусок хлеба в руке мальчика, так как самое изображение этого куска, довольно нехудожественное, напоминает блюдце, из которого мальчик как будто бы пьет. Примитивное неумение отчетливо воспринимать элементарные конкретные предметы в изображении их на картинке, — реакция, часто встречающаяся у примитива). „Мать подает ему горшок с супом или еще с чем“ (та же причина неясности восприятия примитива, непривыкшего к зарисованным предметам; к тому же каравай хлеба на картинке формой и цветом очень напоминает горшок). Недостаточно знакомый малограмотному или вовсе неграмотному примитиву предмет — ранец на полу — воспринимается неясно, неопределенно: „Скамеечка вроде валяется“ (этот неясно воспринятый предмет — ранец — не подсказывает общего смысла картинки: завтрак перед уходом в школу). „Сзади стоит комод“ (вместо „сундук“, — неточная

¹⁾ Условные сокращения:

М. Н. К. — Материалы Научного Кабинета по изучению личности преступника и преступности (Мосздрав).

М. Ш. С. — Материалы Школы-Санатория Наркомздрава.

М. П. К. — Материалы Психиатрической Клиники 1-го Московского Университета.

дифференциация терминов для обозначения укладки для вещей). „На комодѣ стоитъ свѣтъ“ (вмѣсто „цвѣтокъ“, — не-точная терминологія примитива). „На столѣ лежитъ нож. Дверь или окно, не поймешь, отворена“ (неясное восприятие предметов на рисункѣ). „Больше ничего тутъ нѣтъ“.

Такова типичная для примитива (все равно взрослого или ребенка) передача восприятия данной картинки. Здѣсь типична неясность восприятия, обусловленная отсутствиемъ культуры (о конституциональных различіяхъ на фонѣ примитива мы пока не говоримъ).

Третій типъ нормальнаго восприятия. Восприятие культурное, обусловленное конституционально. Картинка воспринимается точно и ясно, но все же в передачу ея примешиваются догадки, хотя бы и вполне соответствующіе смыслу изображаемаго. Вотъ примеръ такой реакціи, данный бывшимъ воспитанникомъ Рукавишниковскаго приюта, крестьяниномъ 29 лѣтъ. Эмоціональный человѣкъ, поэтъ, очень недурной для самоучки (обвиняется въ кражѣ. М. Н. К.). „Мальчикъ идетъ въ школу“. (Здѣсь правильная догадка прямо обращена въ уверенность. Подчеркнутъ динамическій моментъ: идетъ). „Бросилъ ранецъ съ книгами на пол“. (Догадка обращена въ уверенность: ни откуда не видно, что ранецъ содержитъ книги, и что мальчикъ его бросилъ на пол, — динамическій моментъ). „Его мать“ (догадка, обращенная въ уверенность) „режетъ ему хлѣбъ“. (На картинкѣ взятъ статическій моментъ, — испытуемый вноситъ экспрессивность и динамичность въ воспринимаемое). „Мальчикъ естъ хлѣбъ. По детской привычкѣ, прежде чѣмъ заняться едой, навѣрное, рассказываетъ что-нибудь: Мать, очевидно, любитъ его. Не спуская глазъ, продолжаетъ держать хлѣбъ уже отрезанный, — смотритъ на мальчика“. (Внесенъ ярко выраженный субъективный эмоциональный моментъ, который окрашиваетъ картинку содержаніемъ достаточно имманентнымъ ей, конкретнымъ и близкимъ къ реальности. Однако, все же этотъ моментъ построенъ субъективно, на основаніи эмоциональнаго вчувствованія, а не изъ основъ интеллектуально-волевой установки).

Итакъ, въ третьемъ типѣ восприятия мы встречаемъ живую экспрессивную передачу воспринятаго, гдѣ субъективные по-

строения, более или менее адекватные действительности, подсказаны эмоциональным тоном самого воспринимающего, восприятие которого, реальное и конкретное, можно назвать конкретно-эмоциональным.

Наконец, четвертый тип нормального восприятия. Восприятие культурное, обусловленное конституционально. Здесь вносятся догадки, не совсем соответствующие действительности. Самое восприятие функционально нормально, но вывод из воспринятого субъективен. Нарушена способность правильно выбирать элементы восприятия и объединять их в правильно освещенное целое; над объективным содержанием доминирует аффективный тон, трансформирующий воспринятое.

Например, девочка четырнадцати лет (М. П. К. Смотрите „Случай матереубийства четырнадцатилетней девочкой“; журнал „Право и Жизнь“, Январь, 1924 г.) так передает в общем точно воспринятое: „Какая-то несуразица нарисована“. (Внесен аффективный момент: картинка не соответствует тому, что склонна в настоящую минуту воспринимать испытуемая, — отсюда термин „несуразица“). „Ну, сидит мальчик на стуле“. (Вводным словом „ну“ проявляется как бы снисходительная уступчивость; испытуемая как бы принуждает себя говорить о том, о чем не стоит и говорить). „Около стула, против двери, перед ним стол стоит, перед самой дверью“. (Все точно воспринято). „Я уж не знаю, мать, наверное“, (неуверенность там, где очень многие обычно уверенно говорят: „мать“) „ему отрезала хлеба, а горшок с вареньем стоит под стулом“. (Ни откуда не видно, что горшок, который стоит под стулом на полу, должен заключать в себе варенье: он также может быть с вареньем, как и с помоями. Догадка неадекватная действительности). „Она вместо этого горшка подает ему опять хлеб“. (Почему „вместо“? (!): аффективный момент. Дальше идет опять точное восприятие). „Рядом с ним ранец стоит и рядом, около двери ящик, а на ящике горшок с цветами. У матери голубое платье и красный передник, а у мальчика зеленая куртка и красные штаны. Ну, вот и все!“

Установившаяся неадекватность воспринятого момента (горшок с вареньем и т. д.) проявляется и через неделю: „Мальчик сидит за столом и в руке у него хлеб, а под стулом стоит горшок с вареньем; мать ему подает вместо варенья хлеб...“ (Дальше идет точное восприятие). Еще через неделю: „Стоит стол и мальчик сидит за столом, в руках держит кусок хлеба. Перед ним стоит мать наверное“ (опять неуверенность), „держит кусок хлеба. Под стулом стоит горшок с вареньем; мать его держит вместо варенья большой кусок хлеба“ и т. д. Еще через четыре дня начинается замечания: „Как вы меня доводите этой картинкой. Стол стоит, за столом мальчик сидит и держит ломоть хлеба, рядом с ним стоит мама его и подает ему большой кусок хлеба вместо горшка с вареньем“. Наконец, на вопрос при последнем эксперименте: почему она говорит, что мать подает хлеб вместо варенья, откуда это следует? — отмечает: „Она подает хлеб, когда у него в руке уже есть хлеб, — ну, я и думаю, что нужно дать горшок“.

На этом примере мы видим у испытуемой нарушение способности правильно объединять и правильно освещать элементы восприятия, сами по себе точно воспринятые. Мы видим, что при таком типе восприятия выхватываются совершенно случайно части из целого и этим частям придается значение более важное, чем это имеет место на самом деле. Таким образом, нарушается правильная оценка воспринимаемых предметов, а отсюда нарушается правильное объединение целого. Связь этого целого диктуется не столько объективной действительностью, сколько своеобразным аффективным тоном, который изменяет действительную связь воспринимаемого. Под аффектом мы понимаем резко выраженную эмоцию, которая изменяет течение представлений в момент той или иной реакции. Так создается комплексная насыщенность психики. Под комплексом же мы понимаем „изолированные группы представлений с сильным аффектом, которые имеют самостоятельное и часто отрицательное действие на психику“¹³.

Любопытно, что такую же реакцию мы встретили у другой пациентки Психиатрической Клиники 1 Моск. Университета, 17-ти лет (диагноз—schizophrenia). Передавая содержание этой же картинки, она говорит: „Кувшин с чем-то красным, верно вареньем“ (тот же образ). Повторно через несколько дней выражает ту же мысль: „Стоит горшок с красным вареньем или киселем, вроде того, как нам сегодня давали“. Быть может, из этого последнего дополнения уясняется скрытый ход построения комплекса и у первой испытуемой: ряд едва заметных красных точек на горшке — следствие не тщательной окраски картинки, ряд субъективных впечатлений из личной жизни — и построение готово раньше, чем действительность вызовет точную реакцию; потенциальная реакция как бы подыскивает в действительности соответствующие моменты для своего выявления.

Нам могут заметить, что, очерчивая нормальные типы восприятия, в последнем случае мы близко подходим к аномалии. Правда, мы выбираем наиболее типичные, наиболее яркие случаи, которые поэтому самому являются некоторым заострением обычных реакций, но тем не менее они характерны и для нормы и даже, главным образом, для нормы, так как здесь восприятие само по себе не нарушено, погрешает лишь оценка воспринятого. Оценка же в данном случае всегда несколько субъективна.

Сравним этот последний четвертый тип восприятия с третьим и увидим, что при всем их несходстве между ними есть кое-что общее, именно: вставки дополнительных моментов, которые построены на большей или меньшей субъективной догадке¹⁴.

К пятой категории восприятий мы относим восприятие явно ненормальное. Как таковое, оно может иметь целую серию вариаций, начиная от смутно тупого восприятия олигофрена вплоть до изысканно утонченного, но все же больного восприятия шизофреника. Так как сейчас мы очерчиваем признаки нормы, то здесь мы остановимся на одном только примере. Заключение Криминальной Клиники при Научном Кабинете, 40 лет, крестьянин, убивший свою сожительницу (диагноз—эпилепсия), с мельчайшими подробно-

стями передавая все эту же картинку, через некоторое время вносит в нее совсем ложные моменты, которые с течением времени все больше и больше окрашиваются новыми ложными подробностями, где реальная действительность окончательно уступает место вымыслу. Испытуемый не только примыслил, что в дверь видна несуществующая на картинке фигура мужчины, но и добавил, через несколько дней: „Одет он в летнее пальто, серого цвета. Как будто прислушивается, что делается в комнате. Он средних лет, от 35 до 40“ и т. д. Так создаются галлюцинации.

С психологической точки зрения важно лишь отметить, что два последних типа (4-й и 5-й) принадлежат лицам, как бы погруженным во внутреннюю жизнь и очень мало способным к точному адекватному восприятию действительности. Отсюда ясно, что и самое поведение лиц двух последних типов восприятия, их рассказы из личной жизни должны носить совсем иное субъективное переломление, чем это свойственно, например, типу, в котором интеллектуально-волевой момент доминирует над аффектом. Этот тип восприятия также несходен и с тем, где хотя и имеется эмоциональная окраска, но адекватная реальной действительности, чуждая ложных привнесений, чуждая абстрактных истолкований.

Разумеется, при оценке восприятия мы не ограничиваемся только указанной нами картинкой¹⁾. Далее мы, например, заставляли испытуемого зарисовывать воспринятое и оценивали, как передается и как вообще воспринимается им перспектива. Мы исследовали далее не только зрительные, но и слуховые моменты, например, как воспринимается музыка и т. д., и т. д.

Дополнительным моментом к только-что изложенной группировке типов восприятия может служить наша обработка реакций на простое описание картинок (наглядное, а не по памяти) из известного альбома Бинэ¹⁵. Совершенно

1) Даже и к картинке „Завтрак“ мы имеем очень похожий вариант, где изображено окно, кошка и т. д., для того, чтобы избежать возможности косной установки реакции среди лиц, имеющих между собою общение.

также и здесь мы встречаем те же резко отдельные между собою четыре нормальные типа реакций¹⁶.

Тип первый: интеллектуально-волевая реакция. Описание дано тем же лицом, которое дало первый тип нормального восприятия.

Картинка 1-я: „На картинке изображена тюремная камера. Налево стоит койка, прикрытая темным одеялом, из-под которого виден край подушки. На этой койке стоит молодой заключенный, скрестив на груди руки. Он смотрит в решетчатое оконце, находящееся под потолком. Он одет в темную куртку и белые брюки. В головах койки стоит простой стул. В глубине комнаты, направо — край двери. Там же в углу стол, на котором виден кувшин и кусок хлеба. Налево от стола табуретка“.

Картинка 2-я: „На этой картинке изображены мужчина и мальчик, которые перевозят в двухколесной тележке домашние вещи. Мужчина везет тележку за оглобли, а мальчик за веревку. Другая веревка от тележки опоясывает грудь мужчины. Оба они бедно одеты. Вещи на тележке прикрыты грубой рваной тканью: видны только часть стола, часть корзины и ведро. Дорога, по которой они идут, подымается в гору, слева направо от зрителя. Внизу виден город; впереди от них направо видна часть земляной насыпи и забора. По блеску на дороге можно предположить, что она мокра от дождя“.

Тип второй: примитивная реакция. 17-летний крестьянин (вор. М. Н. К.) после минутной паузы описывает первую картинку так: „Что же, сидеть в тюрьме, стоять около окна на койке“ (верно понят смысл, но нет подлежащего — неясность примитивного мышления). „Стуло стоять, табуретка, кувшин, еще что-то на столе, не пойму, лежит“ (нет способности отчетливо воспринимать предметы, зарисованные на картинке, — отсюда неуверенность). „На койке одеяло. Окно с решетками. И стоять этот мужчина, смотрит в окно“. „Больше ничего я не вижу. Заключенный вроде как в тюрьме сидеть“. (Неуверенность в точно схваченном смысле картинки).

Картинка 2-я. Реакция дана 16-летним крестьянином (вором. М. Н. К.): „Паяльщик вот, железо что ль он везет, с мальчиком старик, на телеге. Лес есть, вроде снега что-то такое, на возу какая-то корзина, ведро. Мальчик и он — везут они“. (Реально воспринято, истолковано житейски из личного опыта, наивно, но не патологично).

Картинка 3-я. Реакция дана 17-летним крестьянином (вором. М. Н. К.): „Сидят на лавочке старик и старуха. Старик не то спит, не то мертв“. (Примитивное неумение подметить экспрессию на картинке, чтобы вчувствоваться в ее смысл). „Не знаю. В костюме он. Потом лежит на полу фуражка“ (шляпа), „книга“ (принял за книгу ярко освещенный край скамьи — примитивное неумение правильно воспринимать предметы, изображенные на картинке), „стоят деревья. Фонарь. Больше тут нет ничего“.

Тип третий: Реакция конкретно-эмоциональная. Мальчик 14 лет (М. Ш. С.), очень одаренный, скульптор и художник, так описывает первую картинку: „Это тюрьма по-моему. Но все-таки мне кажется, что эта картинка отличается от тюрьмы. Мне кажется, если это тюрьма, то она должна быть меньше, а своды — повыше“. (Мальчик воспринимает действительность так, как она есть, но он вносит поправку художника, не смешивая моментов объективного восприятия и субъективного корректива). „И потом вот я думаю: дверь какая-то странная все-таки; потом эти два столика, они как в больнице: один столик побольше, другой поменьше. На этом столе стоит, кажется, хлеб и вода в кувшине“. (Не смешивается объективный момент и догадка: „вода в кувшине“). „Перед окном стоит кровать. Влезши на нее“ (динамический момент вчувствования), „заклученный смотрит в окно. Он вытянулся“ (динамический момент вчувствования), „поднялся на носки и смотрит в окно, старается рассмотреть“ (динамический момент) „что-нибудь, что делается на дворе или на улице“.

Экспрессия, движение и эмоция внесены в описание картинки. Описание вполне точное, но вкус художника, любителя красок, чуткого к их оттенкам, недоволен бледным изображением этой бескрасочной картинки. „Я думаю так:

я все эти стены окрасил бы все серовато-розовым, голубоватыми тенями“ (его любимая краска голубая — „успокаивающая“, иногда синяя), „все вместе будет такие переливы“ (отсвет из окошка). „Я бы взял потом на той стене, где окно... Я бы тени все сгустил и прибавил бы немножко коричневого оттенка“ (для придания бóльшей мрачности тюрьме с контрастом отсвета из узкого окошка). „Два стола оставил бы белые. На них бы кусок хлеба и кувшин — темными, темноватыми тенями выступали бы, а в окошко было бы ясное небо: такое, как здесь сегодня!“ (Конкретный момент из реальной действительности). „Эта решетка выделялась бы на нем очень хорошо“. (Контрастом между тюремными тенями и светом извне, — воля — свет, тюрьма — темнота, — выражено эмоциональное переживание испытуемого). „Заклученный был бы в темном сюртуке и холстинковых штанах, как неаполитанка жесткая. Кровать была бы темно-коричневая с серым. Стул я бы тоже сделал белый: более выделялся бы. Лицо бледное сделал бы, волосы совсем черные сделал бы“.

Такова реакция мальчика-художника конкретно-эмоционального типа.

Картинка 2-я. Реакция дана юношей 19 лет (перенесшим энцефалит. М. П. К.). Перенес много житейских невзгод. Отец рабочий, слесарь, — скудный заработок. Мальчик учился прилежно. По его словам „это ученье повлияло на его нервную систему. Ночей не спал, все уроки учил. Потом стало дергать затылок“. Вот его описание второй картинки. Тон отрывочный, эмоциональный: „Самая печальная картинка. Переезжают на новую квартиру. Дождик, сырость, грязь. Мальчик идет и старик. Изморенные, измученные и с трудом тащат тележку. Неприятная картина, трогательная“.

Тип черт четвертый: аффективно-абстрактная реакция. Дана юношей 16 лет (полурусский-полуполяк), окончившим 2-ю ступень, из интеллигентной среды, поэт. Арестован за пропаганду „анархических“ мыслей, натолкнувших 17-летнюю девушку с таким же образованием на кражу казенных денег, 300 червонцев, у родного дяди

(М. Н. К.). Юноша щеголь, гордый, самолюбивый. Волновался по поводу своего ареста, но старался маскировать это волнение, говоря, что волнуется только от того, что в тюрьме нельзя иметь чистые ногти и т. п. Вот его описание первой картинки: „Описывать для меня является актом неприемлемым: я сам сижу в подобного рода обстановке, только гораздо худшей. (Аффективная реакция — отказ, и абстрактное напыщенное объяснение этого отказа: „акт неприемлемый“. В конце концов дает себя уговорить). „Ну вот: камера, дверь, стол, табурет — нельзя понять... да... на столе чашка, кувшин... кувшин, так ну, что еще? Затем стул, койка, накрыта одеялом, на койке стоит человек. Человек смотрит в окно, а окно закрыто решетками. Чувствует он себя довольно хорошо. Это мое такое личное предположение“ (замаскированный аффект). „Ну и все“.

Все тот же момент рисовки, скрывающий аффект, замечен и в описании остальных двух картин.

Картинка 2-я: „Она очень неразборчива. На фоне, я не могу разобрать чего...“ (Здесь не примитивная неясность, но функциональная расплывчатость восприятия культурного человека этого типа). „Это может быть снегом, это может быть постройкой, но на этом рисунке белое пятно, серовато-белое; ну вот, вижу человека пожилого, с бородой, в котелке, одет просто. За ним мальчик, без перчаток, оба без перчаток“. (Схвачен момент, объективно совсем несущественный, — аффективное восприятие, манерничание, маскирующее аффект). „Оба впряжены, держатся за оглобли веревки“. (Типичная даже для многих современных поэтов и прозаиков инверсия, зависящая от слишком расплывчатого конкретного образа и недостаточно четкой абстракции: „оглобли веревки“ вместо „веревка, играющая роль оглоблей“). „Двухколесная коляска и на ней ведро, стол, корзины какие-то, в общем какие-то предметы, которые я разобрать не могу“ (расплывчатость). „Ну и все. Основное разобрать не могу“ (расплывчатость), „тут, сбоку видна земля, забор“.

Та же замаскировка аффективной реакции видна и в описании третьей картинки: „Дело вот в чем: видно какое-

то яркое психическое переживание". (Сейчас же ловит себя на аффектной реакции и маскирует аффект). „По моему мнению, старик держит голову кверху, повидимому, лечится от насморка" (манерничание). „Около него, видите, сидит женщина, изображающая отчаяние" (маскировка аффекта). „Дело происходит на улице. Подобного рода выражение неприлично для личности. Это состояние может вызвать насмешки, вызвать насмешки... неприлично... может вызвать скорее ужас, но не сострадание". (Определенно выраженная аффективная реакция. Сдерживаемый аффект влияет на гладкость стиля).

Для нас вполне ясно, что на любом раздражителе (стимуле) проявляются самые различные функции психики, как это видно из наших исследований, условно называемых исследованием на восприятие, по преобладанию здесь момента той или иной степени адекватности объективно-действительного с субъективно-воспринятым. Мы видим здесь доминанту того или иного функционального момента над прочими, — именно, или интеллектуально-волевого, или конкретно-эмоционального или аффективно-абстрактного, или же смутность восприятия в зависимости от экзогенного момента: примитивности среды. Мы убедились, что наличие того или другого типа восприятия стоит в определенном соотношении с типами других психических функций. Так, очень часто, имея результаты исследования, например, по восприятию и т. д., можно ожидать ■ действительно очень часто предугадать тот тип реакции, который будет дан, положим, на мышление и т. д.

Психическими функциями (актами, состояниями, переживаниями) мы называем вместе со Штумпфом¹⁷ „подмечивание. (Bemerken) явлений и их отношений, соединение явлений в комплексы, образование понятий, акты понимания и суждения, движения чувств, желание и хотение". Как известно, Штумпф понимает „функцию" „не в смысле следствия какого-нибудь процесса, подобно тому, как о кровообращении говорят, что оно — функция движения сердца, а в смысле деятельности самого процесса или переживания, в таком

смысле, как самое сердечное сокращение обозначают, как органическую функцию" (стр. 53).

Мы и начали наше изложение методики с описания результатов исследования функции, называемой и Штумпфом „самой примитивной“, именно с „восприятия или подмечивания“ (стр. 68). „Во всяком чувственном восприятии происходит подмечивание частей в целом, а также и отношений между этими частями“ (стр. 69). „Так как части подмечиваются внутри целого, к которому они принадлежат, то всякое восприятие необходимо включает в себе различие воспринятой части явлений от невоспринятых, как бы переднего плана от заднего“ (стр. 69). „Но восприятие может быть направлено также на отношения“ (стр. 76). И мы видели на наших иллюстрациях, что „один и тот же материал может восприниматься одним индивидуумом, как единое целое, в то время как другой вообще не соединяет его в одно целое или же соединяет только отчасти, или в иной группировке, между тем как один и тот же субъект может соединять его то так, то иначе“ (стр. 79).

2. В дальнейшем нашем изложении мы остановимся на результатах нашего исследования мышления, тесная связь которого с восприятием видна уже из того, что некоторые психологи (вначале и сам Штумпф) понимают, что всякое восприятие и подмечивание есть уже акт суждения. Мы особенно дорожим нашими материалами по исследованию процессов мышления потому, что эти исследования могут быть достаточно точными и без применения какой-либо аппаратуры.

Обработка нашего теста¹⁸ по процессам мышления ведется по следующим принципам. Для оценки процессов различения, сходства и обобщения главным критерием является выделение основного признака сравниваемых и обобщаемых предметов. При подведении под род учитывается не столько полнота перечисления видов, сколько ошибочное подведение и характер этих ошибок. Определения оцениваются согласно их распределению на четыре группы: точные, правильные, примитивные, ошибочные¹⁹. Наконец, умозаключения

оцениваются по тому, — сделаны ли они на основании силлогистических посылок, сознательно, или же в них выражены случайно правильные или ложные выводы из личного опыта. При таком чисто формальном учете особенностей ответов на мышление выясняется лишь та или иная степень полноценности интеллекта, но для наших целей важнее соотношение формы мышления с той или иной психической конституцией.

Прежде, чем перейти к этому основному моменту, необходимо сказать, что исследование интеллекта (так наз. *Intelligenz-Prüfungen*) имеет свое особое значение в методологии психологического исследования личностей. Мы считаем, что уже в самом стиле мысли заложены черты индивидуальных особенностей испытуемого. Тот или иной стиль есть свойство того или иного типа мышления. Стиль не есть форма, в которую отливается готовая мысль, но та форма, в которой мысль рождается (Потебня²⁰, М. Мюллер, Горнфельд, Гербер и др.). „Исправить стиль значит исправить мысль“ (Ницше). Разумеется, это не значит еще, что „область языка совпадает с областью мысли. В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но в начале она, повидимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его....“^{21а}.

Таким образом, мы видим, что при исследовании интеллекта (*Intelligenz-Prüfungen*) необходим тонкий психологический подход, который учитывал бы не только содержание мысли, но самый способ ее изложения со всеми оттенками, которыми оно акцентуировано. „Известно, что в нашей речи тон (курсив наш) играет очень важную роль и нередко изменяет ее смысл“¹⁾.

„Слово действительно существует только тогда, когда произносится, а произноситься оно должно непременно изве-

1) Вот почему мы взяли бы обрабатывать только тот психологический материал, который собран или нами лично, или под нашим руководством со всеми теми психологическими тонкостями в приеме исследования, которые психолог должен умело учитывать. Поэтому-то всеми психологами (Бинэ, Штумпф, Рибо и др.) признается необходимость того, чтобы психологические исследования находились в руках специалистов.

стным тоном, который уловить и назвать иногда нет возможности; однако, хотя с этой точки зрения без тона нет значения, но не только от него зависит понятность слова (курсив наш), а вместе и от членораздельности. Слово „вы“ можно произнести тоном вопроса, радостного удивления, гневного укора и проч., но во всяком случае оно останется местоимением второго лица множественного числа; мысль, связанная со звуком „вы“, сопровождается чувством, которое выражается в тоне, но не исчерпывается им и есть нечто от него отличное (курсив наш). Можно сказать даже, что в слове членораздельность перевешивает тон; глухонемыми она воспринимается посредством зрения и, следовательно, может совсем отделяться от звука“ (стр. 74) ²¹ в. Приведенные выше соображения важны для нас потому, что от исследования процессов мышления можно, следовательно, ожидать тех же результатов, какие получены нами от исследования процессов восприятия. С одной стороны, можно и на этих процессах учитывать степень объективности мысли, „так как внешняя форма слова проникнута объективной мыслью, независимо от понимания отдельных лиц“ (стр. 75). С другой стороны, на любой выраженной мысли мы можем проследить ту или иную степень выражения чувства, особенно там, где речь изобилует междометиями. „Чувство, составляющее все содержание междометия, не воспроизводится так, как мысль“ (стр. 75). Если отнять „от междометий О, А и пр. тон, указывающий на их отношение к чувству удивления, радости и др., они лишатся всякого смысла, станут пустыми отвлечениями, известными точками в гамме гласных. Только тон дает возможность догадаться о чувстве, вызывающем восклицание у человека, чуждого нам по языку. По тону язык междометий, подобно мимике, без которой междометие, в отличие от слова, во многих случаях вовсе не может обойтись, есть единственный язык, понятный всем“ (стр. 74). Отсюда ясно, „что напряженность чувства, владеющего человеком, который произносит междометие, должна уменьшиться при переходе междометия в слово. Такое падение интенсивности чувства требуется и тою яс-

ностью, с которой мы представляем себе содержание слова и тою отделкою, какую мы придаем его форме" (стр. 79). „Язык животных и человека в раннюю пору детства состоит из рефлексий чувства в звуках" (стр. 78). „По мере того, как уменьшается необходимость отражения чувства в звуке, увеличивается другого рода связь звука и представления" (курсив наш) (стр. 79). Наконец, отбрасывается наглядная связь представления с предметом и наступает процесс абстракции. Возникают понятия, которые не могут быть сведены ни к простой сумме, ни к простому среднему из отдельных представлений. Наступает момент полной объективации мысли и высшей общественности интеллектуального процесса. „Слово только в устах других может стать вполне понятным для говорящего". „Язык создается только совокупными усилиями многих". „Общество предшествует началу языка: Язык в действительности развивается только в обществе, и человек понимает себя, только испытавши на другом понятность своих слов" (Гумбольдт) (стр. 80). Отсюда ясно и все то различие в способе выражения у человека примитивного ■ культурного. Ясно также и то, что индивидуум не может быть изучаем вне своей среды, что эндогенные факторы личности не могут быть точно изучены без связи с экзогенными, особенно на примитивной ступени развития. Но так как здесь именно среда поглощает индивидуума и является первым естественным возбудителем психических функций, и только затем, на известной ступени дифференциации личности наступает доминанта эндогенного момента, то ясно, что примитивное мышление, как и вообще примитив, имеет больше признаков типа (с преобладанием экзогенного момента), чем индивидуального различия (с преобладанием конституционального момента).

Что касается логических основ интеллекта¹⁾, в корне общих всем людям, то поскольку мы имеем здесь в виду вполне сложившееся, ясное и отчетливое мышление,

¹⁾ Под интеллектом мы понимаем высший тип умственных способностей.

то таковому прежде всего имманентны понятия ясные и отчетливые или строго определенные (несвойственные детям и примитивам). Это — понятия, улавливающие различные черты или различный характер предметов. Логическое мышление есть прежде всего способность различать данное понятие от других.

Рост ясности и определенности понятий идет параллельно со способностью замечать сходство и различие. Однако, на самой начальной ступени развития еще не существует ни различия, ни сходства. Одно название применяется ко множеству предметов, в которых замечается сходство, но это сходство еще не есть аналитическое. Это сходство нерасчлененной массы¹⁾. Понятия становятся определенными по мере того, как распознаются различия, когда образы индивидуальных предметов становятся отдельными. Различие, как процесс более конкретный, дается легче, чем сходство. Высшая ступень абстракции достигается при способности образовывать классы, основанные только на сходстве. По мере расширения опыта и усиления способности абстракции мышление схватывает все менее выдающиеся, более тонкие черты сходства. В общем можно сказать, что та способность, которая отличает интеллект, уже вышедший из примитивной стадии, от интеллекта примитива, это — обладание большим запасом общих (абстрактных) понятий и легкость в распознавании их, т.-е. способность выделять общие стороны явлений (мы не касаемся здесь индивидуальных особенностей психики).

Таким образом, конкретное, к которому как бы прикована психика примитива (и ребенка), тормозит процесс неконкретности мышления. Абстракция требует интеллектуально-волевого усилия, на которое неспособна психика определенной группы лиц, оставаясь в то же время интеллектуально вполне полноценной. Но когда тот или другой момент абстракции завоеван, то получается возможность удержать сущность понятия с помощью словесного определения.

¹⁾ Вот почему, называя всех мужчин словом „папа“, ребенок в этот период еще не различает, разные ли это предметы, или один ■ тот же (ср. Селли).

Определение есть самый трудный процесс мышления. Можно сказать, что задачей знания является логически обоснованное определение. Например, чтобы достичь полной отчетливости понятия „стекло“, необходимо узнать ряд его свойств, например, что стекло прозрачно, состоит из нескольких веществ, что оно хрупко, дурной проводник тепла и т. д. Определить слово в логическом смысле значит раскрыть его содержание, перечислить более или менее полно его характерные черты или признаки. Таким образом, только полное определение способно закрепить как важнейший признак предмета, так и его отчетливое различие от других.

На низкой ступени примитивности мышление даже взрослого примитива подобно мышлению ребенка. Оно движется „по-складам“, т.-е. еще неспособно в образно-насыщенном для него мире отделять качества от явлений. Его умозаклучения строятся не как выводы из общих и частных посылок, а просто как репродукция конкретных переживаний. Примитивная мысль вместо целого предмета отмечает лишь часть конкретного комплекса.

Понятия примитивного мышления неясны, неотчетливы или потому, что оно еще не знает всех отличительных признаков группы известных предметов (например, характерных признаков плода), или оно не достаточно точно различает данный предмет от другого (узнать плод еще не значит уметь сказать, в чем заключаются признаки, характеризующие его). Эта неясность происходит потому, что процесс абстракции (например, у ребенка) проведен недостаточно, чтобы выяснить общие характерные признаки понятий, или потому, что неотделана, неточна, неряшлива речь примитива, язык его среды. Часто наблюдается смешение двух смыслов одного и того же термина, например, „худой“ в смысле „худобы“ и в смысле „дурной“. Незнакомое слово „искусство“ смешивается со словом „вкусный“, термин „добро“ понимается в смысле домашнего скарба и т. д., т.-е. всегда преобладает конкретное над абстрактным. Такую неясность понятий, обусловленную примитивностью среды и конкретностью языка, надо резко отличать от патологической спутанности понятий.

Конкретное означает непосредственно воспринимаемое. Когда, например, примитив слышит слова береза, сосна и т. п., то ему не надо думать, чтобы понять, что они значат. Он просто наглядно может представить себе березу, сосну и т. п. Таким образом, конкретные термины схватываются непосредственно, но, чтобы понять более абстрактное понятие „дерево“, примитив должен вызвать в уме более привычные вещи (березу, елку) и уже потом провести связь между ними и новым словом: дерево. Указанное различие, однако, чисто относительно: что является абстрактным в одном периоде роста индивидуума,—в другом является конкретным. Например, само по себе понятие „береза“ также абстрактно, поскольку речь идет о березе вообще, а не о какой-нибудь березе в частности, но оно конкретно, когда уже выделено понятие „дерево“ путем отбрасывания несущественных признаков не только индивидуальных берез, но и всяких других пород деревьев. Таким образом, можно сказать, что признаком конкретности отличаются те понятия, которые неразрывно ассоциируются с самими предметами, имеющими непосредственный практический интерес для индивидуума. Наоборот, с этой точки зрения высшим моментом неконкретного мышления может характеризоваться такое мышление, которое относится к познанию, как к объективной самоцели. В этом смысле в противоположность эгоцентрической заинтересованности примитивного мышления в мышлении неконкретном всякая мысль вознаграждается уже тем, что она адекватна ■ завершена в себе²².

Результаты обработки наших материалов по исследованию процессов мышления привели нас к следующим выводам: конкретность мышления, свойственная примитиву по преимуществу, всегда тяжелый добавочный груз для психики, так как неконкретные понятия, схематизируя наши представления (образы), облегчают работу мысли, являясь как бы алгеброй ее. Мышление ребенка, например, насквозь конкретно. Насквозь конкретно и мышление примитива. Люди этого типа, рассказывая что-либо, прибегают к утомительным подробностям, так как они еще не научились

алгебре мысли. Однако, несмотря на то, что, вообще говоря, мышление тем объективнее и совершеннее, чем оно отвлеченнее,—есть просто тип людей, соответственный их психической конституции, которым, независимо от ума и образования, свойственен больше конкретный уклон мышления даже при высокой степени культурности (например, многим художникам и т. п.),—и, наоборот, есть дети²³, которые в 13, 14 лет имеют неконкретную чеканку мыслей, достойную зрелого мудреца.

Этот факт снова приводит нас к основной проблеме индивидуальной психологии—установить типы психических конституций. И подобно тому, как выше мы указали несколько типов восприятия, более или менее четко различных между собою, так теперь можно отметить несколько типов мышления, при чем наблюдается определенная корреляция между тем или другим типом восприятия и тем или другим типом мышления. Прежде всего выделяется уклон нормального мышления либо в конкретность, либо в неконкретность. На одном из своих крайних полюсов нормальное мышление имеет прежде всего тип мышления примитивного; оно конкретно, правильно, но не ясно вследствие своей примитивности; однако, как увидим, оно отличается от ненормального мышления, например, олигофренического¹⁾. Мышление примитивно-конкретное полярно мышлению неконкретному, опирающемуся на интеллектуально-волевое усилие. Последний тип вполне соответствует типу ясного и точного сознательно-волевого процесса восприятия (тип 1-й).

На нашем листке для исследования процессов мышления все вопросы разбиты по различным степеням трудности. Вот, например, типы ответов примитивного и культурного интеллектуально-волевого на различие 1-й степени трудности. Даются две наглядные вещи, например, ручка и карандаш, и спрашивается: чем непохожи эта ручка и этот карандаш?

¹⁾ На образцах ненормального мышления мы остановимся ■ вып. IV.

Примитив, крестьянин 17 лет (вор. М. Н. К.), с ярко выраженным конкретным уклоном мышления, отвечает: „Чем непохожи?“ (Переспрашивает, чтобы лучше удержать вопрос). „Потому, что вот этот карандаш...“ (берет его в руки, рассматривает). „Этот карандаш—красный, угольчатый ■ он сам пишет, а эта ручка“ (опять берет в руки, рассматривает), „круглая, желтая и ее надо в чернила макать. Конечно, карандаш сломаешь,—его нужно чинить“.

На тот же вопрос лицо с интеллектуально-волевым уклоном отвечает: „Карандаш пишет графитом, а ручка пером и чернилами“ (т.-е. всякий карандаш и всякая ручка вообще). Ответ точный, краткий, по сути дела, независимо от случайных признаков того или иного предмета.

Данный вопрос был вопросом из непосредственно воспринимаемого: карандаш и ручка показывались здесь же. Но вот вопрос о предметах отсутствующих; ответ должен даваться по памяти.—Чем непохожи доска и стекло?—Тот же 17-летний крестьянин отвечает: „Чем непохожи доска и стекло?“ (Переспрашивает, чтобы лучше удержать вопрос). „Доска. Доска же, она... видите, какая доска!“ (Схватывается за доску стола обеими руками и показывает на определенную доску). „В это стекло-то видать, а в эту доску-то не увидишь. Это стекло-то расколишь, а доску нет. Стекло можно кулаком расколоть, а доску топором надо“. (Излишние конкретные подробности; основной признак стекла, его прозрачность отсутствуют на языке испытуемого: бедность культуры). Вот неконкретный ответ на тот же вопрос: Интеллектуально-волевая реакция: „Стекло прозрачно, а доска непрозрачна“ (т.-е. всякое стекло и всякая доска), „стекло легкоплавно, не пропускает тепла,—доска всеми этими признаками не обладает“.

Далее дается еще более трудный вопрос на различение: требуется найти различие в двух абстрактных понятиях, кроме того сходных между собой.—Чем непохожи бедность и нищенство?—Примитив на этой (3-й) ступени трудности почти всегда дает тавтологию: „Это то же: когда бедный идет побираться и нищий тоже побирается“. (Ответ кре-

стьянина 16 лет; вор. М. Н. К.) Заметна замена неконкретных слов „бедность“ и „нищенство“ более конкретными: „бедный“ и „нищий“. Неконкретный ответ, интеллектуально-волевая реакция: „Бедность есть социальное состояние, находясь в котором человек нуждается, но может не просить у других. Нищенство есть профессия: человек может не нуждаться и все-таки выпрашивать“.

Вот еще вопрос той же степени трудности: Чем непохожи твердость и упрямство? Ответ примитивный: „Твердый, это там камень или еще что-нибудь“ (смещение смысла терминов; испытуемому знаком более конкретный смысл), „а упрямство это человек“ (конкретное вместо абстрактного), „который не хочет делать и упрямится“. Неконкретный ответ, интеллектуально-волевая установка: „Твердость —настойчивость, имеющая разумное основание; упрямство —настойчивость без разумного основания, чаще болезненное состояние“.

Что касается процессов сходства, то примитивной мысли они даются с еще большим трудом, особенно если это сходство ненаглядно. На конкретный вопрос из непосредственно воспринимаемого,—чем похожи этот пол и этот потолок?—примитив, например, отвечает: „По полу ходят и по потолку мухи могут ходить“. Или: „Чем похожи? Они непохожи вовсе! Чем похожи? Они одной краской похожи“. (Конкретный внешний зрительный момент, к тому же чисто случайный. Ответ крестьянина 62 лет, вор. М. Н. К.). Неконкретный ответ, интеллектуально-волевая реакция: „Пол и потолок имеют равную площадь прямоугольной формы“.

Вопрос на сходство по памяти:—Чем похожи лодка и мост?—Примитивный ответ крестьянина 17 лет (вор. М. Н. К.). Смеется,—сравнение кажется невозможным. „Лодка и мост? Не знаю. Чем же похожи? Это я не могу сказать. Лодка и мост совсем другое дело“. (После наведения) „Не могу сказать“. (Качает головой). Конкретные, слишком различные образы данных предметов не дают возможности примитивному мышлению найти абстрактные признаки сходства между лодкой и мостом. Вот еще примитивный

ответ на тот же вопрос крестьянина 16 лет (вор. М. Н. К.): „На лодке можно проехать и на мосту можно проехать на тот берег. Только на лодке надо грести, а по мосту просто пройти можно“. Здесь примитивная мысль случайно натакивается на сходство, но и тогда она держится в пределах зрительных образов. Третий крестьянин, 25 лет, одаренный математическими способностями (обвиняется в бандитизме. М. Н. К.) на тот же вопрос отвечает: „Вот это-то почти уже не похоже. Мост держится на столбах, а лодка—это просто на воде. Она вытесняется водой. Она не может утонуть, держится так“²⁴. Неконкретный ответ, интеллектуально-волевая реакция мальчика 13 лет (М. Ш.-С.): „Оба служат для переправы через воду“.

Абстрактный вопрос на сходство: — Чем похожи страсть и болезнь?—Ответ примитивный крестьянина 25 лет: „Болезнь — ожидаешь смерти, там помрешь, а страсть“ (в смысле страшного — частое смешение терминов у примитива)—„расстреляют вот, тоже смерти ждешь“. (Личный момент: испытуемый обвиняется в бандитизме за случайную связь с убийцами и боится расстрела). На этот же вопрос 16-летний крестьянин (вор. М. Н. К.) отвечает: „Страсть — страшный человек, а от болезни человек может болеть“. (В первом случае смешение терминов и перевод абстрактного на конкретное, во втором — тавтология, форма, часто встречающаяся у примитива при абстрактных вопросах). Неконкретный ответ, интеллектуально-волевая установка: „То и другое является временным ненормальным состоянием человека“.

Обобщения даже 1-й ступени трудности не сразу даются при примитивной реакции все по той же причине: насыщенности конкретными образами и отсутствия запаса адекватных быстро находимых слов. На вопрос по обобщению: Как назвать одним словом суп, кашу, говядину, кисель? — примитивный ответ 10-летнего мальчика-крестьянина (М. Ш.-С.): „Так и будет: суп, каша, говядина, кисель, — одним словом не покроешь“. Или на тот же вопрос примитивный ответ 16-летнего крестьянина (вор. М. Н. К.): „Одним словом все? Как сказать это? Ну, все эти вещи и

их можно есть“. Замедленный процесс обобщения; лишь после наведения можно вызвать нужный ответ: „пища“, „кушанье“, „обед“. Неконкретный ответ интеллектуально-волевая реакция: „Кушанья“.

Вопрос: Как назвать одним словом воровство, пьянство, ложь? — примитивный ответ крестьянина 20 лет (вор. М. Н. К.): „Притон там какой-нибудь“ (конкретно). Другой крестьянин, 18 лет (вор. М. Н. К.), отвечает: „Я даже не могу на это ответить. Шарлатанство, что ль“. Такова беспомощность примитивного мышления в процессах обобщения. Неконкретный ответ, интеллектуально-волевая реакция: „Порок“.

Подведение под род, — где требуется меньше усилий, где процесс мысли как бы несколько пассивнее в своей операции, — проще достигается примитивным мышлением, однако, остаются на лицо все те же признаки примитивности: конкретность и бедность запаса знаний, терминов и т. д. На конкретный вопрос: Назовите мне диких животных, каких вы знаете? — примитивный ответ 17-летнего крестьянина (вор. М. Н. К.): „Диких? Каких диких? Какие дикие? Дикие волки, лошади дикие, есть и кошки дикие... Много животных, нешто их все припомнишь“. (Ни одного экзотического животного; персеверация на прилагательных „дикий“). Он же на вопрос: — Перечислите жидкости, какие вы знаете? — отвечает: „Какие же жидкости? Вот чернила, она жидкая также“ (указание на наглядный предмет на столе; замена отвлеченного слова „жидкость“ более конкретным прилагательным „жидкая“). „Вода же, жидкая она также. Молоко же, жидкое же...“. Интеллектуально-волевая реакция: дается точное и богатое видами подведение под род.

На абстрактный вопрос: Перечислите все формы предметов, какие бывают? — примитивный ответ 17-летнего крестьянина (убийца. М. Н. К.): „Форма как форма. Вот она форма“ (указывает пальцами на пепельницу) — „блюде, также чернильница“ (указывает). „Вот она форма предметов. Пальто английского фасона, вот она форма предметов или там мундир-форма“. Неконкретный ответ, интел-

лектуально-волевая реакция: „Формы предметов бывают круглые, кубические, конусообразные, пирамидальные и т. д.“.

Что касается самого трудного процесса мышления — о п р е д е л е н и я, то, как мы говорили, оно может быть ■ общим четырех категорий: 1) точное (дан род и видовое различие), 2) правильное (дан только род), 3) собственно примитивное (по назначению предмета) и 4) наконец, ошибочное.

Все определения в примитивной реакции или даются по назначению предмета, или конкретно-указательны (когда предмет кажется наглядно ясным), или эгоцентричны (тесная связь с субъектом), или тавтологичны (если они направлены абстрактно).

Например: Что такое дом? — примитивный ответ по назначению: „В нем живут“. Вместо неконкретной интеллектуально-волевой реакции: „Жилище для людей“. Или же: Что такое чашка? — примитивный ответ: „Вот она чашка“. (Конкретное указание). „Обыкновенная. Чашка разная бывает: большая — из нее хлебать“ (по назначению предмета), „маленькая — из нее пить“ (по назначению предмета). Неконкретный ответ, интеллектуально-волевая реакция: „Чайная посуда“.

Абстрактное определение: Что такое счастье? — примитивный ответ: „Счастье, это — счастливый человек“ (тавтология). Или: „Вот бы меня выпустили из тюрьмы“ (эгоцентрический момент). Неконкретный ответ, интеллектуально-волевая реакция: „Удовлетворение всех желаний человека“.

Умозаключения в примитивной реакции строятся не из основ посылок, а как репродукция конкретного опыта. Например, вопрос 2-ой ступени трудности: Мой двор меньше сада, а сад меньше огорода, меньше ли двор, чем огород, или нет? — Примитивный ответ девочки-татарки 10 лет (М. Ш.-С.): „Не знаю. А как вы думаете, разве если я не видала, разве я могу вам объяснить? А если я скажу, что больше огород, а если это не так!“ Или ответ 39-летнего крестьянина (обвиняется в мошенничестве. М. Н. К.):

„Нет, огород больше двора. Потому что, какой огород ни будь,— он длиннее, больше; а ведь двор, какой он ни будь, все он должен быть меньше огорода, так как огороды делаются длиннее, большие огороды бывают“. Ответ не из посылок силлогизма, а из случайного личного опытного знания. Ассоциации конкретных образов предшествуют в умозаключении объективному пониманию не конкретного смысла его построения. Не конкретный ответ, интеллектуально-волевая реакция: „Двор меньше огорода, потому что раз двор меньше сада, а даже сад меньше огорода, то, следовательно, двор, конечно, меньше огорода“.

Среди этих двух полюсов мышления, примитивного (конкретного) и интеллектуально-волевого (неконкретного), мы отмечаем еще два типа мышления, четко различные между собой: один тип мышления на конкретном фоне с эмоциональной окраской (конкретно-эмоциональное мышление), другой тип на абстрактном фоне с аффективным уклоном (аффективно-абстрактное мышление).

В психологии уже давно возникла проблема, все больше и больше обращаясь в уверенность, что существует не только познающее мышление (*Erkenntnisvorstellungen*), где на первом плане стоит познавательный момент, как таковой, но еще и эмоциональное мышление²⁵ (*Emotionalvorstellungen*), где познавательный интерес затенен, отодвинут на задний план, не опознан, как таковой; в сознании совершается „*reine Vorstellungsgestaltung nicht Auffassung*“ (Мейер). Эмоциональные представления могут развиваться или на почве настроений (*Stimmungsvorstellungen*), или на почве аффектов. Эти два момента, различные между собой, сходны в своей противоположности интеллектуально-волевому мышлению. Ошибка в процессах чисто интеллектуального мышления есть интеллектуальный порок, который можно доказать и исправить, как ошибки в счете. Там они вытекают из слабости разума, из недостатка внимания. Софизмы есть прямое искажение рассуждения, и причины его чисто интеллектуальные. Наоборот, „эмоциональная абстракция“, как называет этот тип мышления

Рибо¹⁾, есть результат постоянного или временного господства эмоционального или аффективного состояния. Какой-нибудь существенный или несущественный признак обсуждаемого предмета вырисовывается рельефно единственно потому, что он находится в связи с субъективными чувствованиями,—иногда синтоничными объекту (конкретно-эмоциональное мышление), иногда несинтоничными (аффективная абстракция)²⁶. Свойства и качества здесь выбираются смотря потому, нравятся они или не нравятся субъекту. И в том, и в другом случае не остается налицо важнейшего признака интеллектуально-волевого мышления: познания, как самоцели. Так, в аффективно-абстрактном мышлении часто имеется налицо эстетический интерес к форме мышления; конкретно-эмоциональное мышление связывается с другими моментами жизненного интереса субъекта. Таким образом, уже в самом типе языка-мысли можно усмотреть признаки для классификации личностей, как, впрочем, и во всех других психических реакциях.

Вот примеры реакции конкретно-эмоционального типа мышления. 18-летний студент естественно-математического факультета, очень одаренный, начитанный (М. П. К., диагноз—циклотимия), дает такие ответы на следующие вопросы: Чем непохожи муха и бабочка? — „Мух я ненавижу!“ (Эмоциональная реакция). „Давать ответы с естественной точки зрения или зрительной?“ (Нет адекватно-точного „единственно верного“ подхода к вопросу). „Муха вредная, паразит, а бабочка полезная“. (Дана оценка: эмоциональный момент). „Гигиены в ней нет, в мухе, и мясо портит и, спать не дает...“ (Момент эмоциональной заинтересованности). „Бабочка красивая бывает“. (Эстетический эмоциональный момент). „Бабочка „Адмирал“,—название неботаническое, а любительское, мне нравится“. (Эмоциональный момент: сам собирал коллекции). — Чем непохожи береза и елка? — „Я ботанику плохо знаю. Береза растение лиственное, а елка хвойное. Береза веселая, а елка суровая. Больше люблю елку“. — (Эмоциональный момент). „Русский человек обязан

¹⁾ См. предыдущее примечание.

иметь северные идеалы, ну, представления. (Эмоциональная оценка). „Елка это север,—север всегда здоровее ■ умнее юга. У Шишкина такое же представление“. (Эмоциональное отступление). „Люблю Сокольники, лес“. (Опять отступление, эмоциональная связь ассоциаций). „Люблю Шишкина, страшно“. (Тот же момент, испытываемый любит рисовать). „Сосны. Сосны. Люблю, когда голову надо закидывать, чтобы смотреть на них“. (Эмоциональная реакция).

Такого же типа ответ на этот вопрос дает 23-летний танцор по профессии, окончил среднее промышленное училище (обвиняется в продаже кокаина. М. Н. К.): „Береза ■ елка? Хотя они непохожи, но я одинаково люблю, что березу, что елку“. (Эмоциональный момент вытеснил абстрактное различие). „Березу люблю летом,—она русская, простая, чистая: я патриот,—а елка хороша зимой“. (Эмоциональная оценка). „В лес итти, разве не приятно? Я люблю лес!“ (Эмоциональное восклицание).

Ответы такого же типа дает крестьянин, поэт, бывший воспитанник Рукавишниковского приюта (вор. М. Н. К. См. 3-й тип восприятия): „Чем не похожи береза и елка? Елка имеет наклонные ветви вниз, усыпанные иголкой, а береза стоит по виду легче и веселей благодаря своим ветвей, которые тянутся к небу. Я бы сравнил березу с елкой, как поставил бы экипаж с телегой, при чем экипаж — елка, а телега — береза“ (Конкретный образ. Эмоциональная окраска мышления).

Его же ответ на вопрос: Чем непохожи муха и бабочка?— „Потому что бабочка более изящна и милее мухи и веселее, если можно так сказать“. (Эмоциональное мышление на некультурном фоне).

Или: Чем непохожи рынок и лавка?— Он же: „Рынок что-то такое массовое и незаконченное вместе, но что-то большое, туда многие ходят не только затем, чтобы купить, но чтобы потолкаться и побыть в народе. Лавка это как в комиссариат какой пришли, записали и ничего особенного не вынесли,—никаких впечатлений, кроме покупки, за которой пришел“. (Эмоциональная оценка). „На мой взгляд, рынок гораздо более дает, потому что там можно вынести много, вот!“ (Эмоциональная оценка).

Или: Чем непохожи дерево и бревно?— Он же: „Дерево, как живущее или растущее, не может, конечно, сравниться с бревном, которое никогда не расцветет, так же как нельзя сравнить живого человека с мертвым“. (Эмоциональная метафора).

Или вопрос на абстрактное различие: Чем непохожи любовь и ревность?— Ответ танцора (см. выше): „Вот тут-то собака зарыта!“ (Эмоциональное восклицание). „Как каждый человек понимает, даже Дант признает, что ревность не может быть без любви и любовь без ревности... Но я лично принципиально не хочу никого ревновать, хотя я ревнивый человек эмоционально“. (Эмоциональный эгоцентризм мысли, вытесняющий момент абстрактного различия).

Определения этого типа по большей части правильные, но неточные: Что такое дом?— „Обиталище“.

Умозаключения легче даются в том случае, где можно вызвать конкретный образ. Таков тип эмоционального мышления, тесно слитый с конкретностью и пластичностью образов, которыми оно насыщено.

Что касается аффективно-абстрактного мышления, то оно или телеграммно-кратко или, наоборот, расплывчато. И то, и другое соответствует неадекватному восприятию реальности. Это указывает на тип психики с недостаточно стойкой интеллектуально-волевой установкой, которая одна дает чистую объективацию мыслительных процессов, но здесь нет и достаточно ярких конкретных образов, непосредственно адекватных действительности.

Вот примеры ответов аффективно-абстрактного типа мышления. 17-летний заключенный, окончивший 2-ю ступень, о котором говорилось выше (см. 4-й тип описания), и здесь дает ответы с оттенком манерности, исходя из того же аффективного тонуса, влияющего на течение его мыслительных процессов: „Меня эти вопросы мало интересуют, а я прежде всего эгоист“. На вопрос: Чем непохожи эта ручка и этот карандаш?— Ответ: „Тут разница довольно большая...“ (Сейчас же перебивая себя). „Нет, маленькая“. (Мышление расплывчатое. Еще раз перебивает себя). „Я не решаюсь определить большая она или маленькая, но есть разница и

есть сходство. Сходство в том“ (дает не требуемое: аффективно-абстрактному типу сходство дается легче, чем различие), „что как первый метод, так ■ второй служит для письма главным образом“. (Абстрактный уклон). „В отношении различия...“ (Пауза. Только теперь подошел к требуемой установке на различие). „Дело вот в чем. Например, различие, — для того, чтобы ручка могла писать, требуется маленький прибор, называемый пером“ (напыщенно). „Для карандаша этого требовать нельзя: карандаш пишет графитом. Еще та разница, что ручку надо макать в чернила, — если это не пишущее перо, — а карандаш нет, потому что он пишет вследствие того, что графит карандаша „пишет“... — Поставьте это в кавычки. — На бумаге вследствие надавливания“. (Тяжело, вычурно, расплывчато, многословно; стиль не соответствует простоте темы).

Что такое чашка? — Его же ответ: „Сосуд, обыкновенно круглой формы, далее, собственно говоря, предназначенный... не знаю, для чего предназначенный... Это будет самое детское объяснение: это, видите, то из чего пьют“. (Ответ по назначению в результате длинной попытки найти ответ, непохожий на шаблон. Боязнь шаблона отводит от простого родового понятия: посуда и т. д.). — Что такое стол? — „Мебель. Хотя мебель оставим“. (Не доволен ответом потому, что он правилен, но неточен). „Дело вот в чем: мебель является именем собирательным. Стол то, что входит в понятие мебели“. (Расплывчато, не находит искомого видового различия для указанного рода).

Так же рассудочны ответы его товарища по делу (то же образование, 19 лет). — Что такое стол? — „Ну, что такое стол? Необходимая принадлежность всякого домашнего обихода культурных людей. Доисторический человек обходился без стола. Но все-таки камни служили ему столом“. (Лишние рассуждения). „Необходимая принадлежность жизненного обихода“. — Что такое дом? — „Клетки для людей... Нет, нет! Это здание! Здание. Ну, здание для жизни, где живут люди“.

На вопрос, чем похожи ревность и любовь? — Ответ 27-летнего студента юридического факультета из высококультурной семьи (обвиняется в бандитизме. М. Н. К.): „Тем,

что одно не может быть ощущаемо без предварительного ощущения другого: нельзя испытать наслаждения, не испытав страдания". (Во внешне-объективной форме ответа скрыт эгоцентрический аффективно-абстрактный момент). „Никогда не ощущал наслаждения, может быть, лет через десять буду ощущать острое наслаждение". (Субъективное дополнение). — Что такое дом? — Он же: „Это искусственное сооружение, созданное живым существом... я хотел сказать „человеком" — для жилья". (Манерность, маскирующая аффект: желание дать максимально хороший ответ, не обнаруживая усилия мысли).

Одним из возможных признаков аффективно-абстрактного мышления может служить отсутствие гармоничности в ответах: часто на трудные вопросы дается изумительно тонкий ответ (очевидно, вопрос аффективно захватил испытуемого), — наоборот, на легкий вопрос часто дается наивно-детский ответ, изумляющий своей дисгармоничностью с общим контекстом психики. Например, 19-летний испытуемый, окончивший 2-ю ступень (М. П. К.), дает очень тонкие ответы на трудные вопросы. — Что такое правда? — „Есть два понятия: этическое — осуществление высших этических принципов, — и другое — соответствие действительности. И все". Он же колеблется и мучается при ответах на детски-легкие вопросы первой ступени трудности. Например, вопрос на обобщение: Как назвать одним словом пальто, шапку, пиджак? — очень долго думает. Ответ: „Носильное платье... Верхняя носильная одежда". (После других вопросов вернулся к этому ответу и заметил, что не совсем доволен им „из-за шапки", сомневается: понимают ли под этим термином и шапку, — если да, то был бы доволен). Еще мучительнее протекает процесс при построении ответа на вопрос: Как назвать одним словом курицу, утку, воробья, гуся? — Переспрашивает: „Курицу, утку, воробья и еще кого? Действительно задача! Если бы не было воробья, можно было бы сказать: домашние птицы... Просто — неперелетные, птицы. Недоволен ответом, потому что гуси, утки улетают. Тогда просто — птицы... нехищные птицы... Надо найти общую классификацию: значит, птицы нехищные".

Из этих примеров видно, что область абстракции ближе последнему (аффектно-абстрактному) типу мышления, тогда как конкретное в своей дробности труднее поддается обобщению. Только при интеллектуально-волевой установке достигается вполне точное мышление, все равно, направлено ли оно на обобщение конкретных наглядных предметов, или отвлеченных понятий. В то время, как чисто рассудочная или интеллектуальная абстракция основывается на выборе основного, главного признака, который заменяет собою все несущественное, — аффективная абстракция есть результат постоянного аффективного состояния, влияющего на ход мышления.

Что касается аффективно-абстрактного мышления на примитивном фоне, то оно имеет своеобразный характер. Так, крестьянин 25 лет, столяр, поглощенный навязчивой идеей: есть ли бог? (Диагноз—шизофрения. М. П. К.), указывает, что трудность в его процессах мышления заключается в том, что его мышление насыщено конкретными образами (тяжелый груз для абстрактного мышления): „Вы задаете, например, фразы запомнить, а мне оттого трудно припомнить, что вот сказал: „куда идешь“, — представляется вроде: идет человек, и так к каждому предмету и вообще применяется к действительности, поэтому и долго так“.

Наконец, больное мышление может быть конкретным и неконкретным (здесь мы не будем входить пока в дифференциальные оттенки патологического мышления), оно может быть, например, дисгармоничным—шизофреническим или олигофреническим—недостаточным.

Если мышление больное непосредственно приводит нас к пограничной работе с психиатрами, то мышление примитивное приводит нас также непосредственно к пограничной работе с социологами и педагогами. Очень важно выяснить при исследовании поведения личностей, особенно правонарушителей, является ли в данном случае неясность мышления следствием некультурных условий и педагогической запущенности (сторона социально-педагогическая), или же следствием заболевания (сторона психиатрическая). Ясно, что в первом и во втором случае этиология поступков той и другой личности может оцениваться совершенно различно.

Итак, мы замечаем, что та или иная формулировка ответов мышления (типическая для того или иного индивидуума) находится в определенном соотношении с рядом других функций психики, также типически выраженных. Например, примитивная конкретность и в то же время неясность мышления соотносительна с примитивной конкретностью и неясностью восприятия и т. д. Эмоциональная или аффективная окраска мышления приводит нас к соотношению с такими же типами восприятия. Наконец, интеллектуально-волевая установка так же ярко выражается как при процессах мышления, так и при процессах восприятия.

3. Полной противоположностью только-что изложенному приему исследования мыслительных процессов, так называемым *Intelligenz-Prüfungen*, оказывается метод Роршаха — метод пятен²⁷, часто искусственно переоцениваемый, — такая переоценка заложена в самом заглавии работы Роршаха. „Психодиагностика“, — или же небрежно недооцениваемый. Мы и здесь думаем, что один какой-либо подход к личности в процессе исследования, конечно, никогда не способен психологически раскрыть всю личность во всех ее индивидуальных особенностях, но этот прием исследования, как и всякий другой, может дать результаты, которые имеют ценность только при исчерпывающей полноте разностороннего анализа личности как со стороны психологической, так и со всякой другой.

Прежде всего возникает вопрос, какая именно психическая функция реагирует на стимул методики Роршаха. Как известно, метод чернильных пятен в психологии применялся еще в 1895 году психологами Бинэ и Анри для исследования психических различий, главным образом, зрительного воображения. Затем идут исследования Дж. Дирборна, Кирпатрика, Шарпа, Тичнера и др.²⁸. Все эти психологи ставили себе целью исследование воображения. Наоборот, Роршах своей методикой пятен намеревался исследовать только одну функцию, именно восприятие¹⁾ и способ показания воспри-

1) Разумеется, на этом эксперименте можно установить наличие также и той или иной ассоциативной связи и т. п.

нятого. Для Роршаха в его исследованиях формальное главное, чем предметное содержание показаний. Для него важно не „что“, а „как“ воспринял испытуемый.

В дальнейшем этот эксперимент становится экспериментом на испытание аффективной сферы, как это делает Мунц²⁹ в своем исследовании „реакции пикников по методу психодиагностики Роршаха“. Эта работа замыслена как опыт проверки путем психологической методики Роршаха действительной наличности той связи (а также того, как часто встречается такая связь) между строением тела и характером, которую отметил Кречмер³⁰. Мунц полагает, что метод Роршаха может быть использован шире простого эксперимента на восприятие и показание воспринятого; он придает этому эксперименту значение симптоматической ценности. Он полагает, что этот метод пригоден не только для оценки ассоциативных проявлений испытуемого, но также и для оценки аффективных моментов ■ их дисгармоническом или гармоническом соотношениях. Очевидно, здесь термин „аффект“, как это вообще свойственно немецкой психологии, понимается в широком смысле как аффекта, так и эмоции вообще.

Именно эта возможность учесть посредством метода Роршаха аффективный момент и является, как полагает Мунц, мостом между методом Роршаха и учением Кречмера о взаимоотношениях между строением тела и характером, так как в дифференциальной диагностике между маниакально-депрессивным психозом и шизофренией, между циклотимией и шизотимией очень большую роль играет именно аффективная реакция (Die affektive Rapportfähigkeit). Еще лучше это положение определяется номенклатурой Блейлера: шизоидия и синтония, при которых наличие или отсутствие аффективного раппорта можно установить уже из краткого контакта с испытуемым. Но так как реакция нормального человека имеет обычно смешанные черты синтонии и шизоидии, то для исследования важно установить количественные взаимоотношения факторов этих двух групп (Мунц пользуется здесь определением Роршаха): аффективности, направленной во вне и во внутрь субъекта.

Он и дает примеры характерных реакций для пикнической и лептозомной групп испытуемых, а также формулу их, заимствованную у Роршаха, в которой выражается количественное взаимоотношение признаков аффективности синтонического и шизотимического характеров. Эта формула, не претендуя на математическую доказательность, претендует лишь на математическую наглядность³¹. В итоге своей работы (над 103 испытуемыми) Мунц считает пригодным метод Роршаха для установки синтоничности в реакции лиц с явно-выраженным пикническим строением тела.

Для нас здесь важно отметить, что Мунц признает преимущество метода Роршаха над так называемыми испытаниями интеллекта (*Intelligenz-Prüfungen*), так как методом исследования интеллекта можно вызвать реакцию только на узко ограниченное внешне-данное, а не на свободное творчество. Если оценивать метод Роршаха, как испытание интеллекта, то, по мнению Мунца, и этот метод нельзя будет освободить от данного недостатка; наоборот, если углубить его в указанном направлении, как испытание аффективности, то это же самое свойство метода Роршаха (вызов реакции на определенно-данное) может быть отнесено к числу достоинств эксперимента. Именно в нем он находит критерий для аффективных признаков, которые не имеют ничего общего с спонтанным свободным творчеством, но представляют собою чисто реактивную способность на некоторый внешне-фиксированный раздражитель.

Мы остановились на предыдущей предпосылке к собственно нашим исследованиям по методу пятен по следующим соображениям. Во-первых, чтобы указать, что один и тот же прием экспериментального исследования личности часто применяется для испытания различных функций, как, например, здесь: воображение, восприятие, аффективность (эмоциональность). Во-вторых, чтобы вообще отметить ту претенденциозную цель, которую ставит своей психодиагностикой Роршах, затем ту более узкую цель, которую преследует Мунц в связи с популярной в настоящее время работой Кречмера. Статья Мунца интересна, как образец психологической работы по изучению психических реакций,

связанных с определенной конституцией, и в этом смысле она имеет для нас интерес современности.

Наше более широкое использование метода пятен (до знакомства с учением Кречмера и психодиагностикой Роршаха мы пользовались пятнами из атласа Рыбакова или же набросанными лично нами), не суженное той частной предопределенной задачей, которую поставил себе Мунц, оставляет за нами преимущество более широкой дифференциальной оценки реакций на пятна, в основном, впрочем, согласной с выводами Мунца. Именно, мы наблюдаем, что чисто-синто-ническая и чисто-шизотимичная реакции на пятна резко различны между собою. Характер этих реакций приблизительно таков и у нас, как его описывает Мунц. Но обычно эти реакции встречаются в смешанном виде и, кроме того, оттенки этого смешения, неподдающиеся точному охарактеризованию их путем количественной формулы, ведут к дифференциациям, значительно более широким, чем очерченные Кречмером и принятые Мунцем группы пикнического и лептозомного типов. Далее мы согласны с Мунцем и в том, что в эксперименте на пятна мы имеем очень простой прием для вызова реакций в их дифференциальных проявлениях, не только аффективного, но и другого типа, а это самое главное для наших целей изучения различных психических конституций.

Не лишним будет здесь дать указание того, каким образом произошла трансформация самой приложимости этого приема — то к исследованию воображения, то восприятия, то эмоций (аффектов).

Дело в том, что эти три психологические функции: восприятие, воображение и эмоция, как и вообще все функции органически целостной психики живой личности, трудно разграничимы в искусственном абстрактном разрезе. Вот почему индивидуальный эксперимент должен стремиться исчерпать максимальное количество разнородных реакций личности для выяснения ее психической конституции³². Действительно, только изучением всесторонних типических реакций определенно выраженных психических конституций возможно устранить ту поверхностную работу над мозаикой

изучения абстрактных форм искусственно умерщвленной психической жизни, а также и ту путаницу проблем и терминов, которая накопилась в психологии, особенно индивидуальной, потому что „к исследованию одной ■ той же проблемы стремятся совершенно различными путями“ (Штерн³³).

Кроме того, различные психологи различно определяют функцию воображения. Так, часто ошибочно отождествляют суеверное одухотворение вещей, свойственное детям и примитивам с воображением, тогда как это есть только неясное, невежественное восприятие действительности. Здесь налицо смешение вымысла и действительности, т.-е. скорее ошибка знания и неточность восприятия, чем собственно построение воображения. Далее неправильно относят (Вундт например) к функции воображения и так называемые псевдо-иллюзии, которые также не что иное, как только ошибочное толкование правильного восприятия.

Однако, граница между воображением и восприятием точно определяется следующей формулой: там, где действительный предмет неотделим от воображения, имманентен ему, мы имеем восприятие, а не воображение (Фолькельт). Следовательно, воображение имеет дело не с тем, что мы воспринимаем в действительности, а с преобразованными представлениями, с воспроизведенными образами. Наоборот, там, где субъективные примеси срастаются, сливаются, „ассимилируются“ с воспринимаемым предметом, переносится на него (как, например, в комплексе горшка с вареньем в приводимом нами выше 4-м типе восприятия), — там мы видим не воображение, а своеобразное аффективно-абстрактное восприятие.

Менее всего относятся к воображению галлюцинации, т.-е. такие обманы чувств, при которых представления принимаются за чувственное восприятие, тогда как в действительности внешний раздражитель совсем отсутствует.

Из этого разъяснения терминологической путаницы в психологии становится понятной указанная выше трансформация эксперимента на пятна. А так как воображение

живет чувством, служит собственно для выражения чувств и в этом его отличие от чисто познавательных моментов, более адекватных действительности, то и другой момент слияния эксперимента на пятна (с одной стороны, с восприятием, с другой — с чувством, аффектом) вполне понятен.

Для наших целей здесь совершенно неважно, как увидим ниже, уточнять эти определения по отношению к данному приему исследования на пятна. Нам важно лишь, что в этом эксперименте мы получаем эндогенную реакцию, которая выражается крайне индивидуально, соответственно той или иной психической конституции испытуемого. Именно эта-то ярко выраженная дифференциальность реакции особенно и важна для нас здесь, а не то или иное определение ее, принимаемое нами здесь лишь условно. Эти реакции по их типам опять-таки коррелируются с аналогичными типами восприятия, мышления и т. п.

Эксперимент производится следующим образом: испытуемому предлагаются цветные пятна³⁴ и задается вопрос: Что вы здесь видите? Что это может быть? (разумеется, лишь после тонкого интимного психологического подхода к испытуемому, тщательно стараясь не направить искусственно его внимания в каком-нибудь определенном направлении).

Так же, как и Роршах, мы считаем очень важным, — но для других целей, именно для выяснения типа реакции сообразно психическим конституциям, — установить, воспринимается ли форма пятна ясно или неясно, синтонично или несинтонично изображенному целому контуру. Мы также придаем большое значение двигательному моменту (*Bewegungsantworten*), который действительно не может быть реально воспринят в смазанной тени пятна, а должен быть внесен построительно от себя. Роршах отделяет двигательный момент, внесенный дополнительно в уже оформленный ответ, от двигательной реакции в собственном смысле, которая лежит в основе ответа (первичная реакция). В этом смысле Роршах прав; поскольку этого момента нет в самом раздражителе и он привнесен из внутренних дан-

ных испытуемого, — такая реакция действительно принадлежит лицам, живущим более в себе, чем во вне ³⁵.

Мы убедились далее в том (так же, как и Мунц), что динамическая черта реакции преобладает у типа шизотимического; мы же называем ее и здесь аффективно-абстрактной, поскольку исходный момент такого построения изнутри диктуется аффективным восприятием данного пятна, которое и вызывает дальнейшее абстрактное построение. Такой двигательный момент реакции, внесенный в осмысление картинки, как указано выше, может носить иногда характер простой эмотивности (сравнить: „мальчик идет в школу, бросил ранец на пол“ и т. д.), который следует отличать от аффективного двигательного момента, внесенного в пятна.

Что касается реакции с цветовым моментом (Farbantworten), то и здесь Мунц вполне прав; такая реакция больше свойственна лицам, у которых преобладает реакция конкретно-эмоциональная. Однако, и здесь, как мы наблюдали, могут быть даны цветовые построения, исходящие из аффекта и абстракции.

Вопреки Роршаху мы не придаем серьезного диагностического ³⁶ значения выделенным им различным видам цветовой реакции, именно: 1) реакция по форме-цвету, где форма на первом плане, — симптом эмоционального контакта с окружающим; 2) реакция по цвету-форме, где форма на втором плане, — симптом аффективной лабильности (der affectiven Labilität), возбудимости (Reizbarkeit), эмоциональности (Empfindlichkeit), а также внушаемости; 3) реакция по цвету, где форма вовсе не принимается во внимание, — симптом импульсивности, возбудимости, неустойчивости, эпилепсии. Во-первых, для целей диагностики всегда требуется более серьезный и вдумчивый подход и кропотливая исследовательская работа психолога над той или иной индивидуальностью, чем этот сам по себе слишком узкий прием испытания. Во-вторых, с точки зрения нашего методологического плана психологического исследования личности мы убедились, что, например, импульсивность может быть связана как с реакцией конкретно-эмоциональной, так и с аффективно-абстрактной.

Однако, некоторые моменты наших исследований (с большими поправками) совпадают с результатами исследований Роршаха. Так, если испытуемый, характеризуя пятно, исходит из его объективной формы, да еще с тем цветом, в который она окрашена, то это признак конкретно-эмоциональной реакции по преимуществу. Полное отсутствие восприятия формы и сосредоточения только на цвете часто коррелировалось и у нас с другими моментами импульсивности испытуемого¹⁾. И мы, пожалуй, не возражали бы против общей формулы, данной Роршахом для этих трех оттенков указанной реакции на цвета: 1) Rapportfähigkeit — синтоничность; 2) Labilität — лабильность, эмоциональность; 3) Impulsivität — импульсивность, — если бы он не настаивал на дальнейшей дифференциальной патопсихической диагностике по этим реакциям, как-то: эпилепсия, шизофрения и прочее.

Далее мы так же придаем значение тому, дается ли реакция на пятно в его целом или по частям. Однако, для нас здесь нет, как для Роршаха, признака нормальности, интеллигентности, аффективности и т. д. Мы наблюдали, что именно лицами, которым присуща конкретно-эмоциональная реакция, дается ответ на целое; наоборот, при известной расплывчатости восприятия, свойственного лицам с аффективно-абстрактной реакцией, все равно — интеллигентным или нет, дается ответ по частям пятна, — и в том, и в другом случае при норме. О чисто патологических моментах мы здесь пока не говорим.

Разумеется, при наших исследованиях не безразличен и порядок изложения: координированный или расплывчатый и т. д. Очень важно также учесть количество, разнообразие и ту или иную реальность или фантастичность построений. В противоположность Роршаху мы наблюдаем, что оригинальность построений зависит не столько от увеличения интеллигентности испытуемых и маниакального состояния их, сколько от типа их психической конституции.

Что касается предлагаемой Роршахом формулы, которой пользуется и Мунц, то мы приветствуем здесь попытку

¹⁾ См. ниже стр. 153. — эмоции: импульсивность.

учесть наличие смешанных признаков реакции сколько-нибудь наглядным способом, так как такая задача идет рука об руку с все бóльшей и бóльшей дифференцией типов. Но мы, разумеется, признаем за этой формулой значение только наглядности, а отнюдь не математической достоверности. Сами мы такой формулой не пользуемся, так как для нас различные оттенки реакции на данный стимул еще не имеют характера аподэктичности.

Мы должны далее отметить, что при наших наблюдениях уже в реакции пикников получались оттенки: или уклон в бóльшую реальность (интеллектуально-волевой) или в бóльшую эмоциональность (конкретно-эмоциональный). При этом в обоих случаях пикнической реакции различных оттенков остается налицо как более или менее точное воспроизведение объективно данного, так и бóльшая или меньшая способность к восприятию реальности, экстенсивность, лябильность и т. п.,— словом, те моменты, которые указаны Роршахом и которые Мунц наблюдал в реакции пикников.

Мы не будем здесь пока раскрывать всех типичных дифференциальных оттенков на этот стимул (пятна), как и на все другие, чтобы не затемнять четкости нашей основной группировки, вынужденно краткой для первого знакомства с нашей методикой. Отметим только несомненно бóльшую индивидуализацию, бóльшую оригинальность в построениях лиц, которым присущи реакции аффективно-абстрактного типа, а следовательно, и бóльшую аффективность, бóльшую интенсивность (пользуясь термином Роршаха), бóльшую интратенсивность.

Прежде, чем перейти к тем типическим реакциям на пятна, которые получались у нас, приведем примеры реакций пикника и лептозома, которые дает Мунц, как типичные для этих двух групп. Дальше, исходя из них, мы укажем на сходство и различие наших достижений с этими данными, опубликованными в *Zeitschrift*.

Пятно первое. Реакция пикника: „Разрез позвоночного столба; наоборот—корона. Середина, нижняя половина—колокол“. Реакция лептозома: 1) „Два человека с развивающимися (курсив везде наш) плащами. 2) Два

великана, которые хватают за шею карликов; карлики умоляюще поднимают руки вверх. 3) Наоборот, сбоку, без средней части: две молодых вороны, только-что оперившиеся, что-то хватают". Мунц указывает, что пикник уже в первом пятне исходит из чисто формального, дает уже здесь два объективных толкования, тогда как лептозом с первого же ответа вставляет двигательный момент.

Пятно второе. Ответ пикника: „Два медведя на гербе стоят друг против друга: голов нет, есть кончики хохолоков. Очень отчетливая вещь". Ответ лептозома: „1) Это могут быть два молящихся священника, брамины. 2) Наоборот: два танцующих чорта (крайние красные выступы и черные концы ■ середине — ноги)". Итак, пикник здесь отмечает животное, но не живое, а как часть герба; лептозом продолжает воспринимать человеческие фигуры в движении.

Пятно третье. Пикник: „Это танец или что-нибудь такое, — близнецы, как на фабричной марке на ноже". Лептозом: „1) Два щеголя (Zwei Girgel) (в этом термине, по Мунцу, заключен двигательный момент). 2) Наоборот: два кота, которые отошли друг от друга, занялись хвостами и, если быть злым, оставили следы после себя". Здесь даже у пикника — двигательный образ, который, однако, тотчас же умерщвляется объективным толкованием: „фабричная марка". Лептозом и здесь стойко держится двигательного момента.

Пятно четвертое. Пикник: „1) Направо и налево два карлика с кончиками колпачков (верхний боковой выступ) и раздутыми животами, которые прислонились к стволу дерева. 2) По оттенкам — рентгеновский снимок. 3) Колокол с языком (средняя часть внизу)". Лептозом: „1) Пианист, который бешено ударяет по роялю (крайний выступ вверху — как будто бы руки, нижний крайний выступ — как будто бы ноги, перспективно странно увеличенные). 2) Он сидит на стуле для игры на рояли (середина внизу). 3) Наоборот, по обеим сторонам средней части: два пигмея или два ребенка, которые друг друга разглядывают". Здесь пикник впервые дает истолкование пятна, в которое ясно

вносит двигательный момент, но этот двигательный момент носит характер движения по кривой линии (Beugekinästhesie) — по контуру: он представляет, что кончики колпаков спустились с нагнутых голов карликов. К тому же пикник прекрасно отмечает далее цвето-тени. Лептозом все время держится двигательного момента.

Пятно пятое. Пикник: „1) Середина: улитка сзади: 2) Теперь летучая мышь“. Лептозом. „1) Летучая мышь или летучая собака, можно тоже сказать. 2) Наоборот, сбоку: две маски восточных чародеев. 3) Наоборот: также бабочка“. Пикник ищет объективного толкования пятна, пока, наконец, находит „единственно верное“. Лептозом не столько соподчиняет связь своих толкований, сколько сочиняет их.

Пятно шестое. Пикник: „Похоже как будто бы дароносица, — наверху крест и сбоку золотой выступ“. Лептозом: „Это опять нечто невероятное! Первая мысль: звериная шкура, которая на земле лежит. Напоминает еще разрезанный плод“. Пикник ярко воспринимает цвет (золотой выступ) на серо-черном фоне пятна; лептозом, повидимому, принимает во внимание лишь оттенки.

Пятно седьмое. Пикник: Наоборот: „Два парня в виде двух атлантов, которые что-то несут“. Лептозом: 1) Наоборот: „Две танцующих балерины. 2) Две маленькие дамы ■ стиле рококо, обозначены талия и фижмы“. У пикника и у лептозома двигательный образ, но у первого снова в аспекте только контура.

Пятно восьмое. Пикник: „1) Точно как будто окрашенный препарат для микроскопа. 2) Разрез грудной клетки, но это слишком рискованно, поэтому не будем касаться человеческого тела“. Лептозом: „Если бы не различие красок: баварский герб с обоими львами. 2) Хорошо разрисованное фарфоровое блюдо, как украшение, с ручками (крайнее красное) и с крышкой (серое вверху)“. Пикник дает определенный ответ по цвето-форме, тогда как у лептозома совершенно отчетливо выражено, что цветовые компоненты не имеют для него значения.

Пятно девятое. Пикник: 1) Половина: „Часть цветной географической карты. 2) Пространство между фигурами:

форма вполне ясна, веретено или что-нибудь такое“. Лептозом: „1) Это очень трудно согласовать (зеленое и коричневое): две танцующих ведьмы. 2) На огненных облаках (красное внизу). 3) Наоборот (зеленое): райская птица с хохлом на голове (красное) на выступе утеса (коричневое)“. У пикника почти бесформенная краска, тогда как у лептозома двигательные образы, хотя и без ясной определенности.

Пятно десятое. Пикник: „1) На первый взгляд как будто бы коллекция бабочек. 2) Инициал А (красное) с украшением, даже очень ясно, как будто в рукописных книгах старых монахов“. Лептозом: „1) Но это очень забавно, чорт возьми! (красное). Два солдата, которые бросаются вперед в огонь гранат: они оглядываются на ручные гранаты (белое, середина), которые они намерены бросить. 2) Наоборот: совсем просто, вроде павлина (белое, середина) с головой, телом (красное) и хвостом (голубое, сбоку)“. Словом, и на последнем пятне лептозом сосредоточивается на двигательном моменте, в то время как у пикника возникает образ „инициала монастырской Библии“. По формуле Роршаха-Мунца у пикника реакция на движение и цвета выражается отношением $3:4\frac{1}{2}$, тогда как у лептозома $12:4\frac{1}{2}$ ³⁷.

Мы остановились на подробном сопоставлении типичных реакций пикника и лептозома, как их получил Мунц при применении метода Роршаха к задачам, поставленным Кречмером, потому что и у нас, как мы уже отмечали выше, есть некоторые пункты совпадения и некоторые пункты расхождения с Кречмером, которые полнее выяснятся в дальнейшем. Для большей наглядности нашей точки зрения удобнее дать возможность читателю исходить из знакомого. Здесь таким знакомым является популярная в наше время классификация Кречмера пикнической и, как теперь называют, лептозомной групп. Мы находим ряд дифференциальных оттенков для той и другой группы, о которых и говорим ниже.

Оставаясь в пределах намеченных нами типов реакций, мы замечаем их признаки и на данном стимуле. Реакции, которые мы наблюдали при этом эксперименте и которые

называем аффе́ктивно-а́бстрактными, близки к только-что приведенным реакциям лептозома. В них преобладает двигательный момент и крайняя прихотливость в сочетании представлений, иногда поражающая своею неожиданностью. Что касается различия в оттенках этого типа реакции, то здесь мы наблюдаем то бо́льший уклон в абстрактность, то, наоборот, бо́льший уклон в аффе́ктивность. Под уклоном в абстрактность мы здесь понимаем меньшую связь с личными переживаниями, хотя все же не полную объективность, поскольку именно внутренними переживаниями субъекта, хотя бы и скрытыми, подсказывается и сам двигательный момент. Наоборот, под аффе́ктивным уклоном мы подразумеваем непременно наличие заинтересованности, аффе́кта, т.-е. того именно момента, который изменяет течение представлений испытуемого в связи с комплексом его личных переживаний. На абстрактном уклоне мы замечаем еще два оттенка: в одном случае пятно схватывается целиком, меньше расплывчатости в композиции; в другом же пятно рассматривается по частям — крайняя расплывчатость композиции.

Вот примеры реакции на пятна аффе́ктивно-абстрактного типа с меньшей личной заинтересованностью (абстрактный уклон), где пятно интерпретируется в целом. Реакция дана бывшей слушательницей Археологического Института, 27 лет. Занимается литературой. Одно время занималась графикой (М. П. К. Диагноз — шизофренический характер). Пятна все черные, по атласу Рыбакова ³⁸.

Пятно первое: „Здесь я вижу добродушного русского мужичка, с острой растрепанной бородкой, вздернутым носом, в шляпе, сдвинутой на затылок, и растрепанными рыжими волосами“. (По показаниям испытуемой рыжие волосы на черном пятне обозначают неопределенный зрительный цвет волос, а просто литературный тип рыжего мужичка, где рыжие волосы — просто типический признак; абстрактный момент, не имманентный пятну, построен на своеобразном восприятии такого типа; небольшая личная заинтересованность. Пятно истолковано в целом). „Он закинул голову и смеется“ (двигательный момент).

Пятно второе. „Здесь мне представляется какое-то“ (неопределенно-очерченный образ) „странное животное, с раскрытой пастью и рогами на лбу. Это животное поставило хвост свечкой и бежит сломя голову куда-то. На спине у него сидит гном в высоком остром колпачке, с раздутым носом, круглыми глазами, пухлыми губами и отвислым подбородком. Он протянул вперед руку,—очевидно, что-то приказывает животному“. (Прихотливый, нереальный, сказочный образ; двигательный момент; не имманентно пятну). На нем надета какая-то длинная одежда, концы которой болтаются“ (двигательный момент). „Очевидно, ветер дует сзади“ (двигательный момент, „потому что эти концы одежды летят вперед“ (двигательный момент). „На голове у животного стоит другой гном, в маленьком колпачке, с толстым брюшком. У него нахмуренные брови и стариковский, ввалившийся рот. Руки он держит закинутыми за спину, пристально смотрит вперед“. (Прихотливый, нереальный, сказочный образ, не имманентный пятну; отчетливо выражен двигательный момент; пятно истолковано из целого с наименьшей личной заинтересованностью). „Все пока“.

Пятно третье. „Тут надо мне присмотреться! Теперь я вижу“ (испытываемая вживается в пятно; не говорит „пятно похоже“, а прямо — „я вижу“). „Здесь карлик в шутовском костюме, в ушастой шапке на голове, с длинными развивающимися рукавами. Он танцует. Ветер раздувает его одежды“. (Пятно истолковано из целого, прихотливый, нереальный, сказочный образ, не имманентный пятну; ярко выражен двигательный момент; не выражено личной заинтересованности).

Пятно четвертое. „Ох, здесь что-то интересное!“ (Выражен интерес, но без личного комплекса, скорее абстрактный). „Здесь вот что. Это цыпленок страуса“ (прихотливый образ). „Он остановился во время бега, поднял голову кверху и размахивает крыльями“ (динамический момент). „На спине у него сидит кукла, одетая девочкой, с толстыми щечками, подстриженными волосами и бантиком на макушке“. (Пятно истолковано из целого; прихотливый, сказочный образ; двигательный момент).

Пятно пятое. „Здесь я вижу китайского дракона, с длинными раскрытыми челюстями, как у крокодила, с безобразным сморщенным рогом на лбу, горбатой спиной, маленьким хвостиком и странными конечностями, вроде морского животного, которое присасывается к скалам“. (Истолковано из целого; прихотливый образ).

Пятно шестое. „Ух! Здесь столько всяких таких удивительных вещей!“ (Момент заинтересованности, но не комплексной, а скорее абстрактный). „Это вот что! Это иллюстрация к сказке Андерсена „Снежная Царица“. Это дьявол, который изобрел зеркало ■ который со своими учениками поднимается к небу“. (Нереальный сказочный образ, явно абстрактный—заимствован из сказки,—без личного комплекса). „У него безобразная рогатая голова с выпяченными губами, острой бородкой, выставленной вперед, низким лбом и несколько грибообразным носом. На его спине находится группа его учеников. Один в небольшом колпачке, в широко развивающейся одежде“ (двигательный момент), „с длинными рукавами, стоит на плечах у дьявола, — очевидно, ораторствует“ (двигательный момент), „обращается к другим. Двое других сидят дальше, на спине: один в колпачке, другой—в шляпе XVII века и закутан плащом; и один в костюме арлекина, с горбом на спине, с медными тарелочками в руках“. (Пятно истолковано из целого; сказочный образ, явно бескомплексный: навеян сказкой Андерсена. Много черт не имманентных пятну: „ораторствует“ и т. д.).

Пятно седьмое. „Здесь какое-то“ (неопределенность) „летающее чудовище, вроде как на китайских лубках бывает“ (прихотливый, нереальный образ); „у него львиная морда, коровьи рога, орлиные крылья, маленькое человеческое тело. Китайская одежда с развивающимися широкими рукавами, две маленьких ножки; одна в башмаке, а другая с лошадиным копытом“. (Истолковано из целого; двигательный момент).

Пятно восьмое. Начинает с аффективного восклицания: „Устада! Голова отупевает от однообразия!“ (Очень однообразные по цвету пятна, из атласа Рыбакова, очевидно, повинны в некоторой родственности навеянных

образов. Испытуемая сама подчеркивает восклицанием „голова отупевает от однообразия“ аффективное недовольство как экспериментом, так ■ своей реакцией). Пятно восьмое носит явно искусственный, вымудренный характер, неродственный предыдущим, а также несвойственный и самой испытуемой, — явное аффективное недовольство: „Это вот что! Это туша поросенка, положенная на спину, разрезанная вдоль брюха и с вывороченными на две стороны внутренностями. Кое-где видны ножки с копытцами, морда повернута в профиль. Все!“ (Образ дан с досады, так как эксперимент надоел).

Вот реакция на пятна с бóльшей расплывчатостью композиции и бóльшей аффективностью, хотя все еще преобладает абстрактный момент над аффективным. Дано бывшей слушательницей филологического факультета, 23 лет; занималась графикой. Портретистка. Пятна преобладают цветные, нашей композиции.

Пятно первое. „Во-первых, так. Прежде всего мне бросилось в глаза... профиль какой-то египетский“ (расплывчатость образа). „Бровь, нос до верхней губы, — так, знаете, голова срезана сверху немного и обруч одет. А вот тут, в середине сидит животное, вроде кенгуру, — такая головка, по-моему. Он хватает какую-то палочку и веточку зелененькую“. (Большая расплывчатость образов, образы не связаны между собой; рассеянность композиции; двигательный момент и окраска). „Хочется другую посмотреть“. (Легкий аффективный тон недовольства).

Пятно второе. „Ох! Какое-то чудовище, какое-то четвероногое“ (расплывчатость образов) „с человеческой головой: нос, борода... и здесь богатыри, на корабле, что ль“ (неопределенность образа). „Они плывут“ (двигательный момент). „А здесь женская фигура, русская, знаете, вроде боярыни что ль“ (неопределенность образа), „нагнула голову“. (Большая расплывчатость образов и несвязанность их между собой. Двигательный момент). „Дайте другую!“ (Аффективный тон недовольства).

Пятно третье. „Что такое? Похоже на отражение в воде. Что-то странное, определенного

ничего не дает". (Расплывчатость образов). „Здесь домики какие-то" (расплывчатость). „Здесь как-то нет линии и ничего не дает это пятно". (Расплывчатость образов и искание твердо очерченной линии).

Пятно четвертое. „Ого! Это или два зайца, как на пасхальных открытках, или танцуют, или протягивают друг другу лапки, два зайца". (Расплывчатость образов: „или-или"; двигательный момент).

Пятно пятое (черное). „Это... с правой стороны я вижу профиль стариков: вот нос, вытянутые губы, а здесь что-то вроде берета, одето на нем. В общем, вот голова, вот ноги или юбочка, пожалуй, одета". (Расплывчатость образа). „Вот волосы. Ой! Смотрите! Интересный профиль! Уже белый силуэт на этом, — очень интересный профиль лица и две руки". (Неуловимость образов).

Пятно шестое. „Это опять вроде того. Мне такие пятна не нравятся". (Резко выраженный аффективный тон недовольства). „Это такое... семя что ли такое". (Неопределенный образ). Знаете, когда раскалываешь, вроде как боб. Тут темные жилки такие". (Цветовой оттенок).

Пятно седьмое. „О! Не люблю такие пятна!" (Еще резче выраженный аффективный тон недовольства). „Тут по-моему, головы". (Расплывчатый образ, неуверенность). „Ясно вижу собачьи головы: глаза, тут нос. Знаете, есть такие собаки... Улыбающаяся физиономия. Здесь человеческая голова или кретин какой-то". (Расплывчатый образ). „А здесь старуха. Такое бледное, бледное пятнышко". (Цветовой оттенок). „Глаза, длинный подбородок, чепчики такие, хвостики висят, а в общем такой вид у нее". (Неопределенный образ).

Пятно восьмое. „Похоже на фарфоровую сахарницу. В общем вместилище для чего-то съедобного". (Расплывчатый образ). „Глаз, клюв, бородка, немножко перышки на голове". (Расплывчатый образ). „Вообще куриная, по-моему физиономия" (неуверенность). „Сейчас я вижу совсем другое". (Несвязанность образов). „Лес, здесь какое-то озеро с заливом, домик сторожевой. Лодка с парусом и там лес. Очень, по-моему, близко. Картина неумелого

художника. Здесь песок и площадь странная. Здесь похоже на обрыв“ (неуверенность). Все вниз идет, все катится вниз“ (двигательный момент). „Здесь уже что-то мешает, а там вполне такой определенный пейзаж“. (Расплывчатость, несвязанность образов; двигательный момент).

Пятно девятое. „Что это мне все лица больше!“ (представляются). „Вот это—синяя—физиономия, так,—глупая: вот рот, подбородок и это вроде воротника кружевного. В общем, как игрушка, которая подпрыгивает,—так стянется и подпрыгнет“ (двигательный момент). „А здесь голова ящерицы: здесь головка, лапки и хвост, так!“ (Несвязанность расплывчатых образов между собою).

Пятно десятое. „Это вполне определенные фигуры, вот эти, танцующие“ (двигательный момент). „Это на надгробных могилах“ (вместо „на надгробных памятниках на могилах“ —сокращенность выражения, связанная с расплывчатостью образов; преобладание аффективности над абстрактностью) „фигуры ангелов; они танцуют на кладбище“ (прихотливый образ). „А здесь кругом чудовища, вроде ящерицы: голова, хвост... Вот туча летает над ними. Получеловеческий образ: голова, нос... а здесь летающая фигура оленя, вполне определенная“. (Двигательные, расплывчатые, прихотливые образы).

Пятно одиннадцатое. „Что-то смутное“ (расплывчатость образа). „Это как-будто лепестки цветов душистого горошка, что ль...“ (Неопределенность). „Тут ноги и тут ноги, тут какая-то летучая головка, не то птицы, не то зайца, не то летучая мышь“ (те же характерные особенности стиля — часть вместо целого: „какая-то летучая головка“ вместо „головка какого-то летучего животного“. Признак расплывчатости образов). „В общем какие-то цветы, порванные лепестки. (Расплывчатость образов). „А! Когда дольше смотреть —лучше! Вот ноги, вот его руки и он дирижирует палочкой“ (движение; расплывчатость образов: нет определенного подлежащего). „И тут, и там получеловеческие фигурки, полуфеи пляшут“ (двигательный момент; сказочный образ). „Эта фигурка делается центральной: смысл есть в этой картинке“. (Образы комментируются не из обхвата

целого смысла пятна, а, наоборот, смысл возникает из расплывчатых построений).

Наконец, расплывчатость образов может еще увеличиться: одно и то же пятно дробится на целую серию несвязных моментов. Реакция дана окончившим факультет общественных наук Моск. Университета, 22 лет. Пишет стихи. Пятна нашей композиции, цветные и черные.

Пятно первое (черное). Первый образ: „Два красноармейца в буденовках скачут на тюленях вдогонку за большим тюленем, который откинул голову назад и бежит вперед грудью. Дело происходит на Северном полюсе“. (Двигательный момент). Второй образ: „Впереди гном в сером колпаке. У него голова растет прямо из пня с корнями, а на затылке нарост. Гном добрый, его обидел племянник“. (Прихотливый, нереальный образ; внесен внутренний момент, неимманентный пятну. Образ, очевидно, навеян чем-то знакомым, но источник его скрыт от слушателей в противоположность, например, ссылке на сказки Андерсена в первом примере; такая скрытность источника ассоциативной связи и порождает странность и необъяснимость образов). Третий образ: „Море плещет над берегом“. (Двигательный момент). Четвертый образ: „Это медуза, которая в такой же степени черноты находится, в какой степени прозрачности и белезны настоящая медуза“. (Образ совершенно неадекватен изображенному; даже прямо контрастен ему). Пятый образ: „Два кипариса сзади, ночью. Спереди — крутизны, неразличимые ночью“. (Туманные образы). Шестой образ: „Географическая карта острова; спереди бухта“. (Дано шесть отдельных образов на одно и то же пятно, взятое в одном и том же аспекте).

Пятно второе (цветное). Первый образ: „Это кость мамонта“. Второй образ: „Обрывок шинели, кровавый: труп был зарыт“. (Субъективное дополнение; образ взят за сценой пятна). Третий образ: „Это шкура пушного зверя“. Четвертый образ: „Это тень от дыма“. (Неуловимый образ).

Пятно третье (черное). Первый образ: „Это пьяный карлик. Буря, — и вот он никак не может запахнуть свою одежду, она у него разлетается“. (Двигательный момент). Второй образ: „Человек, расплющенный в лепешку паровым молотом“. (Двигательный момент; субъективное дополнение, взятое за сценой пятна).

Пятно четвертое (цветное). Первый образ: „Балет на сцене Большого театра“. (Двигательный момент). Второй образ: „Мария-Антуанетта и принцесса Ламбаль, когда толпа подходит ко дворцу“. (Дополнительный момент как бы за сценой пятна). Третий образ: „Нищий просит денег ночью у возвращающихся домой двух дам“. (Субъективный дополнительный момент). Четвертый образ: „Наверху шкурка каракуля“. Пятый образ: „Она же акула“. Шестой образ: „Она же бельмо на глазу“. (Неопределенный образ). „Слева наверху: отражение головы в воде — оленя“. (Неуловимый образ). Седьмой образ: „Слева внизу собака, зарытая по пояс в землю. Она воет“. (Звуковой образ).

Пятно пятое (черное). Первый образ: „Ночное у костра идет“. Второй образ: „Ну, а потом опять море, кипарисы. Слева карта Крыма, а справа рельеф берега“.

Пятно шестое (цветное). Первый образ: „Денежная ассигнация“. Второй образ: „Поле зрения микроскопа“. Третий образ: „Скверное изображение того, что видишь перед глазами, когда засыпаешь“. (Неуловимый образ. Аффективный момент). Четвертый образ: „Болото“. Пятый образ: „Рай“. (Зрительный образ вызывает аффективную настроенность, которая ассоциируется с неуловимым представлением о рае). Шестой образ: „Середина Африки, лес“.

Пятно седьмое: „Спина золотой рыбки или брюхо“.

Пятно восьмое. Первый образ: „Отрубленная голова солдата“. Второй образ: „Голова всадника“. Третий образ: „Дырка в небе“. (Неуловимый образ). По мере хода эксперимента наступает утомление и все ярче

обрисовывается преобладание аффективного момента над чисто абстрактным.

Пятно девятое. Сурово и неодобрительно восклицает: „Мазня! Похоже на стихотворение символистов“. (Зрительный образ аффективно ассоциируется с неопределенным настроением, получаемым от стихов символистов).

Пятно десятое: „Это крик ура, если его нарисовать“. (Яркий кричащий цвет пятна (желто-оранжевый) аффективно ассоциируется со слуховым образом крика „ура“).

Наконец, вот реакция на пятна с преобладанием аффективного момента. Дана 14-летней девочкой, убившей мать (см. 4 тип восприятия), настроенной негавитистически в момент эксперимента. Ярко выражен неестественный смех, неадекватный ее настроению в этот момент. Пятна черные, по атласу Рыбакова.

Пятно первое. Пауза 20 секунд. „Я не знаю“ (негативистический момент). „По-моему что-то смешное“ (хотя ей сейчас совсем не смешно). „Так вот шляпа, так вот волосы, длинные волосы“. (Схвачены отдельные черты, но не определенный образ). „Смешное!“ (Неестественно хохочет).

Пятно второе. Через 15 секунд. „Это ничего. По-моему, ничего“. (Замаскированный аффект). „Это что же? Чернила? Ну, так чернила не разливаются. Бумага так разорвана бывает, а чернила так не разливаются“. (Пятно напоминает что-то разливающееся, может быть, кровь¹⁾ убитой матери; отсюда дальнейшие задержки и переход от смешного к страшному). Вот в какой последовательности идет реакция:

Пятно третье. 10 сек. „Ничего“.

Пятно четвертое. 20 сек. „Тоже ничего“.

Пятно пятое. 30 сек. „На какое-то страшное животное похоже. Вот так пасть раздвинута: вот эта пасть, вот!

¹⁾ Возможность такого истолкования подсказана подобной же реакцией, наблюдавшейся нами у правонарушителей без признаков болезненного негативизма, которые давали сознательные показания, что видят в черных пятнах как бы кровь потерпевших. См. хотя бы „Случай изувечения мужа“.

Тут как-будто спина такая горбатая, тут две ноги, большие. Страшный!”

Пятно шестое. 5 сек. „Знаете, вот тут вот кто-то бежит. Тут вот мордочка, здесь два уха. Прямо несется со всех ног“. (Опять расплывчатый образ. Двигательный момент) и т. д.

Отмеченная выше негативистическая установка на данный эксперимент удержалась у данной испытуемой и позже. Через три года, в дружеской беседе у нас на дому, мы, шутя, предложили ей эксперимент на пятно по Роршаху. Преобладающими были отрицательные ответы: „Здесь ничего: просто пятно какое-то“. — „Тоже ничего“ и т. д. Когда таблицы были убраны, удалось установить негативистическую установку: „Я не хотела говорить, но мне казалось, что здесь просто какие-то лица, таких не бывает; как будто бы тянутся друг к другу“. И еще: „Я не хотела говорить“ и т. д.

Что касается реакции на пятна, которую мы называем конкретно-эмоциональной, то здесь мы видим четко выраженные дифференциальные уклоны: или преобладание эмоционального момента, однако, синтоничного общей форме пятна, или, наоборот, преобладание реально-конкретного над эмоциональным, как это иллюстрировано в приведенной нами выше реакции пикника из статьи Мунца. Вот примеры таких разновидностей:

Реакция конкретно-эмоциональная с эмоциональным уклоном. Дана 17-летним студентом естественно-математического факультета Моск. Университета. (М. П. К. Диагноз—циклотимия). Пятна из атласа Рыбакова.

Пятно первое. Через 5 сек. „Это определено с одной стороны, слева, представляется это пятно лицом человека, этакое неврастеника Чеховского“. (Образ реальный, взят извне). „Волосы мягкие падают на лоб, морщинистый от бесплодных мыслей“. (Привнесено дополнение, характеризующее лицо, которое схвачено по контуру пятна, очень похожего на лицо такого типа; морщины на лбу также по контуру пятна). „Кончено! Нос — чисто русский — подгулял! Ну, да бог с ним!“ (Эмоциональный тон). „Неопре-

деленной формы усики такие могли бы быть, если бы это был определенный человек“. (Отделение реального и условно привнесенного). „Собственно говоря, здесь могла бы быть нижняя губа с бородой“. (Отделение реального и условно привнесенного в произвольном сочетании собственно представлений). „Но я не люблю бороды и потому делаю бороду“ (построение все время идет синто-нично контуру пятна) „нижней губой под подбородком“. (Считается с реальными очертаниями контура, однако, руководствуется при построении ярко выраженной эмоциональной направленностью—„не люблю бороды“). „Подбородок выдающийся—признак страстной натуры“. (Дополнение извне по отношению к пятну). „Но так как он маленький мелкий человек, то и страсти у него мелкие“. (Дается эмоциональная оценка воображаемому лицу). „Что же еще? Такие люди, знаете,—что про них рассказать-то хорошего? Рот раскрыт, что-то изрекает, вроде идеалов, служения человечеству. Хороший парень!“ (Эмоциональная оценка). „Наверное, он фразер, нет даже не фразер... жаль мне его“. (Эмоциональное отношение). „Ну, да бог с ним, пускай живет!“ (Эмоциональное восклицание). „Лучше бы помер: для всякого человека смерть есть добро!“ (Эмоциональное дополнение. В общем образ реален).

Пятно второе. „О!“ (Междометием выражен эмоциональный момент удивления). „Это что такое? Это ноги чьи-то из под юбки. Чулки спустились, а ноги в чулках; башмаки „плюнелевые“, как бабушка моя говорила“. (Извне). „Это мне не нравится!“ (Эмоциональная оценка). „Это крестьянка в обтрепанной юбочке, в стоптанных башмаках, а тут ее прикрыла туча. Что-то футуристическое“. (Конкретные образы; реальная оценка их).

Пятно третье. „Во!“ (Эмоциональное восклицание). „Это что же такое?“ (Через 5 сек.) „Это скандинавское судно“. (По контуру пятна). „Это нос, белое—это волны холодного северного моря. На носу стоит викинг: хищное лицо, острое, и надбровные дуги выделяются“. (По контуру—образы синто-ничны пятну). „Руки сложены на груди, не героически, а по московскому фасону, на животике“. (По

контуру пятна), „а сзади у него... кто? Князь скандинавский, кто-то вроде мага, — и нос у него характерный и борода сирийская, остроконечная. Сирийская ли? Да, я вспомнил: сирийская. Очень нравятся плетеные бороды“. (Эмоциональная оценка). „Я бы кляксу сделал побольше, чтобы сказать, что тут стоит толпа“. (Конкретно-реальный момент отделен от комбинации образов представлений).

Пятно четвертое. „Сейчас присмотрюсь, с какой стороны лучше рассматривать“. (Через 3 сек.) „Здесь, действительно, интересно!“ (Эмоциональный момент). „Это просто птенец, орленок. Голову кверху поднял и одну ножку, крылышки кверху поднял, неоперившиеся только“ (по контуру пятна). „Приблизительно сойдет!“ (Эмоциональная оценка построенного образа). „У европейского орла, или не знаю точно какого, ноги-то косматые, а у птицы вообще — тонкие, так что это подойдет сюда“. (Приспособление вымысла к действительному раздражению; сознание его неполной адекватности).

Реакция с преобладанием реального момента над эмоциональным. Дана слушательницей Рабфака, 22 лет. (См. „Случай изувечения мужа“ М. Н. К.) Пятна по атласу Рыбакова. Сначала, после сосредоточенной установки дает образы реальные, в которых реальность доминирует над образами, вызываемыми пятнами.

Пятно первое. „Здесь нечто похожее с Воробьевыми горами, только приблизительно“. (Конкретный, реальный момент, не связанный буквально с изображением; уловлено лишь приблизительное сходство), „где фильтрация воды, которая основана при Николае II“. (Совсем объективный реальный момент). „Это соответствует одной из возвышенностей. А это как будто бы у подножья река стелется; конечно, не точно, а приблизительно“. (Нет отождествления вымысла и пятна). „Я помню, как в брод переходили люди“. (Отступление по ассоциативной связи с реальными моментами). „А вот здесь две головы, они немножко портят“ (т.-е. реальному пейзажу не соответствуют добавочные, лишние для этого построения, моменты пятна).

Пятно второе. Пауза дольше. „Ну, в целом ничего“. (Нет негативизма). „Зачатков много различных. Похоже на кристалл, а больше всего на горную породу, осколок“. (Образы из реальной действительности).

Пятно третье. Пауза увеличивается до 5 минут. „Я не знаю, на чего похоже: самая бестолковая картинка!“ (Эмоциональное восклицание).

Пятно четвертое. Долгая пауза. „Ни на чего не похоже. На лужу похоже, — бывает вода капризно разольется“.

Пятно пятое. Пауза 2 минуты. „Это что-то похоже на кровь“ (на черном пятне из атласа Рыбакова). „Как-будто кровь... бесформенное“. (Ясно выражен комплекс, который может иметь место как на аффективно-абстрактном, так и на конкретно-эмоциональном фоне).

Пятно шестое. Пауза 3 минуты. „Как будто бы лицо человека с закрытыми глазами, а потом что-то еще есть общее вот с этой каплей... Вспоминаю... Неприятно... тяжело даже“.

Различие комплекса на конкретно-эмоциональном фоне от комплекса на фоне аффективно-абстрактном заключается в его более быстрой разрядимости. Уже на пятне седьмом испытуемая вполне справляется с собой, смеется открыто и дает следующую простую реакцию: „Да похоже на орла почему-то“. (Реальный образ).

Пятно восьмое. „Это похоже на лист дуба“. (Реальный образ, вполне имманентный пятну).

При обработке полученных нами реакций при эксперименте на пятна мы убедились, что реакция чисто интеллектуально-волевая имеет признаки еще большей очищенности от эмоционального и аффективного моментов. Мы наблюдали такой тип реакции у одной медички, страдавшей энцефалитом (М. П. К.), 28 лет. Интеллектуально-волевая личность, — крестьянка, собственной волей добившаяся высшего образования: студентка-медичка 5 курса; не эмоциональна (Ср. стр. 185). Данный эксперимент велся через год по выходе из клиники. По Роршаху.

Пятно первое. „Клиновидная кость“. (Реальный образ, профессионально знакомый).

Пятно второе. „Это вроде... Я не знаю на что это похоже“. (Раздельный момент вымысла и действительности; нет субъективного вживания в пятно: подыскивает образ во внешней действительности, который походил бы на пятно). „Разделить? Взять целиком?“ (Раздумывает, как подойти к задаче: интеллектуальный момент). „Вот так!“ (Рациональный момент, — как бы примерка пятна к различным предметам из действительности). „Что-то тоже в том роде“ (т.-е. как пятно первое; реальный образ). „Точно не сумею сказать, животное“. (Опять как бы рациональная примерка: искание на что всего точнее похоже). „Тут плечи, тут шея. Если наоборот, — тут носик, ротик, глаза, ушки. В общем, что напоминает, — не знаю“. (Нет построительного воображения, есть интеллектуально-волевая установка — найти реальные предметы действительности, точно похожие на образ пятна).

Пятно третье. „Обезьянки“. (Образ из реальной действительности. Поправка:) „Издали обезьянки две. Вблизи совсем другое“. (Только при удалении пятна на очень большое расстояние, в конец комнаты, удастся найти какой-нибудь образ эквивалентный действительности. По мере приближения пятна это сходство стирается, так как пятно получает большую определенность). „Я никогда таких штук не видала“. (Ярко выражен уклон в реальную действительность). „Какой-то набросок“. (Мысль о незаконченном чертеже). „Это штуки, как на елках“. (Выбор наиболее причудливых изображений в реальной действительности).

Пятно четвертое. „Я не знаю: эти фигуры ничего не говорят“. (Ищет сходных реальных предметов). „Мне не с чем сравнить“. (Без опоры в действительности нет вымыслов). „Я никогда не видала такой штуки“. (Нет реального подобия). „Облака?“ (Как будто найден прихотливый образ). „Что они, из чего?“ (Ищет материального ингредиента). „Почему облака?“ (Образ не удовлетворяет: всюду видна интеллектуально-волевая установка. А между тем любила в деревне наблюдать за облаками. Очевидно, их текучесть, динамичность и своеобразная реальность, чего

нет на мертвом пятне, вызывала больше гибкости воображения: „Видела в деревне облака; когда в поле пасешь стада, издали присматриваешься, — что-то посередине оригинальное складывается; какие-то цуги что ль напоминает“. (Реальная динамичность). „Или возвышения, как снопы, когда они стоят, что-то такое полевое“. (Образы из реальной действительности).

Пятно пятое. „Ну, ничего. Ничего мне эта фигура не дает. Если бы я еще что-нибудь отсюда убрала, тогда, может быть, что-нибудь еще получилось“. (Ищет точного соответствия с действительностью; нет построительного воображения: все несходное с реальным образом парализует его). „Из очень большой дали, т.-е., если смотреть, — зверушка крылатая. Стрекоза, если ее спинкой распяли: это можно видеть в коллекции. Из очень большой дали“.

Пятно шестое. „Вот так вот, если бы не было двух штук“ (опять прихотливость очертаний не дает адекватного сходства с действительностью) „— на корабли... и то внизу что-то мешает. Корабли, не корабли... Если бы еще дальше поставить“. (Чтобы пятно стало более расплывчатым и менее заметным были бы черты неадекватности образа пятна с образом какого-нибудь реального предмета),

Пятно седьмое. После очень долгой паузы. „Ничего, ничего. Совершенно просто какая-то фантазия“ (т.-е. то, чего нет в реальной действительности; явное неумение вжиться в нереальное, в сказочное), „но что в это время думал художник, который это изображал, я не знаю“. (Искание сознательной мысли, определения для неопределенного бессознательного начертания. Явная интеллектуально-волевая установка).

Пятно восьмое. „Тут у меня говорит вот это и вот это: какая-то зверюшкина головка“. (Замечается утомленность и ослабление интеллектуального усилия, следствием чего является большая раздробленность построений).

Пятно девятое. Очень долгая пауза. „Что-то есть такое, не знаю, что. В мелких частях еще можно найти похожее с чем-нибудь: в старинном стиле костюм, человечек, голова“.

Пятно десятое. Очень долгая пауза. Разбросанные цветные штрихи десятого рисунка по Роршаху не укладываются в целое. Пробует давать ответы по частям. „Чертей напоминает; а мне ничего не говорит; а это из медицинских рисунков“ (реальное). „Раки разные“ (реальное). А это чертик, хороший чертик. Два чертика. Человечек подвешен: ноги, голова. А это—если наскоро кто нарисует ребенку лошадку: профиль неуклюжий“. (Кончает реальным сравнением: критическое отношение сознательного интеллектуально-волевого лица к бессознательным построениям).

Все рассмотренные реакции могут быть характеризованы, как конституциональные, в противоположность реакции четвертого типа, обусловленной экзогенным моментом (реакция примитива). Эта реакция совсем не очерчена у Кречмера, который недостаточно оценивал значения этого экзогенного момента. Реакцию примитива в нашем смысле нельзя смешивать с „примитивной реакцией“ в смысле Кречмера, которая характеризует и патологический момент. Очень неясно касается реакции примитива и Мунц³⁹.

Отбросив конституциональный момент, мы наблюдали, что примитивы реагируют на эту экспериментальную задачу познавательно; они рассматривают ее, как какой-то ребус, данный для интеллектуального упражнения. Такая особенность их реакции на это раздражение объясняется типичной для примитива бедностью воображения, как такового (не смешивая здесь частое смешение вымысла и действительности, как, например, в одухотворении предметов, что мы относим к неясному восприятию, а не воображению).

Поэтому реакция примитива при данном эксперименте очень бедна образами. Всегда обнаружена неуверенность, озадаченность и некоторая как бы обидчивость за несерьезность предложенной испытуемому работы. (При бóльшей яркости психической конституции повышается процент богатства построений, в которых и проявляется уже не столько типично-примитивное, сколько индивидуальное).

Вот эти реакции. Пятна из атласа Рыбакова.

Крестьянин 25 лет. (Вор. М. Н. К.). Вертит. Вдумывается. Пятно первое. „Я не пойму, какая это вещь. Не

пойму, что это за вещь, не видал таких". (Рациональная установка, познавательный момент). „Можно подумать, что это заяц вроде, с ушками". (Реальный образ; бедность композиции).—Пятно второе. „На лягушку можно подумать". (Реальность образа; бедность композиции).—Пятно третье. Вертит.— „Это можно подумать, что это лодка". (Реальность образа; бедность композиции).—Пятно четвертое. „Можно подумать, что это памятник стоит". (Реальность образа; бедность композиции, не всегда усиленной).—Пятно пятое. „Не могу понять. Ни за что не могу понять". (Рациональный момент; бедность вымысла).—Пятно шестое. „Тут на большую птицу похоже". (Реальность образа, нигде нет тождества образа вымысла и образа пятна, пятно только: „похоже"). Пятно седьмое. „Я не знаю что, не знаю". (Рациональный момент). Пятно восьмое. Очень долго рассматривает. „Не могу выяснить". (Бедность вымыслов; неуверенность в правильности осознания задачи).

Еще пример такого же типа реакции. 17-летний крестьянин, грамотный. (Убийца. М. Н. К.). Пятна из атласа Рыбакова. Пятно первое. „Обыкновенный как все равно" (т.-е. похоже на) „цвет". (Нет вживания в пятно; схватывает только сходство, но не тождество. Реальный образ). „А кто его знает". (Неуверенность в правильно понятой задаче).—Пятно второе. „Такая же и эта, все равно же". (Бедность образов).—Пятно третье. „А кто её знает". (Неуверенность). „Я сам не знаю, что это такой. Честное слово, не знаю, что вам сказать". (Рациональный подход к задаче).—Пятно четвертое. „Как вам сказать? Как все равно корень какой от дерева". (Реальный образ).—Пятно пятое. „Это на человека похоже, как все равно". (Для него самого его образы неимманентны пятнам): „борода, рот его, губы, нос. А там кто её знает, на что это похоже. Неизвестно". (Неуверенность).—Пятно шестое. „Это птица как все равно". (Реальный образ).—Пятно седьмое. „Это уже я не знаю, не могу вам определить". (Неуверенность).—Пятно восьмое. „Это цветок тоже". (Реальный образ).

Приведенные примеры реакций настолько типичны для примитива, что если смешать реакции этого типа у сотни испытуемых, — никаких индивидуальных особенностей не заметно и любую из них можно приписать любому испытуемому. Заметно лишь большее или меньшее недоумение по поводу эксперимента.

Например, вот реакция крестьянина 28 лет. (Обвиняется в бандитизме М. Н. К.). Пятна из атласа Рыбакова. Пятно первое. Очень долгая пауза. „Я тут ничего не пойму — вот дело в чем“. (Рациональный момент). „Как тут ее рассматривать? Птица не птица, наковальня не наковальня. Что тут может быть?“ (Очень долгая пауза). „Я ничего тут не пойму? Что тут я могу понять?“ (Рациональный момент). — Пятно второе. „Вы такие задачи задаете, просто беда! Похоже на какую-то кошку, только это наверное что-нибудь другое“. (Рациональный подход). — Пятно третье. „Таким образом растилается только облако. Какой дурак я в этом отношении! Вы скажите мне одну карточку, — я тогда буду придерживаться ваших слов. Какой-то я урод человечества! Зачем я буду говорить то, чего не знаю“. (Рациональный подход; более аффективный уклон, чем в первых реакциях — большое самолюбие, — но композиция почти та же; бедность вымыслов).

Эмоциональный уклон выражается в едва заметной большей гибкости и заметной быстроте построений, все столь же однообразных и бедных продукцией образов. Вот реакция такого вида: 29-летний моряк, южанин. (Вор. М. Н. К.) Пятна из атласа Рыбакова. — Пятно первое. Быстро. „Это вроде пня“. (Все-таки рациональный момент „похоже“). — Пятно второе. Быстро. „Голова вроде осла“. — Пятно третье. „Это вроде какой-то летучей мыши“. Пятно четвертое. Наиболее богатая композиция. „Это выделяется фигура человека с какими-то рогами: тут нос, подбородок, волосы“. — Пятно пятое. „Вроде какого-то зверя, на чем-то сидящего“. (Смеется). — Пятно шестое. „Это вроде руки пальцев“. Пятно седьмое. „Это вроде кожи, снятой с какого-то зверя“. Пятно восьмое. „Я не могу понять, что тут такое“. (Рациональный момент).

„То же вроде зверя: голова тут выделяется, какие-то обрубки вроде рук, шея“ и т. д.

Таким образом, на приведенных примерах мы наблюдаем все те же основные типы реакций: аффективно-абстрактную, конкретно-эмоциональную, интеллектуально-волевою и, при экзогенном моменте, реакцию примитива. Все эти типы реакций на пятна стоят, как увидим, в отчетливо выраженной корреляции с определенным типом творчества вообще.

4. Здесь мы не будем касаться этой темы в ее полном объеме: она требует особого систематического рассмотрения. Мы укажем лишь те немногие типические моменты творчества, которые нам удалось отметить в реакциях наших испытуемых. К тому же анализ реакций, собранный нами при наших исследованиях, в данном случае ценнее анализа законченных произведений, так как здесь мы можем непосредственно наблюдать самый процесс творчества, а не только его результаты.

Прежде всего он обнаруживается перед нами в словесном творчестве и, поскольку мысль и язык неразрывны, творчество этого рода, как оно выражается в элементарных своих проявлениях, тесно связано с указанными выше типами реакций.

Попробуем кратко указать различие лингвистического творчества примитива (экзогенный момент), конкретно-эмоционального типа, аффективно-абстрактного и интеллектуально-волевого (эндогенный момент).

Мы уже видели на процессах мышления, что у примитива (даже высшего) мысль не порывает конкретно-образной связи и звучит для культурного человека несколько чуждо. Дело в том, что способ выражения примитива отличен от логически-аналитического, однако, он высоко оценивается в поэтическом творчестве и искусстве вообще (именно конкретные, чувственные аналогии, сравнения, тропы).

Вот почему речь примитива имеет для культурного человека какую-то особенную привлекательность. Здесь культурный человек находится у корней своего языка. Ведь создание языка на известной стадии идет путем поэтического

творчества. Познавая новое явление, мысль называет его по одному из тех признаков, которые представляются ей наиболее существенными и которые уже познаны предварительно, как самостоятельное явление. Это объяснение нового явления посредством перенесения на него названия уже известного есть то, что научная теория поэзии называет „троп“.

Вот почему и можно сказать, что стиль есть свойство самого мышления. Самый троп, свойственный языку примитива, своеобразен и конкретен. Психологически крайне интересно проследить оттенки различия типов примитивно-конкретного и культурного (конкретно-эмоционального, аффективно-абстрактного или интеллектуально-волевого), как они обнаруживаются в языке—мысли. Когда человек больше глядел на природу, чем ■ свой внутренний мир (стадия примитивная), естественно было объяснять отвлеченности конкретными сопоставлениями (брать троп извне). Но современный культурный человек (особливо аффективно-абстрактного типа мышления) так проникнут абстрактным, что оно для него ближе, отчетливее и сильнее, чем внешняя действительность. Изображая внешние предметы, такой тип возьмет яркие краски из мира внутреннего. Он сравнит внешнее с признаками своей мысли, вместо реальных пейзажей он нарисует перспективы внутреннего горизонта. Например, описывая полет жаворонка, он говорит: „В золотом сиянии солнца ты летаешь и скользишь, как беспричинная радость, возникающая в душе“ (Шелли). Поток воды бежит для него „с быстротою счастья“ (Байрон) и т. д.

Совсем иные тропы свойственны языку мысли примитива: идеальные представления его мысли имеют ту реальность, какую они имеют в глазах детей,—они мифичны. В них нет собственно основного момента поэзии—иносказания. Говоря: „холера идет“, поэтическое мышление не имеет притязаний на антропоморфическую реальность этого образа; мифическое—примитивное мышление, наоборот, настолько проникнуто его реальным характером, что находит возможным бороться с ним посред-

ством опахивания, проведения границы, которую олицетворенная холера переступить не может. Такие воззрения лишь по происхождению и по форме сходны с поэтическими, но в них, повторяем, нет главного элемента поэтического мышления—иносказания, и потому они совершенно прозаичны (А. Горнфельд).

Вот краткие примеры различных типов творчества, которые мы имеем в нашем материале.

Например, взрослому крестьянину 17 лет (вор М. Н. К.) дается элементарное задание: развить какое-нибудь сочиненьице на следующие три слова: отец, мать, сынишка. После долгих конфузливых отказов дается реакция:

„Когда мне было лет двенадцать,
Умер мой отец;
Стая я матери бояться,
Стал ужасный я подлец...“

Реакция состоит из чужих слов, которые усвоены во время жизни по тюрьмам: реакция не адекватна заданию. Сам сознается, что сказал „чужое“. Для примитивного творчества особенно важен типический момент. Примитив и здесь стирает свои индивидуальные черты в общем типическом для примитива творчестве. Нет иносказания, скорее проза, чем поэзия.

На просьбу продолжать на ту же тему самостоятельно, — ответ: „У меня ничего не выйдет“.

Даются другие три слова: вор, милиционер, милиция. Быстро, находчиво: „Воришка на кражу идет, ворует. Милиция кражу открывает, по жулику стреляют, бегут, в тюрьму попадают, все срока получают. Идут судиться в Нарсуд и приговор с собой в ардом несут“. (Комбинация личного творчества с мотивами уже слышанного по тюрьмам. Нет иносказания, прозаичность. Под сочинением он понимает не что иное, как рифмованую и напевную речь: примитивная форма творчества).

Еще три слова: крестьянин, земля, семья. После долгой паузы (признак преобладания самостоятельности в продукции): „В летнее время крестьянин трудится:

день трудится, ночь не спит, семью он кормит, на зиму хлебушек припасает... еще чтой-то подумаю, А. Е....“ (Отступление, доказывающее самостоятельность творчества). „В праздник отдыхает, на солнышке лежить, на крылечке чаек попивает, песенку поет... Больше ничего не делает“. (Реальная картина, нет иносказаний).

Менее одаренный крестьянин 17 лет (убийца М. Н. К.) дает менее гибкие построения на те же темы. Например, на три слова: „крестьянин, деревня, жизнь“, — начинает с отказа: „Я не могу“. Позже: „Стало быть, крестьянин в деревне живет, работает, у него все есть, ни ■ чем он не нуждается. Если будешь в деревне жить, крестьянствовать, то будешь сыт. Если будешь лодырьничать, то будешь голодный“.

Варианты на те же темы обычно примитиву не даются. Тот же крестьянин на предложение дать еще рассказ на ту же тему отвечает: „Это же опять же! Ну, как што же я вам опять это же скажу“. (Бедность вымыслов). „Ну, как? я не могу вам сказать, ей богу, не могу я это объяснить“.

Третий крестьянин 17 лет (М. Н. К.) слышит, как в исправдоме поют „подходящее“ к его личному делу, — просит „Дай-ка стишок списать: к моему делу подходит“. (Обвиняются в хулиганском ограблении прохожего: в пьяном виде вместе с товарищами полушутя-полусерьезно снял с него пальто и пропил). Вот это стихотворение:

„Случай был такой со мной, —
Возвращался я домой,
В переулочек зашел,
Шел, застрял и не прошел.
Подошли ко мне друзья,
Отдал им пальтишко я.
Фонари хоть и горят,
Но раздевают, как хотят.

Улица, улица,
Улица веселая, —
Снять на улице пальто
Дело не тяжелое“.

(Нет иносказания, конкретное описание фактов: больше проза, чем поэзия).

В творчестве примитива с индивидуальной стороны все различие в тех эмоциональных оттенках, которые вкладываются в произнесение тех или иных слов. Собственно воображение примитива, в смысле сочетания преобразованных представлений, бедно комбинациями, замыслами; оно только репродуцирует, но не продуцирует. Иносказание, как момент большей отвлеченности, вообще мало доступно примитиву, как это выясняется, например, на его подходах к развитию какой-нибудь пословицы, афоризма.

Мы уже старались показать на примерах по процессам мышления, что мысль примитива при всей своей элементарности не нелепа. Примитив в пределах знакомых понятий осмысляет вполне здраво и трезво,—имеет „смекалку“,—но, наталкиваясь на абстрактное, малознакомое, он паскует. Он вообще мало имеет уверенности в абстрактных (ирреальных) построениях; сбить его с позиции в этой области очень легко. Верно понятую мысль он развивает по преимуществу описательно, конкретно.

Вот типичные для примитива реакции на развитие каких-либо афоризмов. Например: „Ум имей хоть маленький, но свой“. Крестьянин 17 лет (вор. М. Н. К.): „Кто-нибудь другой говорит: „Вот надо так делать“, а ты ему отвечаешь“ (любимая форма — диалогическая): „Я чужим не живу“. „Например“ (любимая форма ответа иллюстрациями, конкретными примерами, без краткой формулировки смысла), „в тюрьме говорят: „Садись там-то, там-то“ — отвечаешь: „Я сам знаю“. (Пример из личной или близко знакомой жизни. Ответ конкретно-описательный. Мысль понята верно).

Более абстрактная форма ответа на ту же тему. Крестьянин 17 лет. (Убийца. М. Н. К.). Через 10 сек.: „Понял! Ум имей, чтой-то... я не могу“ (указывает на свой лоб, как бы локализуя задачу). „Конечно, ум есть свой... Как вам сказать?“ (Нет уверенности и быстроты в ответе). „Стало-быть, чужого ума не слушай, а своим живи“. (Мысль понята верно). „Так вам сказать, а там кто ё знает“. (Нет уверенности в том, что понял правильно).

Еще ответ на ту же тему. Крестьянин 25 лет. (Обвинение ■ бандитизме. М. Н. К.). Через 3 сек.: „Что б не слушать людей, — лучше будет“. (Смысл понят правильно. Ответ выражен кратко и толково, но незаконченно, конкретно).

Примитив понимает этот афоризм, вообще говоря, трудный для развития по своей отвлеченности, по существу верно потому, что в нем все же смысл прямой, без иносказания. Значительно труднее примитиву понять такую пословицу: „Каждый кузнец своего счастья“. Крестьянин 18 лет. (Вор. М. Н. К.). „Не слыхал такой пословицы. Какое у кузнеца может быть счастье?“ (Смысл не схвачен потому, что примитив не может понять знакомого, конкретного слова „кузнец“ в переносном смысле творца собственного счастья. Почти всегдашняя неудача при ответах примитива на эту пословицу).

Другой ответ на ту же пословицу. Крестьянин 25 лет. (Обвинение в бандитизме. М. Н. К.): „Я не пойму этого! Ей богу! Никогда не слыхал“. (Бедность культурных впечатлений. После долгой паузы). „Каждый человек должен владеть своим счастьем“. (Смысл понят не вполне).

Ту же участь часто терпит и другая пословица, подобная предыдущей: „Один в поле не воин“. Слова „воин“ ■ „поле“ примитив большей частью понимает только в прямом смысле. Если же удастся понять смысл иносказательно, то очень легко сбить испытуемого с толку простым вопросом: „При чем же тут воин?“ Пример: 17 летний крестьянин (убийца. М. Н. К.) через 10 сек. повторяет: „Один в поле не воин: это правильно. Это как в деревне крестьянство. Если один крестьянин работает один, но, конечно, он не будет...“ (не может дать отвлеченный пример). „Работать можно, но что будет получаться? Спешка будет, да все мало спешка-то“. На вопрос: при чем же тут воин? — неуверенное и растерянное признание: „А я стало-быть не понял“.

На ту же пословицу 16-летний крестьянин (вор. М. Н. К.) говорит: „Как вам объяснить? Сто человек идут против, а один за что... как, например, Научный Кабинет... и говорят: один в поле не воин“. (Конкретный пример вместо истолко-

вания смысла. Даже верно понятый смысл любой пословицы примитивом истолковывается конкретным примером).

Например, неграмотный крестьянин 25 лет (обвинение в бандитизме. М. Н. К.) объясняет так пословицу: „Учение свет, а неученье тьма“: „Конечно, не учась плохо, не разберешь ничего, где, что написано. Немножко знать и то лучше“. (Применительно к своей личной конкретной пользе: говорит, что, будучи неграмотным, он мог иметь только поденную грубую работу, — когда ее не было — необходимость толкнула воровать).

Такая непосредственность примитива, даже в отвлеченных задачах, вполне понятна, поскольку на этой ступени культуры господствует не теоретизация и критическое мышление, которое проверяет тотчас же всякую вновь появляющуюся мысль известным фактом действительности, — но, напротив, мышление непосредственное, которое теоретизирует всегда лишь в связи с конкретной ситуацией и поэтому часто впадает в противоречия.

Как и в лингвистике, так же и в изобразительном искусстве чистого примитива нет никакого иносказания, никакой символики, никакой стилизации и условности. Поскольку всякая форма творчества есть способ выражения человеком его ощущений и представлений, мыслей и чувств, каковые у примитива конкретны, постольку и искусство примитива по-преимуществу физио-пластично⁴⁰ (М. Ферворн). Работа Ферворна интересна для нас в том отношении, что она наглядно показывает, что доисторические и этнологические данные приводят к тому же выводу, что и физиологический, и психологический анализ: „первобытное искусство носит тем более физиопластический характер, чем сильнее чувственное восприятие, и тем более идеологический, чем ярче представляется абстрагирующая теоретизирующая жизнь представлений“ (стр. 196).

С этой точки зрения и изобразительное творчество примитива, поражающее жизненной правдой и верностью изображения действительности (где самое характерное в предмете передается с полным соблюдением перспективы), производит впечатление живого объекта. Но такая живая правда

в творчестве достигается не богатством воображения в собственном смысле слова (преобразования представлений неимманентных объекту), а скорее точностью непосредственного восприятия. Наличие же воображения следует понимать, как дальнейший дифференциальный момент личности на примитивной основе.

В самом деле, уклон все к большему и большему отклонению от жизненной правды в искусстве идет рука об руку с развитием гибкости и большей способности представлений к преобразованию их. Такой постепенный уклон в преобразовании представлений (из физиопластичности в идеопластичность) в изобразительном искусстве Ферворн представляет следующим образом: „желания поместить на предмете какого-либо обихода образ человека или животного в виде орнамента может быть реализовано в большинстве случаев соответственно форме, величине и общему виду предмета. Тем самым нарушается, понятно, жизненная правда“. „Дальнейшим моментом, ведущим чрезвычайно легко к уклонению от жизненной правды, служит ремесленное и массовое копирование изображений. Если прекращается точное наблюдение природного объекта, то незаметно изменяется и образ, даваемый им, так как всякое, даже наилучшее физиопластическое изображение предмета содержит в себе многочисленные пробелы и неточности“.

Весьма любопытны физиологические основы этого процесса, ведущего от физиопластического творчества примитива к идеопластическому типу творчества, которое мы называем по-преимуществу аффективно-абстрактным, как их прослеживает известный физиолог Ферворн. То, что Ферворн говорит здесь по поводу изобразительного искусства, можно отнести и к другим формам творчества. Кроме того, его мысль уясняет физиологическую основу различия отмеченных нами психических реакций, например, при передаче по памяти воспринятого и т. д.

„В изобразительном искусстве речь идет о передаче оптических ощущений и представлений“ (стр. 177). „Проще всего обстоит дело с непосредственной пере-

дачей предмета в том виде, как он имеется в природе (курсив наш). При рисовании с натуры в простейшем случае имеются на лицо „два слагаемых процесса: зрительный и моторный (см. рис.)⁴¹. Лучи света, падающие от предмета на глаз, раздражают сетчатую оболочку (ib, правая половина, I). Отсюда раздражение переходит сперва в первую станцию пути зрительного нерва в мозжечек (ib, II) и оттуда в зрительную сферу большого мозга (ib, III). Но уже при непосредственном срисовывании с натуры обнаруживаются при некоторых условиях моменты, способные нарушить правдивость рисунка“ (стр. 179). „Это объясняется тем, что человек при множестве зрительных впечатлений воспринимает сознанием всегда лишь определенные части объекта, а никогда не все, находящееся в поле зрения“ (курсив наш).

Для того, чтобы передать начертательно (путем срисовывания) наблюденное, необходимо далее поставить в связь все элементы воспринятого. Такая связь восполнит те провалы, которые получаются благодаря естественной узости сознания воспринимающего. Эту связь рисовальщик одного типа будет пополнять беспрестанными новыми наблюдениями, более точно сверенными с действительностью, а рисовальщик другого типа пополнит ее сообразно своим знаниям (иногда точным, иногда неточным) или абстрактным построениям. Здесь коренится источник уклонения рисунка от жизненной правды. Вообще искушение совершенно произвольно внести в рисунок вместо чистых наблюдений свои абстрактные представления очень велико. В схеме Ферворна (см. рис.⁴¹, левая половина) „этот факт изображен таким образом, что между пунктом в зрительной сфере (III) и области двигательных представлений (IV) находятся еще другие пункты из различных ассоциативных областей (А, В, С), обуславливающие моторные инервации“ (стр. 180).

„Если этот источник нарушения жизненной правды играет известную роль уже при прямом срисовывании с натуры (курсив наш), то свое истинное значение он при-

обретает в полном объеме тогда, когда постоянный контроль путем непосредственного наблюдения над объектом вообще отсутствует, т.-е. при рисовании на память“ (стр. 181).

Что дело обстоит именно так, мы лично убедились при эксперименте на задачу: зарисовать на память воспринятую картинку из книги Штерна. Помимо технических особенностей, мы всегда замечали такое же индивидуальное различие в зарисовке этой картинки, как и при словесной ее передаче. В самой композиции отмечалась или бóльшая физиопластичность рисунка, в связи с примитивным, конкретно-эмоциональным и отчасти интеллектуально-волевым типом реакции, или бóльшая идеопластичность, в связи с аффективно-абстрактным типом реакции. Дело в том, что при рисовании на память „воспроизводится не комплекс ощущений“ (т.-е. не чистое восприятие, которое в своей чистоте невозможно), „а представление, т.-е. воспоминание о нем“ (о воспринятом в чистом виде, которое преобразуется по памяти). Стало-быть, при трансформации предмета, зарисовываемого на память, с точки зрения Ферворна, раздражение берет „начало в области оптических представлений, идет отсюда в область соответственных двигательных представлений и т. д. При этом все, однако, зависит от того, каково представление о данном предмете, сколько в нем элементов действительных наблюдений и сколько элементов абстракции и ассоциативной комбинации. Представления, имеющиеся у нас об отдельных предметах, зависят вполне от богатства нашей ассоциативной жизни, так как представления обуславливают друг друга путем ассоциации“ (курсив наш). „Чем полнее, следовательно, развит мир представлений, тем больше опасность, что представление, т.-е. воспоминание о предмете будет изменено ассоциациями самого различного свойства, иначе говоря, бесконечным множеством фактов, возникших не из непосредственного чувственного восприятия предмета“ (стр. 182). Ясно, что при передаче воспринятого по памяти „моторная инервация служит здесь результатом бесчисленных ассоциативных процессов в широких областях представлений.

В виду этого ■ рисунке выразится не чистое воспоминание о предмете, а все, что рисовальщик о нем думает и знает (курсив наш). Таким путем в противоположность физиопластическому искусству развивается искусство идеопластическое" (стр. 182).

Итак, изобразительное искусство примитива насквозь физиопластично. Таковые черты мы находим в рисунках и скульптуре чистых примитивов без резко выраженных конституциональных уклонов. Благодаря скудному знанию законов действительности и связанной с этим моментом неотчетливости восприятия, у примитива, как и у ребенка, ярко выражено мифическое одухотворение окружающего мира. Но собственно воображение, в смысле творческого построения, комбинирования образов, как мы много раз указывали, у примитива, наоборот, слабо.

Отсюда очень интересен психологический вывод, что конкретность и наглядность продуктов психических процессов чистого примитива не дает ему никаких особых преимуществ в области творчества. Этим оправдывается взгляд целого ряда психологов (Фолькельт, Вундт, Мейман)⁴², что наглядный созерцательный характер образов не есть еще существенный признак воображения и не играет в области творчества существенной роли.

Наоборот, в той же области чрезвычайно важна гибкость представлений. Таковую гибкость представлений и процессов творчества мы наблюдаем на фоне примитива при более ярко выраженных конституциональных особенностях психики или на культурном фоне и прежде всего при конкретно-эмоциональной реакции.

Мы видели, что по конкретности восприятия этот тип реакции очень близок к реакции примитива, если изъять из нее неясность, основанную на экзогенном моменте (не культурности), но он отличается от нее несомненно большей подвижностью представлений, стоящей в связи с большим богатством и большей живостью эмоций. Тем не менее здесь все еще конкретность доминирует над эмоциональностью. Представления при конкретно-эмоциональном типе

реакции не изменяют в корне реальных восприятий: несложные, причудливые ассоциации, а непосредственное отражение в памяти чувственных впечатлений от виденных объектов — вот что образует мир представлений лиц этого типа реакций. Вот почему изобразительное искусство при конкретно-эмоциональной реакции, разумеется, носит характер физиопластичности, т.-е. натуральности.

Особенно характерна в этом смысле графическая передача по памяти картинки из книги Штерна, которую давали нам наши испытуемые. Рисунки этого типа творчества пластические: перспектива рельефная. Здесь мы встречаем точно схваченную форму и любовь к краскам. Реакция этого типа носит признаки пластического воображения, которому свойственны отчетливые образы, близкие к реальному восприятию, которые ассоциируются большей частью на основании действительных реальных отношений. Пластическое воображение насыщено прежде всего зрительным, затем двигательными и осязательными образами. Отличительный признак этих образов — высокая степень объективности и способности выражаться во внешних формах. Таким образом, лицам конкретно-эмоционального и примитивного типа реакции уже по самому характеру их воображения изобразительные искусства ближе каких-либо других форм творчества.

Что касается лингвистического момента, то мы уже видели, что при конкретно-эмоциональной реакции самый стиль процессов мышления характеризуется особой эмоциональной окраской, как бы своеобразной формой эстетического переживания, с субъективной эмоциональной оценкой: нравится или не нравится. Таким образом, в конкретно-эмоциональном творчестве намечается поворотный пункт, где, с одной стороны, реакция все еще остается тесно связанной с реальностью, с другой — благодаря эмоциональному уклону незаметно прерывается точное восприятие, точное наблюдение, и точно воспринятая действительность незаметно перемещается в более смелые комбинации (с романтическим уклоном).

Вот пример конкретно-эмоционального творчества. Стихотворения получены от 25-летнего крестьянина, бывшего воспитанника Рукавишниковского приюта: поэт, самоучка (обвиняется в краже. М. Н. К.).

„Не вызывай ■ душе воспоминаний,
Прошедших дней обратно не зови,—
Душе ль больной искать очарований,
Искать любви“.

(Мы видим внесение в это стихотворение концепции души. По Ферворну: „идея, что в человеке живет невидимая душа, вызывающая жизнь и ощущение, мышление ■ чувствование, желания и поступки, способная во сне временно покидать тело и отправляться на скитания и ускользающая, наконец, навеки в минуту смерти, — эта идея, как показывают еще и теперь этнологические исследования, благодаря сотням и тысячам последствий, из нее вытекающим, дала толчок к невероятно пышному развитию мира представлений“ (стр. 193), а следовательно, и к переходу физиопластического искусства в идеопластическое. В данном стихотворении мы видим уклон в романтизм, однако, эмоциональный момент все еще близко связан с конкретными образами: тропы берутся все еще извне для пояснения неконкретного конкретным).

„Прошла весна, с души слетели грезы,
Осенний мрак стучится к нам в окно.
Чего ты ждешь? Не все ль опали розы?—
Их нет давно“.

(Образы конкретны, кроме одного, связанного с концепцией души).

„Смотри, кругом унынье и ненастье,
О летних днях живое все грустит“.

(Едва уловимый уклон в нереальное; эмоциональный момент).

„Что хочешь ты? Одна в тепле и счастья
Беспечно жить?“

(Образы конкретны).

„Нет, не буди в душе воспоминаний
И ласк весны в мой сумрак не зови“.

(„Ласк весны“ — троп взят извне).

„Душе ль больной искать очарований,
Искать любви?“

(Эмоциональный момент).

Другое стихотворение его же:

„Не колючей розой, алой розой лета“ —

(Конкретный образ).

„Стань прелестной грезой, будь душой поэта“.

(Эмоциональный момент).

„И душе ль не биться светотенью мая —
Ты моя царица, фея неземная!“

(Эмоциональный момент, связанный с конкретным, очень тонким образом).

Еще стихотворение такого же типа, его же:

„В саду шумели тихо ели,
Глядел ■ окно наш старый вяз.
Наш сын больной лежал в постели,
Всю ночь мы не спускали глаз“.

(Все образы конкретны).

„И жар, и бред, исход возможный
Ужасным призраком стоял“.

(Эмоциональный момент; небольшой отрыв от реального).

„В твоих глазах вопрос тревожный
Я чутко сердцем обнимал“.

(Эмоциональный момент; небольшой отрыв от реального).

„Минуты долгие летели“,

(Небольшой отрыв от реального).

„Яснел в окне зеленый вяз.
Наш мертвый сын лежал в постели,
Всю ночь мы не смыкали глаз“.

(Преобладающая конкретность образов).

Ему же принадлежит следующее стихотворение:

„Мужай, Советская Россия,
Заветы в дело претворя!
Идет божественный мессия,
Встает победная заря,
В стране свободных пролетарий,
На почве дружного труда,
Твой гнойный червь, твой бедный парий,
Отгнив, очистит города.
Вноси же выше, горделивей
Конечных целей знамена!
Не оскудима наша нива,
Неистошмы семена“.

Тот же признак конкретности и эмоциональности мы встречаем у лиц данного типа и при развитии афоризмов. Например, студент естественно-математического факультета, 18 лет (М. Н. К. диагноз—циклотимия), развивает так следующий афоризм: „Из крапивы опасности надо вырвать цветы безопасности“. Быстро повторяет афоризм, улыбается, эмоционально вживается в задачу; через 7 сек. восклицает: „Понял! Значит, так можно сказать, смысл такой: если мы будем бояться опасности, то мы никогда не добьемся безопасности“ (мысль понята верно), „т.-е. боясь крапивы, то мы никогда не вырвем из нее цветов“ (повторяет конкретный образ). „Мысль хорошая, мне очень нравится“. (Эмоциональная оценка). „Очень хорошая мысль, немного только витиевато сказано“. (Витиеватость вообще чужда этому типу). „Содержание умное. Я одобряю“. (Эгоцентрический эмоциональный момент). „То же, что „волков бояться — в лес не ходить“. (Нашел эквивалентный смысл в другой пословице, также конкретной).

Другой афоризм; развивает он же. „Любовь, как кольцо, а у кольца нет конца“. Через 1 сек. „Правильно! Понял!“

Хорошо! Со смыслом сказано!“ (Эмоциональный момент). „Значит смысл этому афоризму тот, что любви нет конца“. (Смысл понят). „И, действительно, любви нет конца. Нельзя сказать, что разлюбил человек, который любил раньше, только потому, что перестал испытывать, что испытывал к нему. Хорошо сказано!“ (Эмоциональный момент). „Потому что любовь из одной стадии переходит в любовь другой стадии. Это только другое переломление все той же любви, другой фазис. Иногда думаешь, все кончено, а нет! Не прошло. Вообще ничего не проходит, как у Чехова сказано, „Моя жизнь“, — все оставляет следы. Эта мысль хорошая!“ (Эмоциональный момент).

Еще афоризм. Развивает он же. „Цыплята дети наседки не потому, что это записано в аттестате, а потому, что она их вывела“. Очень быстрая реакция. Смеется. „Понял! Это интересно!“ (Эмоциональная реакция). Повторяет афоризм. „Эта мысль такова: злой намек на некоторых людей, когда родители требуют от детей почтения и уважения: мы же, мол, тебя в муках родили, дали жизнь, — но не потому, что это записано в аттестате. Но во время зачатия их, они, конечно, не могли думать, что семя попадет в матку; а вывести дело другое: родить легко, а воспитать трудно. Из ничего легко сделать ребенка, а трудно сделать человеком; т.-е. какого-нибудь родить нетрудно, это-то просто такую штуку сделать“. (Главная мысль понятна, хотя выражена несколько сбивчиво; конкретный образ из области деторождения, — к проблеме относится просто и легко. Воспринимая мысль, представлял конкретные образы наседки, цыплят и т. д., — из показаний самого испытуемого).

Еще афоризм; развивает он же. „Полезная ложь умнее вредной правды“. Через полсекунды: „Правда! Ясно с этим спорить никто не будет. Это даже развивать-то как!“ (Эмоциональная реакция). „Без лжи мы не могли бы жить на этом свете“. (Конкретно-эмоциональная реакция коррелирует с моментами лжи). „Если бы мы говорили только правду, то, что чувствуешь, то люди перебили бы друг друга или бы сошли с ума. А ведь все-таки правда всегда всплывает большей частью“.

Другой, 23-летний, испытуемый, танцор по профессии (обвиняется в продаже кокаина. М. Н. К.) развивает следующий афоризм с оттенком профессионального отношения к теме: „Прав ли Достоевский, говоря:—Танец, это—ведь почти объяснение в любви, вспомните минуэт“.—„Он относительно прав, потому что танец, как таковой, дает настроение, которое похоже на объяснение в любви. Но когда работаешь профессионально, то он утомляет, а по существу, конечно, так; потому что всякий человек на это может иметь обратную сторону“. (Связь с личным конкретным опытом).

Еще типичнее решение задачи—развить следующий афоризм, которое дает 13-летний мальчик (М. Ш.-С.) „Ум имей хоть маленький, но свой“. Дается совсем образная картинка: „Уроки начались. Учитель вошел. Начался урок арифметики. Учитель взял трудную задачу. Все стали ее решать, а там один мальчик все сидел, рассматривал тетрадки и расспрашивал, как сделать задачу. Мальчику все время показывали и говорили, как это надо сделать. А другой мальчик сзади его сказал: „Ум имей хоть маленький, но свой, а других не спрашивай“, и пристыдил товарища“.

Перейдем теперь еще к одной форме творчества, именно к музыке. Так как эта область наиболее трудно выявляема при лабораторных экспериментах (не специалисты редко способны дать образцы музыкального творчества), то здесь мы остановимся по преимуществу на типах реакции при восприятии музыки.

Что касается конкретно-эмоциональной реакции в этой области, то свойственный ей пластический тип воображения, преимущественно зрительный, имеет объективный источник. Оно может быть названо объективным воображением по преимуществу, и, как таковое, оно, употребляя выражение Рибо, стоит в антагонизме с аффективным воображением, которое полнее всего выражается в музыке. Наши небольшие наблюдения здесь вполне совпадают с теми данными, которые получил Рибо в итоге своих исследований⁴³.

Он обращался ко многим лицам со следующим устным вопросом: появляются ли у вас зрительные образы и какие именно, когда вы слушаете или даже вспоминаете музыкаль-

ную симфоническую пьесу? ¹⁾ В результате он отметил следующую координацию: лица с пластическим, зрительным воображением, склонные к рисованию и живописи, во время слушания музыки „осаждаются зрительными образами“. Повидимому, зрительный тип пластического воображения чаще коррелируется с отсутствием собственно музыкального или аффективного воображения.

Рибо получал такие, например, показания от этих лиц, реакцию которых мы характеризовали бы, как конкретно-эмоциональную. „Слыша шарманку на улице, я представляю себе инструмент, вижу человека, вертящего ручку шарманки. Если вдали играет военная музыка, я вижу марширующий полк“. Или: „Превосходный пианист играет перед своим другом сонату Бетховена в *ut dièse mineur*, вкладывая в исполнение всю свою душу. Друг его видит в пьесе „шум и суматоху ярмарки“. Здесь пластическая трансформация усугубляется грубой погрешностью против здравого смысла“ (стр. 141—142).

Рибо полагает,—а наши личные опыты и наблюдения ²⁾ вполне согласуются в этом пункте с его точкой зрения,—что, насколько в психологии позволены общие формулы,—с оговоркой, что они относятся к большинству, а не ко всем случаям вообще,—можно сказать, что существует некоторая корреляция между пластическим типом конкретно-эмоционального воображения и изобразительным творчеством. Мало того, в момент реакции на музыку при музыкальном (аффективном) воображении зрительные образы появляются, как исключение, и, наоборот, появление зрительных образов становится правилом при пластическом воображении конкретно-эмоционального типа.

„Аффективный язык или музыка есть группировка последовательных или одновременных звуков, мелодии и гар-

¹⁾ Рибо умышленно исключал из своих задач драматическую музыку, потому что театральная обстановка, декорации и игра артистов навязывают зрительные восприятия, которые имеют тенденцию повторяться в виде воспоминаний.

²⁾ Мы проверяли их объективно в школе-санатории, согласуя с показаниями преподавателей по музыке и живописи.

монии, которые служат знаками аффективных состояний. Чтобы быть понятными, они должны вызвать в сознании соответствующие аффективные настроения. У натур немusикальных эта способность вызывать настроения очень слаба; комбинации звуков вызывают состояния только поверхностные и неустойчивые. Внешнее возбуждение или возбуждение от звуков идет по линии наименьшего сопротивления, и, действуя сообразно с психической природой индивидуума, оно стремится вызвать объективные образы, картины, зрительные сцены" (стр. 142, 144).

Рибо проводит очень правильное различие между воображением аффективным, которое имеет внутренний источник, и воображением пластическим, источник которого находится вне субъекта. На своих крайних полюсах это типы воображения субъективного и объективного. С введением термина субъективное или аффективное воображение, мы тем самым вошли в анализ реакции, которая проявляется в творчестве аффективно-абстрактного типа, которое имеет своей основной формой музыку.

Из наблюдений Рибо (и наших собственных) оказывается, что с аффективно-абстрактной реакцией коррелирует изысканный музыкальный вкус, любовь к музыке и отсутствие зрительных представлений. „Если зрительные представления и появляются" у лиц с аффективным типом воображения, „то лишь между прочим и случайно". Вот примерные ответы на вышеуказанную задачу, как их получал Рибо: „Я не вижу решительного ничего, весь я поглощен музыкальным наслаждением, я живу исключительно в мире звуков; сообразно с моим знанием гармонии я тут же анализирую аккорды. Слежу за развитием музыкальных фраз". И еще: „Я не вижу ничего, я целиком нахожусь во власти моих впечатлений. Я думаю, что главный эффект в музыке состоит в усилении в каждом человеке преобладающих в нем чувств" ¹⁾. И еще: „Вообще никаких зрительных

¹⁾ Этим объясняется болезненная реакция, доводящая до полного отгораживания от музыки некоторых лиц аффективно-абстрактного типа, внутренняя дисгармония которых достигает под ее влиянием кульминационного пункта.

представлений у меня нет. Но слушая симфонию, я иногда тут же слагаю либретто. Иногда я представляю извилистые линии (курсив наш), которые кажутся как бы подвигающимися за развитием мелодической фразы“.

Последний пример особенно характерен для этого типа реакции: здесь указываются образы динамических извилистых линий (излюбленный мотив аффективно-абстрактного творчества), так как линия есть чистое абстрактное построение: в конкретной действительности линий не существует,—существуют лишь формы и краски. Это момент преобладания линии над формой, т.-е. абстрактного момента над пластическим, и есть отличительный признак реакции аффективно-абстрактного типа в изобразительных искусствах.

Такую четкость линии наблюдаем мы при передаче, например, все той же картинке из книги Штерна. Изображаются детально все подробности, но в несколько изменном виде,—например, дверь открывается в направлении обратном тому, какое имеется на картинке и т. д.: признак того, что образы восприняты не наглядно, а схематически, абстрактно. Они верны теоретически,—например, полуоткрытая дверь,—но не адекватны зрительно воспринятому изображению.

Интересно, что иногда передача непосредственно воспринимаемого особенно предмета в трех измерениях, прямо пугает испытуемых этого типа реакции. Например, у нас имеются следующие показания мальчика 13 лет (М. Ш.-С.): „Не могу рисовать. Листик имеет квадратную форму, а нужно нарисовать, например, стол. Он имеет кубическую форму. Я нарисую квадрат в длину, стол займет длину бумаги. Нарисую ширину стола,—она займет ширину бумаги, а куда же глубину девать? На бумаге нет глубины“.

Сам по себе образ, как форма, при реакции аффективно-абстрактного типа беден реальными признаками: это скорее туманная схема, почти понятие, символ. Любопытен следующий эксперимент Бинэ, уясняющий большую или меньшую наглядность образов испытуемых. Мы применяли этот эксперимент для данной цели только к лицам, давшим нам уверенность в добросовестности их ответов, после близкого контакта с ними.

Лицу со средним образованием, 25 лет (М. П. К.), с ярко выраженным конкретно-эмоциональным типом реакции, предложено было представить себе с закрытыми глазами образ доктора, ведущего его историю болезни. Ответ: „Представляю ясно“. — Представьте себе его на лестнице, ведущей в сад. — „Представляю ясно“. — Представьте себе его быстро спускающимся вниз. — „Представляю ясно“. — С папироской в зубах. (Доктор не курит). — „Не представляю, не могу представить. Могу вообразить, но это будет выдуманный образ, так не было в действительности“. (Резкое различие воображаемого и действительности). — Представьте себе, что он садится в саду на скамейку. — „Представляю легко“. (Дальше идет спонтанное развитие картины, насыщенное пластическими образами, взятыми из реальной действительности). „Вижу, присел, болтает ногой, заложил ногу на ногу; правая рука в кармане, в левой держит папиросу. Он в длинной рубашке. Лицо деланно серьезно, хочет улыбнуться, но он сдерживается. В синей рубашке, в желтых ботинках“. (Гибкие, подвижные образы зрительного типа). — Представьте себе доктора на велосипеде. — „Представляю! Едет согнувшись, волосы спустились на лоб. Лоб потный. Вытирает лоб, вынул платок. Велосипед катится... Подошва левого ботинка почему-то в навозе... Представить его голос труднее, образы легко“. (Типичная особенность конкретно-эмоциональной реакции). — Попробуйте посадить доктора верхом на лошадь. — Спонтанная композиция: „Вижу, сидит неуверенно, держится левой рукой за луку седла. Немного рисуется, хочет улыбнуться и сдерживается. Лицо такое, как будто бы боится, чтобы лошадь не понесла. Но он не выдает, что боится. Солнце, день ясный. В руках хлыст, бьет себя по левой ноге. Синяя рубашка, желтые ботинки, нет фуражки“ (не привык видеть доктора в фуражке). „Из кармана рубашки торчит платок носовой“. — Представьте себе доктора танцующим вальс. — „Вижу! Несколько труднее представить: Я не видал доктора в быстрых движениях“. (Образы ориентируются на объективных данных; трудно представить то, чего не видел). „Обхватил рукою талию дамы, смотрит на ее

прическу. Лицо серьезное, нижняя губа чуть-чуть оттопырена. На нем черный сюртук, черные брюки, изящные ботинки, и он иногда встряхивает головой, чтобы волосы не спадали на лоб" — Можете представить себе его даму? — „Представляю, но смутно“. (Нет реальной опоры для построения). „Она еврейка, брюнетка, полная, среднего роста. Лица не представляю“. (Нет реальной опоры для образов). „Лицо полное и милое. Одета в хорошее платье, у нее высокая греческая прическа, красные губы. Теперь постепенно представляю и лицо“. (Вживается в спонтанное построение образа). „Нос немного с горбинкой, лицо белое. Она смотрит ему на грудь, на 3-ю пуговицу его жилета. Декольтэ, широкие открытые рукава. Вижу ясно, — сначала не мог“. — Можете представить доктора в вальсе со мной? — „Вижу он улыбается и вы улыбаетесь. Оба говорите, не молчите. Танцуете недолго. Прошли два тура, тут же садитесь и продолжаете говорить... у вас в руке носовой платок, а он руку засунул в карман и тискает ключ от нашей клиники. Перешли на разговор о клинике. Лица стали серьезные. Он снимает пенсне, и у него красные пятна от пенсне“. — Можете представить обстановку, где все это происходит? — „Обстановку вижу! Обстановка семейная: диваны, кресла в чехлах. Подставили кресла и разговариваете“.

Такова гибкая пластичность образов при конкретно-эмоциональном типе реакции. Наоборот, на ту же задачу при аффектно-абстрактном типе реакции мы получаем расплывчатость образов. Испытуемой, одаренному лицу, 27 лет, с высшим образованием (бывшая слушательница Археологического Института), занимающемуся литературой (М. П. К. диагноз — шизофренический характер), мы задали ту же задачу: представить переднюю Психиатрической клиники. „Представляю приблизительно“. — Лестницу ■ сад. „Представляю приблизительно“. — Можете представить себе на ней вашего доктора (тот же доктор)? — „Постойте! (не сразу) „Представляю... да, представляю! Людей трудно представить, лица трудно представить. Портреты запоминаю лучше, чем реальные лица“. (Момент как раз обратный тому, который подчеркнут в

реакции конкретно-эмоционального типа: там легко представлялись именно реальные лица).—Представьте себе его с папиросой во рту.—„Я папиросу вырываю. Не могу!“ (Активная трансформация образов).—А меня могли бы вы представить себе с папиросой во рту?—„Рассыпаются образы... Я не могу связать вас в таком положении. С вами это не вяжется“. (Продиктованный образ не согласуется с внутренне отложившимся типом данного лица. Трудно представить не то, что не видела, а то, что не согласуется в внутренней установкой). „Доктор опять один и без папиросы. Мне трудно было представить себе его с папиросой. Первый образ — сидит на ступеньке,—теперь—в дверях, руки в бок“. (Раздвоение образов; отсутствие синтоничности с исходным пунктом композиции, навязанной извне). „Представляю его себе без пенсне“.—Посадите доктора на велосипед.—„Посадить доктора на велосипед не могу... посадила!“ (Напряженность, усилие, отсутствие синтоничности с исходным пунктом построения). „Посадила, но как-будто не его, человека в такой вот куртке, как его“. (Вместо образа, проникнутого реальностью,—туманная схема; абстрактный момент). „Но чувствую, что не он“. (Аффективный момент; двойственное отношение к задаче: абстрактное построение и аффективный протест против него). „Велосипед и человек на велосипеде“ (абстрактная схема), „но отдельно, вне всякой обстановки“. (Расплывчатость образов, неопределенность).—Попробуйте посадить его верхом на лошадь.—„Больше удастся. Может быть, привыкаю к задаче“. (Однако, удастся не вполне легко и просто).—Представьте себе его танцующим вальс.—„Вот это представляю. Определенно представляю! Чувствую, что ему идет танцевать“. (Образ построен не извне, а из внутреннего источника).—С кем он танцует?—„С дамой в белом платье, в старинном костюме из „Нивы“. Это трудно: самая я на балах не бываю“.—А могли бы вы представить доктора в вальсе со мной?—„С трудом“.—Какая обстановка?—„Обстановку не вижу: нужно для этого сделать большое напряжение, а я такое большое напряжение сделала, чтобы представить себе вас танцующей, что уже больше не могу“.

Таков процесс расплывчатого воображения, где, по показаниям испытуемой, образы как бы „рассыпаются“, в них нет пластичности. Но зато при такой расплывчатости образов возможна большая прихотливость комбинаций. Область нереального, область сказок—вот кульминационная форма построений этого типа творчества в его крайних проявлениях. Данный эксперимент раскрывает нам самый процесс создания таких причудливых композиций.

Такая же задача дается мальчику 13 лет (М. Ш.-С.).—Представь себе нашу фельдшерицу.—„Я могу представить себе ее только в халате. Представил! Входит ■ дверь, просто идет себе. В руках ключ от дверей“.—Что делает она ключом?—„Ключом она отпирает шкаф, и тут же бегают собака“. (В виду того, что обстановка и вообще реальные пространственные отношения в построениях аффективно-абстрактного типа существенной роли не играют, как мы убедились на таких реакциях, то здесь является возможность ввести собаку, совсем неуместную в стенах школы-санатория, и ключом от двери отпирать шкаф. Построение идет спонтанно). „Собака ест мясо. Белая, с черными пятнами, рядом желтая. Эта собака находится в Харькове“. (Реальность не играет роли в композиции образов; возможно как бы раздвоение их: собака находится одновременно ■ в школе-санатории и в Харькове). „Собака подходит к улице, лакает молоко. Другая, желтая высунула язык. Если бы была тьма, я больше бы видел“ (т.-е. если бы реальная действительность не вторгалась в построения, они могли бы быть прихотливее). „Та желтая собака убежала за ворота и снова прибежала. Прибежала третья собака с черными пятнами. Желтая собака кусает хвост черной собаке. Желтую собаку я вижу в двух местах: на дворе и одновременно на улице“. (Опять пространственное раздвоение). „Одновременно вдруг я вижу в одной деревне, Рублеве, находится маленькая беленькая собаченочка“ (та же пространственная раздвоенность). Так строится сказка ¹⁾.

¹⁾ В этом моменте сходство и различие аффективно-абстрактной реакции и реакции примитива: в первой вымысел растворяет действительность,—во второй действительность, воспринятая не критически, дает столь же причудливые связи и противоречия.

И, действительно, мальчик любит сказки, он живет в мире сказок. Сказки свои начинает иногда так: „Жили-были где-то нигде“ (т.-е. без пространственной ориентации). Вот его рассказ на свободную тему. Задумывается; серьезен. „Я небольшой придумаю. Я буду—про игрушку. Мячик, погремушка и такая—музыку играет... так: мячик, погремушка и волчок. В одной богатой семье был мальчик. Он имел много игрушек“. (Пауза). „Можно придумать тему? Жил он на втором этаже. И вот играл в игрушки. Мячик, погремушка и волчок советовались между собой в своем ящике, как бы им уйти от мальчика, так как он их мучил. Мячик он заставлял прыгать, скакать, петь и кружиться,—от этого у него голова кружилась. Волчок заставлял жужжать, отчего ему было неприятно, кроме того, у него кружилась голова. И вот они задумали, как бы убежать от него. И вот они так сделали“. (Пауза. Кричит). „Так как ящик был закрыт, они задумали открыть его, чтобы выскочить. Мячик ударился об пол ящика и отскочил высоко и, так как он был тяжел, то сломал замок ящика. И вот они выскочили в окно. Но они думали, как бы им выпрыгнуть из окна: окно высокое. Если мячик упадет, то он полетит, упадет в подвал или улетит на крышу“. (Смеется). „Сейчас скажу! Подождите немножко!“ (Смеется). „Неужели вы будете записывать каждое слово? А если волчок упадет, то он разобьется, так как он стеклянный. А погремушка упадет, то разобьется. И вот, наконец, они, придумали. Мячик выпрыгнул из окна... Мячик выпрыгнул из окна... из окна и упал на асфальт“. (Пауза). И он отскочил высоко и чуть не долетел до крыши. Но погремушка, сидевшая у окна второго этажа, как увидела, что мячик летит высоко... и мячик просил погремушку помочь, мячик, чтобы он не полетел на крышу“. (Смеется). „Тогда погремушка выпрыгнула из окна“ (смеется) „и выскочила прямо на мячик“. (Смеется. Пауза). „Этим она задержала мячик и с мячиком упала на землю. Вот они обрадовались, находясь на земле. Погремушка осталась цела, так как она сидела на поверхности мячика и не порвалась“. (Смеется). „И вот они думали отправиться путешествовать. Но в это время вспомнили о третьем товарище—волчке, кото-

рый остался сидеть у окна, но думали, что если волчок выпрыгнет, то он сейчас разобьется. Тогда они так сделали". (Пауза). „Хорошую ли я сказку придумал?" (Пауза. Читает написанное выше. Смеется). „А они под окном принесли глины и для того, чтобы, если волчок упадет, он упадет на глину и не разобьется. Волчок выпрыгнул из окна и не попал на глину, а попал на мостовую и прямо на погремушку. Волчок разбился и погремушку разорвал. А мячик, видя всю эту историю, хохотал, хохотал да лопнул... Вы можете сказать, в этом мячике есть воздух?"

Таким образом, именно в расплывчатости воображения, оторванного от реальной действительности, источник сказочности вымыслов¹⁾. Самые сны лиц аффективно-абстрактного типа реакции богаты прихотливыми комбинациями. Тот же 13-летний мальчик видит часто тревожные сны с массой устрашающих его видений, с трудом и медленно пробуждается от них. Часто видит во сне чертей, преследование, поездки в поезде или на пароходе. „Иногда", говорит он, „и не страшный сон становится страшным например, когда я вижу во сне, что я лежу в своей постели и сплю, и что мне снится что-то и т. д., и т. д. Ведь тогда трудно проснуться. Нужно из одного сна проснуться ■ другой, в третий и т. д. и делается страшно, что можно и совсем не проснуться". (Момент раздвоения). Впечатление от сновидений остается надолго. Жизнь все время идет как бы в нереальном.

Отсюда ясно, что и стихотворения при творчестве такого типа будут насыщены нереальными образами, а если и реальными, то в символическом ирреальном аспекте их. Вот, например, попытка оперировать непременно со зритель-

1) Наоборот, пластическое воображение ориентируется в реальных пространственных отношениях. И мы наблюдали, что лица, реакция которых погранична этим двум типам, в спокойном и бодром состоянии представляют себе действительность в ярких пластических образах; но при усталости,—например, готовясь к экзаменам,—или в момент аффективного состояния (расстройств, огорчений), они как бы переходят из действительного мира в область грез и сновидений. Их образы теряют пластичность. Такую реакцию мы называем конкретно-аффективной.

ными образами при аффективно-абстрактном типе реакции Стихотворение дано 18-летним студентом юридического факультета (убил товарища. М. Н. К.).

„Вдену в уши по полумесяцу,
Луну расколовши надвое“.

(Из внешних вещей туалетные принадлежности, как наиболее тесно ассимилирующиеся с личностью, имеют для такого типа наивысшую ощутимость, наивысшую реальность: поэтому природа, имеющая меньшую реальность, уподобляется более близким вещам).

„Вместо луны повешу
Китайский фонарик“.

(Картины природы переломляются сквозь призму условных декоративных изображений).

„На солнце разогрею радугу“—

(все для тех же туалетных целей, тесно ассимилированных с самой личностью).

„Волосы завью искусно.
Теперь мне надо
Краски для губ.
Солнце уплыло грустно,
Моим губам отдав закат“.

(Природа служит для украшения личности).

„Звезды из синей пудренницы
Облаком-пуховкой рассыплю по щекам“ и т. д.

(Самый удачный образ того же характера: подчинение природы для эгоцентрических целей личности).

Та же манерность стиля наблюдается и в более аффективных, более интимных построениях творчества. Там, где конкретно-эмоциональная реакция выразилась бы в лирическом настроении и непосредственном переживании, в аффективно-абстрактной реакции мы встречаем раздвоение. Абстрактный момент, критическое отношение к моменту

аффективному всегда налицо, всегда тесно связано с последним; оно-то и холодит лирику и дает тон манерности, кривляния. У лиц с аффективно-абстрактным типом реакции нет уверенности в том, что их можно понять ■ их непосредственности. Кроме того, есть какое-то остро выраженное чувство стыда за каждую непосредственность, может быть, именно по причине наличия абстрактности, всегда критикующей, всегда расхолаживающей, всегда раздваивающей субъекта. Вот почему творчество этого типа лишено эмоций в собственном смысле слова: здесь аффект и абстракция с преобладанием того или другого момента.

Вот другое стихотворение того же испытуемого:

„Бедный мальчик.

(Mélodie triste).

Магдалина, я тоже ведь, тоже

Недоносок

Проклятиями утрамбованных площадей.

А. Мариенгоф: „Магдалина“.

Как Петрушка в наскоро из досок

сколоченном

балаганчике —

под звуки визгливой скрипки

кривляется“.

(Излюбленное сравнение при аффективно-абстрактном типе творчества: Петрушка ломается и кривляется и в то же время переживает — двойственный момент).

„Точно

также и мне надо, чтоб не прослыть недоноском,
смеяться,

говорить с улыбкой,

быть любезным мальчиком“.

(Чувство глубокой беспомощности при сравнении себя с недоноском).

„А мне,

мне плакать хочется,

я не могу носить маски“.

(При всем кривлянии—вымудренной объективации аффекта — все же прорывается аффективный тон: „а мне, мне плакать хочется. Я не могу носить маски“. Носить маску трудно, т.-е. трудно выносить раздвоенность, но она имманентна данному типу).

„Я одинок, я страдаю,
мне любить и любимым быть хочется:
нежной любимого ласки“.

(Женственная беспомощность и потому томление по ком-то более мужественном и сильном. Отсюда в мужском роде: „Нежной любимого ласки“. У женщин такого типа мы могли бы найти параллельный обратный образ).

„Я не знаю, не знаю,
почему полюбить никого не могу“.

(В этом возрасте обычно легко увлекаются, здесь же слишком большая холодность: не хватает непосредственных эмоций для непосредственности чувства. Пассивный, женственный момент: как бы мечтает, чтобы кто-то научил любить).

„Все тоскую, хочу разгадать неразгаданное,
найти любовь, красоту вечную“.

(Неопределенность, расплывчатость: „разгадать неразгаданное“. Идеопластичность: „любовь, красоту вечную“).

„Так тяжело одному“.

(Бремя, имманентное шизоидному типу, аутисту).

„Бедный
хорошенький мальчик! Прикройте ему плечи“.

(Полное раздвоение, — сам про себя способен сказать: „бедный хорошенький мальчик“, не „хороший“, а именно „хорошенький“. Объективно-абстрактный момент. „Прикройте ему плечи“ — аффективный момент неуютности, вечно-дашнего холода).

„Какой он бледный,
на ладан дышет.
Тише!
Дайте уснуть ему“.

(Бережнее, не трогайте, не обижайте. Впечатление непрерывно ощущаемой обиды, наносимой всеми. Аффективный момент).

Вот еще одно стихотворение аффективно-абстрактного типа творчества. Испытуемый, 17 лет, окончивший 2-ю ступень (М. Н. К. См. аффективно-абстрактную реакцию его же в описании картинки).

„Я видел вас в фате сиреновой,
В фате сиреновой у церкви каменной.
Хотели бога вы смутить молением,
Смутить молением — молитвой пламенной“.

(Диссонанс с романтическим настроением: манерничанье).

„Такая бледная, чуть-чуть усталая,
Чуть-чуть усталая, с улыбкой нежною,
Стояли молча вы под покрывалом,
Под покрывалом, вся белоснежная.

Склонивши голову о чем-то плакали,
О чем-то плакали слезою чистою.
А у могилы лягушки квакали,
Лягушки квакали в сирень душистую“.

(Критическое отношение к проблескам собственного романтизма: отсюда манерничанье).

Все те же моменты аффекта и абстракции прослеживаем мы и на развитии афоризмов при этом типе реакции. Например: — Прав ли Достоевский, говоря: „Чтобы умно поступать, одного ума мало“. — Ответ 29-летнего студента-юриста (обвинение в бандитизме. М. Н. К.). Через 3 сек.: „Понимаю. Потому что, помимо того, что есть ум, нужно иметь способность умно действовать согласно повелениям ума. Этой способностью обладают далеко не все умные люди“. (Абстрактный момент понят из основ собственной личной дисгармонии).

Другой пример; более аффективный момент. Дан бывшей слушательницей Археологического Института, 27 лет (М. Н. К. диагноз — шизофренический характер). — Полезная ложь умнее вредной правды. — „Этот афоризм меня возмущает“

(аффективный момент) „и по форме и по содержанию. Что касается формы, то я считаю употребление слова „умнее“ неуместным в этом смысле, потому что здесь уместнее было бы сказать „лучше“. (Погоня за формой слова). „Только с точки зрения какого-нибудь купца полезная ложь может быть умнее вредной правды, но в общем смысле этот термин не пригоден. А, во-вторых, во внутреннем смысле меня возмущает“ (аффективный момент) „одна возможность, что какая бы то ни было ложь может быть лучше правды“. (Очень типичная реакция для аффективно-абстрактного типа, которому, при отсутствии лабильности психики, очень трудны переходы от лжи к правде: или полная правда, или исчерпывающаяся до конца ложь, которая в своей крайности имеет устрашающий характер и никак не может быть лучше какой бы то ни было правды). „Уж одно то, что ложь допущена, делает всякое положение непростым, запутанным и ложным в самом корне, а из такого положения может проистекать только злое, а не доброе; хотя бы даже правда никогда не вышла наружу. Кроме того, даже если в теории можно допустить, что какая бы то ни было ложь может быть полезной, то все же ни одному человеку, поскольку он не ясновидящий, не дано знать, полезна ли ложь в данном случае“. (Слишком большая требовательность к человеку; употребляя выражение Юма, „есть тип мыслителей, которые не доходят до истины, и есть тип, который переходит за ее границы“, можно сказать, что примитив и конкретно-эмоциональный тип скорее относятся к первой категории мыслителей, аффективно-абстрактный тип — скорее ко второй.

Вот еще образцы реакций аффективно-абстрактного творчества. Испытуемому, 17 лет, окончившему 2-ю ступень (М.Н.К. См. предыдущее стихотворение), дается задача: развить сочинение на три слова: человек, общество, справедливость. „Общество; представляя из себя совокупность людей, так или иначе объединенных общим однородным интересом, нуждается, несомненно даже нуждается в своих, так сказать, действиях или в своих отношениях к отдельным лицам, в своего рода критерии социальной или, вернее, если хотите, социальных отношений, социальной справедливости“.

(Расплывчатость). „Я не люблю длинных фраз. Социальная психика, будучи составленной из психики индивидуальной, психики людей или индивидуумов (можете зачеркнуть „индивидуальной“), составляющих данное общество, несомненно воздействует на каждого из членов (можно поставить точку). Также и социальная справедливость. Совсем другой вопрос, должен ли человек подчиняться социальной справедливости и социальной психике. Можно говорить до второго пришествия, только не стоит“.

На просьбу дать вариант—отказ: „Писать рассказ у меня сейчас нет никакого настроения. Я вообще рассказами мало занимался в своей жизни. Рассуждение—так!“ (Нелюбовь к конкретным рассказам, предпочтение абстрактных рассуждений). „Нет настроения заниматься обществом и справедливостью. Справедливость я вообще не признаю, а общество является для меня чем-то таким, что растворяет в человеке личное, и посему с ним иногда приходится бороться“. (Личный, эгоцентрический, аффективный момент).

Он же следующим образом развивает афоризм:—„Ученый, это—человек, который знает достаточно, чтобы сознавать то, чего он не знает“.—5 сек. „Повторите!“. „Нет, не согласен. Мы вообще не можем знать размеров человеческого знания, т.-е. того, что поддается вообще познанию человека, а посему, сколько бы мы ни знали, мы никогда не можем знать, чего мы не знаем; даже никогда не можем знать наверное, что мы действительно знаем“. (Мысль идет „дальше истины“, которая всегда проста. Обусловленно аффективным моментом: сказать что-то особенное, небанальное, нешаблонное,—отсюда парадокс).

На другой афоризм: „Есть много дорог заблуждений,—дорога правды—одна“, подобный же ответ. Через 2 сек.: „Нет!“ (т.-е. опять не согласен). „Я не привык мысли развивать вслух, я привык развивать их на бумаге. Если бы дали писать, я бы исписал целую стопу“.—Скажите просто, как можно понять эту мысль?—„Можно понять таким образом. В каждом данном случае, в каждом данном вопросе могут быть даны несколько неправильных решений,—одно правильное. Если в общем отношении, в отношении абстракт-

ции, то могут быть тысячи выводов и все они более или менее правильны: неправильного вывода нет". (Релятивизм мысли, основанный на диффузности данного типа мышления, имеющего несколько равноценных моментов зарождения. См. ниже ассоциации, его же).

Такой же расплывчатый характер носит развитие следующего афоризма:—Ищи себе там прибыли, где нет другому гибели.—1 сек.: „Нет!“ (Опять несогласие). „Дело вот в чем, что вообще счастье одного человека является несчастьем для другого: мое богатство основано на бедности другого, или наоборот. Ясное дело: если надо мне достигнуть определенной цели (прибыли), то нужно искать устранения другого объекта". (Ярко выраженный эгоцентризм: как и всюду, неперемное стремление решить задачу негативистически, не соглашаясь с продиктованным смыслом афоризма. Дает парадокс).

Тот же момент ясно выражен и в следующем ответе.— Смешного бояться—правды не любить.—3 сек.: „Нет!“ (Опять негативизм). „Дело вот в чем, что это приблизительно означает следующее: так как правда иногда бывает смешна, то бояться элемента смешного в правде, как таковой, значит отказаться от поисков правды".—Почему же вы сказали: нет? — „Потому, что правда никогда не бывает смешной. Правда—конкретная реальность для многих, но для меня она никогда не существует". (Релятивизм, основанный на диффузности мысли). „Но с точки зрения большинства людей правда есть правда, и она не может быть смешной".

Что касается реакции интеллектуально-волевого типа творчества, то, поскольку интеллектуально-волевая установка господствует над эмоцией (и аффектом), интуиция здесь может послужить только исходным пунктом для дальнейшего построения. Эта форма реакции по преимуществу связана с научным типом творчества, по существу прямо противоположным безотчетной деятельности воображения. Даже при склонности к созерцанию прекрасного в данном случае мы встретим скорее теоретика эстетики, чем, положим, художника или музыканта в конкретной форме творчества, так

как сознательному моменту здесь отводится главная роль.

Так как интеллектуально-волевому типу в равной мере свойственно адекватное восприятие реальности и неконкретность мышления, то в его искусстве гармонично сочетаются элементы физиопластичности и идеопластичности. Здесь мы можем встретить одновременно как форму и краски, так и четкую линию. Однако, поскольку вообще трудно найти любой тип в чистом виде, так и здесь практически мы всегда видим или бóльший уклон в реальность или бóльший уклон в идеальность.

Мы не будем задерживаться на примерах этого типа реакции, которые будут даны в соответствующих монографиях,—остановимся только на реакции 13-летнего мальчика из старинной еврейской семьи, который уже с 3-х лет мог разбирать латинские надписи (М. Ш.-С.). Предлагается развить афоризмы: 1) Понимаешь ли ты мысль: „Молитва места не ищет?“ Через 4 секунды реакция выражается словом: „Есть!“ При опросе о переживании выясняется, что у испытуемого мелькнула переводная мысль: „Все равно, где бы ни молиться“. Образа никакого не было.

2) Понимаешь ли ты мысль: „Из крапивы опасности надо вырвать цветы безопасности?“—Через 5 секунд: „Есть! Обратил внимание на смысл слов: опасность и безопасность. Мелькнула мысль: надо сделать безопасным опасное. Образа не было“. Понял верно.

3) Понимаешь ли ты мысль:—Полезная ложь умнее вредной правды?—Через 4 секунды: „Есть!“ Понял сначала по типу: худой мир лучше доброй ссоры,—но сейчас же спохватился, отметил коренную разницу: „В первом случае одобряется дурное — (полезная) ложь: во-втором случае одобряется хорошее—мир (хотя бы и дурной) лучше ссоры (хотя бы и доброй)“. Конкретно ничего не возникло. Интерпретировано верно.

4) Понимаешь ли ты мысль:—Ученый, это—человек, который знает достаточно, чтобы сознавать то, чего он не знает?—Через 1 сек.: „Есть!“ По тождеству вызывается

немецкая пословица: „Man darf viel wissen um zu wissen, wie wenig man weist“. Понято верно. Процесс неконкретен ⁴⁴.

Как образец поэтического творчества такого типа можно привести его же стихотворение:

„На помощь.

Засуха страшная—голод сплошной,
Стон раздается над Волгой родной:
Грозный Царь-голод с Востока пришел
И над Поволжьем косою провел.
Долго останется след той косы,
Долго не будет уж прежней красы.
Нивы Царь-голод в пустынь превратил
И всех тяжелой стопой придавил.
Волга кормила весь русский народ,—
Он ей поможет в голодный сей год.
Помните, братья, нас Волга зовет,—
Тяжко томит ее голода гнет“.

По словам мальчика, он вполне сознательно строил это стихотворение и справился с этой задачей очень удачно. Действительно, бесстрастный, эпический 4-стопный дактиль, которому через усечение последней стопы придана особенная суровость и беспощадность, как нельзя лучше гармонирует с мрачным и вместе с тем объективным содержанием стихотворения. Тяжелое ударение, падающее каждый раз на рифму, звучит, как похоронный звон. Рифмы парные по системам аа, вв, сс и т. д., что тоже придает оттенок мерного перезвона. В смысле расстановки слов и пауз между ними, дактиль его чрезвычайно разнообразен. Во всем стихотворении (12 строк) нет двух строк, построенных одинаково. Логические ударения вполне совпадают с метрическими, чрезвычайно точны, выразительны и придают всему стихотворению оттенок сдержанного пафоса. Слова выбраны с большим вкусом и скромностью. Нет ничего лишнего, крикливого или взятого просто для заполнения места. В звуковом отношении все стихотворение построено на гласной „о“, которая звучит в унисон с похоронным звоном удар-

ных концов строк. (Всего ударений 53, из них 28 на „о“ и „ё“, 6 на „а“ и „я“, 4 на „е“, 7 на „ы“ и „и“, 3 на „у“). Интересно отметить аллитерацию в начале слов, как „тяжко томит“, „голода гнет“ и т. д.,—или первую строку, где впечатление от засухи передается сухими свистящими ■ шипящими согласными: „Засуха страшная—голод сплошной“. Также интересно типичное для интеллектуально-волевого творчества аллегорическое (а не символическое) изображение голода в виде смерти с косой ■ обращение к читателям ■ форме рассуждения (последние 4 строки). Самое заглавие „На помощь!“ указывает на то, что и все стихотворение в целом рассматривается автором именно, как обращение. Нет конкретных, зрительных образов, но вместе с тем нет и аффективного излома. Стихотворение просто и рассудочно.

Что касается исследования эстетических суждений, то мы остановимся здесь лишь на двух типах реакции: аффективно-абстрактной и конкретно-эмоциональной,—как наиболее типичных. Испытуемым предложено было высказаться по поводу снимков с картин различных художников.

I. „Опять провалился“ Корина ⁴⁵.

Аффективно-абстрактная реакция. Дана бывш. слушательницей Археологического Института, 27 лет (М. П. К. См. выше): „Определенно не нравится. Во-первых, за свое слишком литературное содержание. Во-вторых, за техническую неумелость, плохое знание анатомии,—фигура этого человека. Композиция не разрешается. Намерение построить группу есть, создать какой-то треугольник,—но задача эта не разрешается. Надо было как-то закончить, хотя бы эту скамеечку поставить не сюда, а сюда.—Сама занималась графикой. Не люблю краски, люблю линии“. (Реакция с точки зрения абсолютного эстетизма: определенно выраженный отказ от „литературного содержания“, как реальной действительности, которая смешивается с тривиальным. Эстетическая оценка с точки зрения формы. Картина не нравится).

Конкретно-эмоциональная реакция. Дана лицом со средним образованием, 25 лет (М. П. К. См. выше): „По-моему эта картина опять-таки результат субъективных переживаний Корины. Лица матери и сына переданы удачно, но я не думаю, чтобы в действительности вот эта девочка, что сидит за столом, пяти-шести лет, могла совершенно не реагировать на происходящее перед ее глазами. Картина нравится, во-первых, сходством переживаний во мне лично (только вместо матери сидел отец); во-вторых, видна у художника продуманная работа. Один раз в жизни пробежал по Третьяковской Галлерее. Когда пришел на другой день, пробежал, где раньше был, там картин не было. В памяти: „Убийство Иваном Грозным сына“, „Лес“ Шишкина, „Медвежата“, „Рожь“ его, „Боярыня Морозова“, Куинджи — „Украинская ночь“, но краски как-будто вылиняли“. (Ценится сходство с действительностью и с личными переживаниями. Картина нравится).

II. „Больное дитя“ Савицкого.

А ф. - а б. реакция: „Ну, опять не нравится. Опять литературное содержание. Когда литературное содержание задевает, то нравится, а это как раз проходит мимо. Исполнение среднее, хотя дефектов раздражающих нет. Не люблю передвижников!“ (Менее резкий отказ от литературного содержания. Эстетическая оценка по форме. Картина не нравится).

Кон. - эм. реакция: „По-моему, чтобы Савицкий мог создать такую картину, он должен был сам пережить, если не состояние этого отца, то что-либо сходное с этим состоянием. На картине прежде всего и главное, это — лицо отца: худое, изнеможенное, с широко открытыми, уже ничего теперь невыражающими глазами. Жизнь этого человека надломлена. Картина нравится тем, что художник удачно переложил на картину трагическое состояние души человека“. (Ценится сходство с действительностью при передаче эмоций. Картина нравится).

III. „Житейская проза“ Бакшеева.

Аф.-аб. реакция: „Эта вещь мне нравится несколько больше, чем те. Здесь есть некоторое настроение какого-то комнатного уюта, говорит о прежней жизни“. (Эстетическая оценка по настроению, которое вызывает картина. Нравится несколько больше).

Кон.-эм. реакция: „Действительно, от всей картины веет прозой. Девушка с порывами, которая случайно родилась от тех родителей, у которых никогда не было ■ не будет никаких порывов. Мещанская семья! Скука! Не нравится мне!“ — А что бы вы назвали поэзией? — „Поэзией? Шишкина „Лес“, это — поэзия. Куинджи, это — поэзия. Айвазовский, это — поэзия. Поэзия, по-моему...“ (Очень долгая пауза). „Эффекты, которые в своей совокупности создают в душе субъекта, который на них смотрит, спокойствие душевное, равновесие и какую-то радость“. — Отчего можно такую радость испытывать? — „От хорошей книжки; напр., „Жизнь Тарханова“ Чирикова“. (Эмоциональная оценка по содержанию. Картина не нравится).

IV. „Возвращение из города“ Корзухина.

Аф.-аб. реакция: „Ох, ради бога! Все ужасные картинки! Это картинка для какой-то хрестоматии! Мне стыдно говорить, что она мне не нравится: она ниже моего суждения“. (Эстетическая оценка по форме. Аффективное возмущение. Картина не нравится).

Кон.-эм. реакция: „Эта картина мне понятна потому, что я по своей службе частенько заезжаю в крестьянские избы и нередко в них ночую, и видел в действительности несколько раз возвращение отца с подарками из города. Картина нравится тем, что она слишком реальна. Она жизненна, и спокойствие, которое царит в этой избе, мне особенно нравится“. (Эмоциональная оценка по содержанию и по сходству с реальностью. Картина нравится).

V. „Петр Великий у мадам Ментенон“ Горского.

Аф.-аб. реакция: „Опять-таки ничего не могу сказать, потому что это картинка из „Нивы“, это не произведение

искусства, это—иллюстрация к чему-то“. (Эстетическая оценка по форме. Картина не нравится).

Кон.-эм. реакция: (Не знает, кто такая мадам Ментенон. Разводит руками). „Не нравится и не нравится. Безразлично. Мундирные люди, мундирный художник“. (Эмоциональная оценка по содержанию. Картинка не нравится).

VI. „Христос и грешница“ Поленова.

Аф.-Аб. реакция: „Про эту картину говорить трудно, потому что это все-таки искусство, во всяком случае, крупного художника. С формальной стороны нельзя придраться ни к чему особенному. Но меня эта вещь не захватывает,—я сейчас объясню почему. Потому что бывает в искусстве,—крупная вещь, когда только-что появляется, производит впечатление: сначала ее отвергают, потом принимают, затем она становится старомодной и ее снова отвергают и, наконец, опять принимают, и это уже окончательно. Старомодное хуже всего. Это довольно крупное, но старомодное произведение,—оно меня не задевает“. (Эстетическая оценка по форме. Аффективное неприятие маскируется абстрактным истолкованием. Картина не нравится).

Кон.-эм. реакция: „Картина нравится,—если Христос действительно был,—потому что она собою, в ответе Христа выражает мое личное отношение к большинству проступков людей. Удивительно верно схвачено выражение целой группы лиц. Марию Магдалину я вообще люблю. Недавно читал Данилевского, она там хороша. Да и картины из древней жизни мне вообще нравятся, мне нравятся картины Семирадского“. (Эмоциональная оценка по содержанию. Картина нравится).

VII. „Утренний выход Византийской царицы“ Смирнова.

Аф.-аб. реакция: „Эта вещь мне определенно не нравится. Пошлое искусство: смесь византийского влияния, Васнецова, Нестерова,—конфетная смесь“. (Эстетическая оценка по форме. Картина не нравится).

Кон.-эм. реакция: „Нравится, потому что она из древней жизни. Обыкновенно, я при таких картинах люблю пофантазировать и перенести себя ■ эту эпоху. Сюжет пустячный, богатые краски, хорошая передача костюмов эпохи, помещения, мебели, всего“. (Эмоциональная окраска. Эстетическая оценка по форме. Картина нравится).

VIII. „Колонны“ Якунчикова.

Аф.-аб. реакция: „На этой штуке я отдохну немного. Там я задохнулась совсем. Если бы на первую на нее взглянула, она бы мимо меня прошла, но теперь: здесь есть на чем отдохнуть от пошлости, от литературщины. Я не сказала, что нравится, я просто отдохнула. Здесь есть настроение, связанное не с искусством: здесь Россия средняя, балкон дома старинного,—это тоже приятно“. (В первый раз отказ от чисто эстетической оценки под влиянием аффективного утомления. Картина почти нравится).

Кон.-эм. реакция: (Пауза). „Не нравится. Я таких картин не понимаю: нечто футуристическое. Я не понял, поэтому и не люблю, и музыки не люблю, потому что не понимаю. Вальс „Оборванные струны“ люблю. Но Шопена и Моцарта не люблю, потому что не понимаю“. (Эмоциональная оценка: непонятно, поэтому не нравится).

IX. „У тихой пристани“ Прянишникова.

Аф.-аб. реакция. „Эта определенно не нравится: во-первых, литературностью содержания,—во-вторых, бесталантностью исполнения,—в-третьих, вроде „Хирургии“ Чехова: это просто не эстетично, это дурной вкус, и публике давать нелепо и глупо. Задача искусства до известной степени подымать людей над пошлостью,—прямо не поучать, конечно, нет, но общий культурный уровень подымается“. (Эстетическая оценка по форме и содержанию. Картина не нравится).

Кон.-эм. реакция: „Несомненно“. (Пауза). „Если бы к этой картине подсказать мысль, что у этой пары там, где-нибудь в другой комнате, сидят взрослые дети, которых они любят и которые любят их, то мне бы картина понравилась.

Слишком бесцветно прожить всю жизнь и не знать ничего". (Эмоциональная оценка по содержанию. Картина не особенно нравится).

Х. „На охоту“ Степанова.

А ф. - а б. реакция: „Плохо! Определенно плохо! Начиная задыхаться. Говорить не хочется. Картинка из „Нивы“. (Эстетическая оценка по форме. Аффективный протест. Картина не нравится).

Кон. - э м. реакция: „Глядишь и бодрое настроение является. Нельзя сказать, что я особенный охотник, но охоту все-таки люблю. Люблю шататься, но не убивать. Хочется самому выскочить из кустов, вскочить на пролетку и поехать с ними охотиться“. (Эмоциональная оценка по сходству с личными переживаниями. Картина нравится).

ХІ. „Фрукты“ Шультегис.

А ф. - а б. реакция: „Эта вещь довольно мила, потому что она без претензий всяких. Хорошо исполненный nature morte. Здесь нравится,—здесь грубей. Картинка для столовой“. (Эстетическая оценка по форме. Картинка почти нравится).

Кон. - э м. реакция: „Фрукты, как фрукты! Ничего особенного. Переспелые, гнилые“. (Оценка не самой картины, а изображенных на ней предметов. Безразличное отношение).

ХІІ. „Нимфа“ Цезаря Филиппа.

А ф. - а б. реакция: „Эта занимает лицом. Лицо определенно отталкивающее, это—скорее ведьма. Примирило своей оригинальностью“. (Аффективная оценка. Нравится оригинальностью).

Кон. - э м. реакция: „Не нравится: из каждого атома бьет страсть“. (Эмоциональная оценка по содержанию. Картина не нравится).

ХІІІ. „Видение“ Макса Нонненбруха.

А ф.-а б. реакция: „Ой! Ой! Это ужасно! Очевидно, под Габриэля Макса“. (Эстетическая оценка. Аффективный протест. Картина не нравится).

Кон.-эм. реакция: „Нравится картина: душами этих женщин, способных на жертву и на возвышенные красивые чувства“. (Эмоциональная оценка по содержанию. Картина нравится).

ХІV. „Уединение“ Асти.

А ф.-а б. реакция: „Картинка для „Нивы“. Не понимаю на чей вкус“. (Эстетическая оценка. Картина не нравится).

Кон.-эм. реакция: „Нравится. Нравится духовным содержанием этой женщины. Красивое тело не бьет страстью. Женщина манит к себе не телом, но гармонией тела и души“. (Эмоциональная оценка по содержанию. Картина нравится).

ХV. „Песнь Любви“ Кизеля.

А ф.-а б. реакция: „Ой! ой! Это определенно пошлость: своей среднестю содержания, исполнения, желанием внешней красоты“.—Которая девушка больше нравится?— „Обе противны“. (Эстетическая оценка по форме и содержанию. Картина не нравится).

Кон.-эм. реакция: (Пауза). „Картинка недурненькая. Женщины мне нравятся. Вот эта мне больше нравится своею скромностью. Красивое платье“. (Эмоциональная оценка не самой картины, а изображенного на ней: „красивое платье“, „нравится скромностью“. Картина скорее нравится).

ХVІ. „Монна Ванна“ Нордена.

А ф.-а б. реакция: „Не нравится. Чувствуется актриса в этой вещи. Исполнение плохое“. (Эстетическая оценка по форме. Картина не нравится).

Кон.-эм. реакция: „Заранее нравится... что все-таки женщина пошла в шатер не потому, что захотела показаться голой, а потому, что ее заставило что-то пойти“. (Эмоциональная оценка по содержанию. Картина нравится).

Мы привели здесь примеры эстетических суждений только двух типов реакций: аффективно-абстрактной и конкретно-эмоциональной, как наиболее рельефно выражающих контрастность подхода к одному и тому же раздражителю. В аффективно-абстрактной реакции акцентуируется или аффективный момент случайной заинтересованности, или абстрактная, чисто эстетическая оценка по форме. В конкретно-эмоциональной реакции, напротив, всегда преобладает эмоциональная заинтересованность содержанием, независимо от формального эстетического момента; или картина одобряется за сходство с реальностью.—Примитивная реакция еще более упрощена: оценка всегда по содержанию; часто встречается абсолютное непонимание изображенных предметов (см. примитивную реакцию на восприятие картинки). При интеллектуально-волевой реакции или наблюдается чисто формальный подход (у лиц интересующихся искусством), или же только предпочитается сходство с действительностью. Оценка всегда объективна.

Мы умышленно предпослали проблему о различных типах психических реакций в области творчества проблеме о типах ассоциаций, так как мы думаем, что после изложенного выше результаты исследования собственно течения ассоциативных представлений будут более ясны, хотя, разумеется, тот или иной тип течения представлений лежит в основе того или иного типа творчества, а не наоборот.

5. В ассоциативных процессах мы отмечаем все те же основные различия, как и в других реакциях. Нет приема психологического исследования наиболее обещающего и наиболее рискованного, чем исследование интимной жизни личности посредством ассоциативного метода, особенно там, где этот метод применяется вне области психиатрии и психологии собственно, а именно в криминалистике ⁴⁶. Для наших целей нет надобности останавливаться подробно на той формальной обработке ассоциаций, которая общеизвестна. При оценке результатов ассоциативных экспериментов (по листку нами составленному) ⁴⁷ мы пользовались методом Цюрихской школы (Блейлер-Юнга),

который введен в психологию Вундтом и его школой, — в психопатологию Крэпелином и его школой, в частности Ашаффенбургом ⁴⁸. По этому методу оценки ассоциативного процесса все слова реакции делятся на следующие основные группы ⁴⁹:

во-первых, внутренние ассоциации; в их основе, по Вундту, лежит принцип ассоциативного сродства:

а) Координации: дерево — дуб; кошка — животное; хороший — плохой; животное — растение.

б) Предикаты: змея — ядовитая; зима — суровая; отец — добрый; охотник — стрелять; дверь — отворять; дрова — для горения.

в) Причинная зависимость: боль — слезы; резать — больно.

Во-вторых, внешние; в их основе лежит принцип ассоциативной привычки:

а) Сосуществование: рождество — елка.

б) Идентичность: месяц — луна; тожество — тавтология.

в) Речево-двигательная форма (*sprachlich-motorische Form Ziehens*).

В речево-двигательную подгруппу внешних ассоциаций авторы относят все те ассоциации представлений, которые более или менее механизированы вследствие частого употребления в разговорах. Например, вода — пить; кошка — мышь; время — пространство; свобода — равенство. Сюда же относятся простые контрасты (белый — черный), цитаты, пословицы и т. п.

В-третьих, звуковые реакции:

а) Дополнение слова: друг-ой; ос(ь)-ень.

б) Собственные ассоциации по созвучию: волк — полк; ухо — муха.

в) Рифмы.

В-четвертых, остаточная группа:

а) Посредственная реакция (*mittelbare Reaktion*). Тот вид реакции, который понятен, только принимая существование среднего (третьего) члена между словом — раздражителем (ср) и реактивным словом (рс). Этот средний член может быть сознательным и бессознательным. Большинство посредствен-

ных реакций является результатом „смещения по звуку“ (вечер—ветер—дуть).

б) Бессмысленная реакция.

в) Отсутствие реакции.

г) Повторение слова-раздражителя.

Кроме того, высчитывается среднее реакционное время (рв); число реакций; из них число реакций: комплексных, индифферентных, персевераций; слова, повторяющиеся в реакциях. При репродукции отмечается: отсутствует она или налицо; верно—неверно.

В самой группировке реакций мы идем самостоятельным путем, хотя у нас нет большого расхождения в этом вопросе с авторами, имена которых приведены нами выше. Все они ставят своей непосредственной задачей вскрыть моменты патологических уклонений в ассоциативных связях: например, установить слишком сильные ■ внезапные задержки, обусловленные комплексами, — *absens*'ы эпилептического характера, — олигофренические реакции и другие патологические явления. Действительно ассоциативный эксперимент наиболее всего пригоден именно для этой цели. Но на этих моментах мы остановимся позже. (Индивидуальная психология и ее границы с психопатологией).

Для наших же целей изучения психологических конституций важен учет типа реакций, — и уже при самом элементарном исследовании с помощью ассоциативного метода мы наталкиваемся на типичные различия ■ ассоциативных связях, обусловленные тем или иным типом испытуемого. Мы считаем, что в изолированном виде ассоциативный метод, как и всякий другой, еще недостаточен для изучения психических конституций. Он имеет цену лишь в связи с другими приемами. Ассоциативный эксперимент, как любой эксперимент вообще, может вызвать реакции, связанные с различными психическими функциями, в зависимости от доминанты одной из этих функций над другими в данном типе психической конституции. Уже авторы, на которых мы ссылались, поняли, что для того, чтобы с успехом исследовать ассоциации больных, необходимо изучать сначала ассоциации здоровых. Однако, группировка „здоровых“ оказывается

у них чисто внешней. Они делят их на образованных и необразованных. Такое деление можно сравнивать с нашей предварительной группировкой на примитивы и непримитивы; однако, на последнем фоне мы прослеживали дальнейшие тонкие конституциональные различия.

По нашим исследованиям ассоциативная реакция, типичная для примитива, характерна именно теми признаками, которые отмечают Юнг и Риклинг, вывод которых подтверждают также Ашаффенбург, Раншбург и др. Они производили ассоциативный эксперимент над группой лиц („образованных“ и „необразованных“) и убедились, что „внешние ассоциации и реакции по созвучию увеличиваются в числе как при внутреннем, так и при внешнем отвлечении внимания“. Далее оказалось, что у „образованных“ больше внешних ассоциаций и звуковых, чем у „необразованных“, и что у „образованных“ наблюдается более плоский тип реакции⁵⁰. Под уплощением типа реакции (*Verflachung des Reaktions-typus*) понимается то явление при реагировании, когда преобладающее значение получают механизированные (т.-е. речево-двигательные) ассоциации и ассоциации по созвучию. Исследования указанных авторов показывают, что везде, где есть отвлечение внимания, там является „плоский“ тип реакций и, наоборот, там, где наблюдается плоский тип реакций, должно предполагать отвлечение внимания.

Что касается вопроса о том, что у примитивов оказывается меньше внешних ассоциаций и звуковых, чем у так называемых „образованных“, то этот момент объясняется указанными авторами вполне правильно. Мы тоже наблюдали, что у примитива преобладают внутренние ассоциативные связи, потому что примитив напрягает гораздо сильнее свое внимание при данной непривычной для него работе, и значение слова-раздражителя больше влияет на него, чем на человека культурного с более гибким процессом ассоциативных связей. Реакция примитива и в данном случае есть по преимуществу рациональная реакция. Связь слова-раздражителя и реактивного слова обу-

словлена не столько подсознательным гибким ассоциативным процессом в собственном смысле слова, сколько просто негибким процессом мышления по-складам. Следовательно, вполне правильно признать, что примитивы (необразованные) сильнее напрягают свое внимание при ассоциативном эксперименте, чем люди с гибким процессом ассоциаций, во-первых, потому, что ассоциативный эксперимент является для них чуждым, требует большого напряжения с их стороны; во-вторых, примитивы не умеют понимать отдельного слова вне фразы, а потому относятся к ср, как к вопросу; следовательно, должны сильно напрягать внимание, так как слово в фразе имеет, несомненно, больше значения, чем одно само по себе ⁵¹.

Вот типичные для примитива реакции на ассоциативный эксперимент. Даны 17-летним крестьянином (убийца М. Н. К.). 1) Слово-раздражитель: окно; реактивное слово, 1 сек.: „рама“; анализ: „У окна всегда бывает рама“ ¹⁾. (Взят общий момент; больше мысль, чем представление). 2) Ср: хлеб; рс, 2 сек.: „крестьянство“; анализ: „Крестьянин его работает“. (Логическая связь). 3) Ср: больно; рс, 1 сек.: „голова“; анализ: „Потому что у меня голова болела третьего дня“. (Индивидуальный случай). 4) Ср: шапка; рс, 1 сек.: „надевается“; анализ: „Она надевается на голову“. (Общее). 5) Ср: писать; рс, 1 сек.: „бумага“; анализ: „На бумаге пишут“. (Общее). 6) Ср: дом; рс, 1 сек.: „жительство“; анализ: „В нем живут“. (Общее). Репродукция точная. Все ассоциации скорее сознательные, логические, общие связи, чем индивидуальные образы или бессознательный гибкий собственно ассоциативный процесс. В анализе связи не проявляется момента самонаблюдения. Слова реакции берутся из житейски знакомого словаря.

В свободных ассоциациях примитива (максимум слов в течение 3-х минут) обычно отмечается бедность запаса слов; слова перечисляются конкретные, знакомые из

¹⁾ Разумеется, анализ ведется после окончания ассоциативного эксперимента.

житейского опыта. Например, крестьянин 25 лет (обвиняется в бандитизме М. Н. К.) дает следующую реакцию: „Человек, лошадь, крестьянство, работа, сапожник, стул, стол, окно, чернила, ручка, картофель, чашка, кружка, ложка, промока-
тельница, часы, деньги, кошелек, одежда, штиблеты, рубашка, торговец, рабочий, буржуй, конторщик, агент, милиционер, арестованный, штатский. Мне думается, все переговорил уже! Больше ничего... Шляпа, дерево, дом, стены, яблоня, вишня, хлеб, едят, работают, пашут“. Всего 39 слов и отступление.

В последнее время исследование свободных ассоциаций применяется для определения формы психоза в связи с типом психической конституции по классификации Кречмера⁵².

Разумеется, при патологических явлениях ассоциативный эксперимент и в форме свободных ассоциаций дает более убедительные данные, чем при исследовании нормальной психической конституции. Для чистого примитива характерен логический характер ассоциаций и естественная бедность словаря.

Что касается вариаций в ассоциативных процессах на примитивном фоне, то они зависят от конституциаль-
ных различий. Можно лишь сказать: чем примитив одаренней, тем его ассоциативные связи более насы-
щены конкретными образами.

Мы сказали, что ассоциативный метод для нас прежде всего важен, как один из приемов для выяснения типов психических конституций. по известным уже нам признакам реакций: конкретно-эмоциональной, аффективно-абстрактной и интеллектуально-волевой. „Так как всякая реакция не случайна, но обусловлена всем психическим прошлым чело-
века“, то, следовательно, путем ассоциаций можно устано-
вить „бóльшее или меньшее проявление субъективной (курсив наш) обусловленности, поскольку это видно в типе реагирования“. Если применить нашу классификацию типов ассоциативных реакций к той общеизвестной терми-
нологии Блейера—Юнга, которая основана на изучении инди-
видуальных характерологических предраспо-
ложений, то ассоциативная реакция конкретно-эмо-
ционального типа может быть названа только до извест-

ной степени субъективной, в которой лишь местами встречаются личные переживания, окрашенные сильным эмоциональным тоном. Чаще же представления, вызванные словом-раздражителем при конкретно-эмоциональном типе реакции оказываются индивидуальными представлениями, просто взятыми из воспоминаний повседневной жизни без акцентуированной эмоциональной окраски. (Тип простых констелляций).

Подобно тому как в ассоциативных процессах чистого примитива мы наблюдаем все признаки его мышления: негибкость, конкретность без повышенной эмоциональности и т. д., так в реакции типа конкретно-эмоционального, вообще говоря, мы все же отмечаем большую гибкость, большую подвижность в течении ассоциативных процессов и более резко выраженный эмоциональный тон реакции. Вместе с тем, как в реакции на пятна, так же и в ассоциациях мы встречаем более тонкую акцентуацию реакций: например, на конкретно-эмоциональном фоне мы встречаем то более подчеркнутый момент просто конкретности, то, напротив, момент эмоциональности, доходящий до аффективности.

При реакции с более резко акцентуированной эмоцией: аффектом,—мы отмечаем связи, по внешнему впечатлению очень отдаленные, но интимно причудливо слитые с субъектами и потому более субъективные, более эгоцентрические. Таким образом, здесь представление, исходящее от слова-раздражителя действует своим аффективным тоном. В сознании испытуемого возникает весь соответствующий комплекс, реакция происходит под влиянием констелляции этого комплекса. (Тип комплексных констелляций).

При усилении аффективности наступает все большая и большая оторванность от конкретного и все больший и больший уклон в абстрактность: получается типичная аффективно-абстрактная реакция. Но и на этом фоне мы встречаем то акцентуацию на аффекте, то, наоборот, на абстракции.

Что касается ассоциаций типа интеллектуально-волевого, то поскольку ■ них сознательный процесс доминирует над бессознательным, то ассоциативный эксперимент оказывается мало типичным для лиц данной категории. Это безусловно тип объективный по своим ассоциативным связям. Отличаясь от примитива богатством понятий, он в то же время напоминает его преобладанием логического момента. Но и на интеллектуально-волевом фоне мы так же встречаем то бóльшую, то мёньшую абстрактность ■ конкретность.

Вот тип конкретно-эмоциональной реакции с более или менее равной акцентуацией как конкретности, так и эмоциональности. Дано девочкой 10 лет, дочь проститутки (М. Ш.-С.): 1) Ср: страшно; рс, 1 сек.: „ночью“; репродукция, 1 сек.: „ночью“; анализ: „Мне сегодня ночью страшно было“. (Эмоциональный момент). 2) Ср: яблоко; рс, 1 сек.: „вкусное“; репр., 1 сек.: „вкусное“; анализ: „Вкусное, сладкое! Вкус вспомнила“. (Эмоциональный момент). 3) Ср.: мама; рс, 1 сек.: „папа“; репр.: „папа“; анализ: „Вспомнила своего. Мой папа бросил маму, он не живет с нами“. (Личный момент). 4) Ср: кошелек; рс, 1 сек.: „деньги“; репр.: „деньги“; анализ: „Вспомнила мамин кошелек с деньгами“. (Индивидуальный конкретный момент). 5) Ср: небо; рс, 1 сек.: „тучи“; репр.: „серое“; анализ: „Сейчас в окно видно серое небо“. (Конкретный образ). 6) Ср: вода; рс, 1 сек.: „горячая“; репр.: „горячая“; анализ: „Сегодня суббота,—вспомнила, что нас мыть будут“. (Индивидуальный конкретный момент). 7) Ср: ноги; рс, 1 сек.: „тонкие“; репр., 1 сек.: „тонкие“; анализ: „У Мани Ивановой тонкие ноги“. (Индивидуальный конкретный образ). 8) Ср: замок; рс, 2 сек.: „запирать“; репр. 1 сек.: „запирать“; анализ: „Маленький кругленький замок, который запирает шкаф, здесь“. (Индивидуальный конкретный образ). 9) Ср: урок; рс, 1 сек.: „писать“; репр., 2 сек.: „писать“; анализ: „Сегодня задала А. Н.“. (Индивидуальный момент). 10) Ср: язык; рс, 2 сек.: „красный“; репр.; 2 сек.: „красный“; анализ: „У всех“. (Конкретный образ языка, а не отвлечение в смысле „речи“). 11) Ср: глаза; рс, 1 сек.: „красивые“; репр., 1 сек.: „голубые“; анализ: „У моего брата“. (Конкрет-

ный образ). 12) Ср: табак; рс, 2 сек.: „нюхает“; репр., 1 сек.: „нюхает“; анализ: „Дядя жилец у мамы“. (Конкретная связь). 13) Ср: цветок; рс, 1 сек.: „красивый“; репр., 1 сек.: „красивый“; анализ: „Лилия у нас в Сокольниках“. (Конкретный образ). 14) Ср: трогать; рс, 2 сек.: „холодные руки“; репр., 1 сек.: „холодные руки“; анализ: „Мои руки холодные“. (Личный момент). 15) Ср: лес; рс, 1 сек.: „красивый“; репр., 1 сек.: „зеленый“; анализ: „В Сокольниках“. (Эстетический момент). 16) Ср: сад; рс, 2 сек.: „в цветах“; репр., 1 сек.: „красивый“; анализ: „Наш сад в Сокольниках“. (Конкретный момент. Часто повторение слова „красивый“—эстетический эмоциональный момент).

Свободные ассоциации ее же: „Стул, окно, лампа, карточки, картинки, шкаф, стол, чернильница, перо, тетрадь, книги, ручка, стена, окно“ (наглядные предметы ■ комнате), „дом, труба“ (вид из окна комнаты), „занавески, крыша, кот, небо, земля, сад“ (ассоциация с садом Школы-Санатория в Сокольниках—конкретно-эмоциональный момент), „клумбы, цветы, красивые, лилии, незабудки, голубые, ландыши, лес, сосны, красивые, зеленые, небо, ветер, платье, нарядное, красивое, голубое, глаза, брат, мама, папа, дядя, диван, комната, шкаф, чашка, кухня, тарелки, печка“.

Рс конкретны. Эмоциональность лабильна. Комплексов не заметно.

Иногда на конкретно-эмоциональном фоне наблюдается акцентуация на эмоции, доходящей до аффекта: получается тип конкретно-аффективной реакции. Эмоция, достигая интенсивности аффекта, порождает комплекс, однако, осознанный. Так, мальчик 13 лет (М. Ш.-С.) с конкретной реакцией (см. описание, тип 3) и сильно акцентуированным аффективным моментом дает следующие ассоциации: 1) Ср: страшно; рс, 2 сек.: „ой!“; репр.: „ой!“; анализ: „Ну, как-то напомнилась ощущаемость страшного“. (Аффективный момент). Из беседы выяснилось, что страшное у мальчика было: когда тонул в реке,—когда убивал змею, защищая мать; яркое страдание было, когда умирала бабушка. 2) Ср: мама; рс, 2 сек.: „хорошо“; репр.: „хорошо“; анализ: „Ощущение всегда приятное вызывает

это слово". (Эмоциональный момент). 3) (Через 3 недели). Ср: „больно“; рс, 0,5 сек. „ой!"; репр.: 0,5 сек.: „ой!"; анализ: „У меня это невольно совершенно мороз какой-то подергивает". (Аффективный момент). 4) Ср: страшно; рс, 0,5 сек.: „больно“; репр., 0,5 сек.: „ой!"; анализ: „Невольно как-то передергивает всего". (Аффективный момент). 5) Ср: небо; рс, 1 сек.: „голубое“; репр., 0,5 сек.: „голубое“; анализ: „Мне голубое больше нравится, чем какое-нибудь другое". (Эмоциональный момент). 6) Ср: смерть; рс, 0,5 сек.: „черная“; репр., 0,5 сек.: „черная“; анализ: „У меня всегда такое представление. Тогда, как я тонул, я хорошо помню,— всегда темно, темно делается. Потом я черный цвет совершенно чистый не люблю, и красный. Иногда бывает красный противный, противный, тошнит от него, вроде киновари". (Аффективный момент). 7) Ср: мокрый; рс, 1 сек.: „скользкий“; репр., 0,5 сек.: „скользкий“; анализ: „Мне вспомнилась касторка,—такое уж неприятное ощущение во рту". (Аффективный момент: ассоциация не по зрительному образцу, но по аффективному тону). 8) Ср: постель; рс, 1 сек.: „измята“; репр., 0,5 сек.: „измята“; анализ: „Моя постель помята". (Только-что встал с постели,—индивидуальный конкретный момент). 9) (Еще через неделю, после беседы о страшных его переживаниях) ср: интерес; рс, 2 сек.: „рисовать“; репр.: „рисовать“; анализ: „Очень люблю". (Эмоциональный момент). 10) Ср: касторка; рс, 17 сек.: „фонарь“; анализ: „Старая история. Я был маленький в тифу; мне давали касторку. А потом я несколько раз ходил в аптеку за касторкой и, когда несу, кажется, что она в нос бьет и везде кажется касторка, касторка... на фонарях касторка. Я один раз осенью шел, скользко было,—даже рукой попробовал фонарь: не обмазан ли касторкой действительно? Мне показалось: он весь смочен вроде каким-то маслом". (Аффективная память; ярко выраженный комплекс, однако, комплекс, который расшифровывается самим испытуемым, без признаков негативизма). 11) Ср: красный; рс, 3 сек.: „корка“; анализ: „Я не люблю красный цвет. Представилось вроде помойки: очень неприятный образ". (Аффективный момент. Ассоциации не по зрительным образам, а по аффективному

тону: красное неприятно и помойка неприятна, но этот аффект олицетворен в зрительном образе красной корки на помойке). 12) Ср: страшно; рс, 9 сек.: „часы“; анализ: „Не знал, что сказать“. (Комплекс. Защитная реакция: только-что говорил о змее, „не захотелось вспоминать страшное“, слишком аффективно остро переживаемое,—реакция дана внешняя, при взгляде на секундомер). 13) Ср: дурно; рс, 3 сек.: „хорошо“; анализ: „Ощущение. Когда был дома, было дурно несколько раз: болела, болела голова, потом вдруг сразу уплываешь—хорошо!“ (Аффективный момент). 14) Ср: змея; рс, 1 сек.: „трепет“; анализ: „Ощущение. То же самое, что рассказывал вам: отчасти ощущение, отчасти разумом понял что-то: передернуло сразу, качает, куда-то уплываю“. (Комплекс. Аффективный момент). После такого острого аффективного переживания — из чувства самосохранения ушел в себя, стал давать внешние реакции. 15) Ср: „город; рс, 2 сек.: „афиша“. (Без образа и индивидуальной связи). 16) Ср: лежать; рс, 4 сек.: „кровать“. (Тоже). 17) Ср: змея; рс, 3 сек.: „тряпка“. (Тоже). 18) Ср: друг; рс, 10 сек.: „стучат“ (слышал реальный стук); анализ: „Не мог ничего придумать. Теперь уже почти что совсем ничего не представляю и не ощущаю“. (Защитная реакция).

Вот образец аффективно-абстрактной реакции с резко подчеркнутым абстрактным моментом. Яркая выраженная расплывчатость, диффузность: при каждом словесном раздражителе возникает несколько (иногда скрытых от наблюдателя) точек зарождения ассоциации. Отсюда в рс одновременно дается (или мыслится) целый ряд слов (абстрактных, а не образов). Реакция дана 17-летним испытуемым, окончившим 2-ю ступень (М. Н. К. См. выше): 1) Ср: женщина; рс, 1 сек.: „платье, духи, ерунда“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Образов не было ни одного. Я мыслю вообще словами или понятиями. Я мыслю без образов“. (Диффузность ассоциаций. Маскировка аффекта термином „ерунда“). 2) Ср: тоска; рс, 1 сек.: „слезы, глупость“. (Диффузность ассоциаций и аффективное манерничание в термине „глупость“ вслед за чувствительным словом „слезы“—маскировка аффекта). 3) Ср: вред; рс, 2 сек.: „кому? как? что?“ (Неопределенные

вопросы: расплывчатость, диффузность ассоциаций. Часто в основе таких рс—неопределенные местоимения, наречия и т. д.—лежит очень сильный аффект, но неясный для самого испытуемого. Такая реакция по-преимуществу свойственна аффективно-абстрактному типу). 4) Ср: мозг; рс., 2 сек.: „мозг? череп“; репр., 0,5 сек.: тоже. (Абстрактная ассоциация). 5) Ср: купаться; рс, 0,5 сек.: „море, река, вода“; репр., 0,5 сек.: тоже. (Диффузность ассоциаций). 6) Ср: острый; рс, 0,5 сек.: „нож, бритва“; репр.: тоже. (Диффузность ассоциации). 7) Ср: болеть; рс, 4 сек.: „ничего, чем? как? почему?“ репр., 0,5 сек.: тоже. (Диффузность. Скрытый аффект). 8) Ср: мелкий; рс, 2 сек.: „Их очень много, так что я не могу подобрать. Может быть, характер мелкий“; репр.: тоже. (Абстрактная диффузность). 9) Ср: люди; рс, 0,5 сек.: „совокупность людей, отдельный человек“; репр., 0,5 сек.: тоже. (Абстрактная диффузность). 10) Ср: начало; рс, 5 сек.: „чего? как? начало“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Я не мог подобрать ассоциаций по той простой причине, что я не признаю начала в мире“. (Абстрактное истолкование аффекта). 11) Ср: дух; рс, 1 сек.: „материя“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Слово „дух“ для меня нечто непонятное; вызывает ассоциацию по контрасту“. (Абстрактный момент). 12) Ср: горе; рс, 1 сек.: „радость“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Я не представляю себе ни горя, ни радости“. (Абстрактный момент). 13) Ср: желать; рс, 1 сек.: „безразличие“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Личное“. (Эгоцентризм). 14) Ср: лето; рс, 1 сек.: „зима, жара“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Абстракция“. (Диффузность). 15) Ср: обещать; рс, 1 сек.: „не исполнять“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Индивидуальное“. (Личное. Эгоцентризм). 16) Ср: друг; рс, 1 сек.: „брат“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Индивидуально не могу представить друга, но хорошего врага, да“. (Абстракция).

Свободные ассоциации его же, в 3 минуты 50 слов: „Часы, черный, дамские, стрелки на часах, золотая, стол, письменный, стул, сидеть, птица, лететь, пресмыкающееся, квакать, дом горит, дом строится, перо, писать, книга, читать, тюрьма, сидеть, решетки, кража, так, трамвай, отрезанная нога, ну вот, затем карандаш, чернила, бумага,

писать, чернила, кляксы, весы, гири, физики, учитель физики, гимназия, здание, определенное, базар, торговля, государство, насилие". (Большая неожиданность переходов, обусловленная более глубокими интимными ассоциативными связями).

Такого же типа диффузные реакции дает и его товарищ, 19 лет, окончивший 2-ю ступень (М. Н. К.): 1) Ср: „змея; рс, 1 сек.: „нитка, лента, Конан-Дойль“; репр.: тоже; анализ: „Я недавно думал о змее и хотел заменить это слово „лентой“, а лента вызвала Конан-Дойля“. (Абстрактная связь). 2) Ср: побег; рс, 2 сек.: „Сибирь, тайга“; репр.: тоже; анализ: „Слышал разговор о побегах в тюрьме“. (Абстрактная связь). 3) Ср: ужас; рс, 10 сек.: „сумасшедший“; репр.: тоже; анализ: „Неопределенное лицо с выражением ужаса напомнило сумасшедшего“. (Расплывчатость образа). 4) Ср: курить; рс, 2 сек.: „опиум“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Картина: на софах люди восточного типа, курят“. (Расплывчатый образ). 5) Ср: наука; рс, 3 сек.: „плен, спор“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Плен сказал случайно; я часто спорил с товарищем о науке и искусстве“. (Индивидуальный момент. Абстрактная связь). 6) Ср: висеть; рс, 1 сек.: „тюрьма, приговор, добровольцы“; репр. 0,5 сек.: тоже; анализ: „Представил человека висющим. „Рассказ о семи повешенных“. (Расплывчатый образ. Образы из литературы ближе, реальней). 7) Ср: душно; рс, 1 сек.: „камера № 22“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Наша камера“. (Личный момент). 8) Ср: бунт; рс, 1 сек.: „стихотворение моего товарища: „Узел“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Необъяснимо, почему часто бывают непонятные ассоциации, по видимости“. (Очевидно, опосредственная реакция в результате смещения по звуку: бунт—бант—узел). 9) Ср: быть; рс, 2 сек.: „être“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Любил языки, особенно латинский; даже стихотворение написал по-латыни“. 10) Ср: петух; рс, 5 сек.: „яркие краски“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Петуха неопределенного разложил на яркие краски, замелькали в уме“. (Расплывчатый образ). 11) Ср: кровать; рс, 5 сек.: „Клеопатра“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Сегодня читал Блока, „Клеопатра“ Пушкина“. (Образы из литературы ближе реаль-

ных). 12) Ср: терять; рс, 5 сек.: „быть грустным“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Так часто теряешь и всегда видишь себя грустным. Мне сразу почувствовалось грустное состояние, не только представилось, но почувствовалось. (Аффект). 13) Ср: нож; рс, 2 сек.: „Цезарь Борджиа, разбойник“; репр., 0,5 сек.: тоже; анализ: „Хотел сказать „яд“, а яд вызвал Цезаря Борджиа, а Цезарь Борджиа—всю эпоху итальянских бандитов“. (Литературные образы).

Свободные ассоциации его же: „Карта, сидеть, обыск, злоба, ожидание, безнадежность, гм, значит, страх, тюрьма, бесплотное создание, бесплодность протекающего времени, стыд, книги, бессонные ночи, табак, Москва, Тверской бульвар, отец, памятник Пушкина, Опера Зимина, свой, этот, настоящее положение, как-то не думаю ни о чем другом, гимназия Флерова, суд, „Мои записки“ Л. Андреева, бумажка белая, которую я вижу перед собою, море, свобода, свобода, сейчас, так, опять Тверской бульвар, воспоминание о том, как я маленький ходил на нем“. (Та же неожиданность переходов от одной ассоциативной связи к другой).

Вот образец интеллектуального типа реакций. Дан мальчиком 13 лет (см. реакцию на афоризмы, М. Ш.-С.). В 1921 г. даются просто логические определения с довольно медленной реакцией, например: 1) Ср: собака; рс, 1 сек.: „животное“. 2) Ср: революция; рс, 7 сек.: „февральская“. 3) Ср: больно; рс, 1 сек.: „сильно“. 4) Ср: шапка; рс, 1 сек.: „меховая“. 5) Ср: яблоко; рс, 2 сек.: „фрукт“. 6) Ср: большевик; рс, 2 сек.: „коммунист“. 7) Ср: стекло; рс, 1 сек.: „прозрачное“ и т. д.

Через 4 года (в 1925 г.) он же дает все ассоциации снова неконкретные, более внешние, часто „по противопоставлению“, как он сам определяет. Анализ их вскрывает только логические связи, например: 1) Ср: революция; рс, 3 сек.: „контрреволюция“. 2) Ср: мальчик; рс, 1 сек.: „девочка“. 3) Ср: больно; рс, 3 сек.: „приятно“. 4) Ср: деньги; рс, 3 сек.: „монета“. 5) Ср: громко; рс, 1 сек.: „тихо“. 6) Ср: ножик; рс, 1 сек.: „ножницы“ и т. д. Комплексов не найдено, так как сознательное преобладает в нем над бессознательным. В его свободных ассоциациях любопытен выбор слов

с преобладанием неконкретных: „Карандаш, дурак, умный, правда, добро, электричество, машина, электризация, наука, искусство, электрификация, шкаф, халат, калоши, ботинки, умозаключение, психология, ассоциации, различие, сходство, слова, человек, корзина, мешок, деньги, улица, город, море, пушки, игрушки, опушка лесная, лес, дети, глупость, мудрость, прилежание, лень, очки, глаза, ангел, бережливость, скупость, расточительность“.

В заключение мы должны сказать, что ■ настоящее время ставятся задачи более тонкого экспериментального учета ассоциативных реакций, особенно задача вскрыть признаки комплекса с помощью психогальванического феномена (Binswanger) ⁵³.

6. Мы пользуемся еще целым рядом приемов, которые лишь по названию могут быть отнесены к ассоциативным методам, тогда как в результате их выясняются различные другие моменты психических реакций. Например, общеизвестный ассоциативный метод Эббингауза, заполнения пробелов ⁵⁴ на-ряду с выяснением хода ассоциативного процесса дает возможность учесть, к чему испытуемый имеет бóльшую способность: к выполнению задач детерминированных (как в данном эксперименте) или недетерминированных (например, свободное сочинение). Кроме того, лица некультурные (примитивы) часто не справляются с этой задачей вследствие неумения быстро обхватить весь текст в целом. Также при патологическом расстройстве, где внутренние ассоциации испытуемого доминируют над точностью восприятия (например, при шизофрении), эта задача не выполняется, так как внутренний ассоциативный поток не дает возможности испытуемому построить связь на основании объективно данных фраз с пробелами. Эти пробелы заполняются случайно, вне контекста, данного в задаче.

Переходным моментом между исследованиями ассоциативных процессов и памяти могут служить эксперименты, построенные нами по образцу экспериментов так называемой Вюрцбургской школы ⁵⁵, но с целью совершенно отличной от тех задач, которые преследует данная школа. Так, напри-

мер, мы даем для запоминания ряд конкретных парных слов и, после троекратного прочтения их, одно слово из пары повторяем, другое просим вспомнить; например: 1) пожар—пламя, 2) вода—море, 3) рука—перчатка, 4) ухо—серьга, 5) нос—платок, 6) песок—дорожка, 7) хлеб—булочная, 8) картина—художник, 9) нога—чулок, 10) постель—сон и т. п. При нормальной психике эта задача легко удаётся даже детям, начиная с пяти—семи лет. Однако, абстрактные парные слова даже при нормальной психике запоминаются не всегда с одинаковой лёгкостью: при примитивности психики (детской и взрослой) эта задача не удаётся, так как здесь данные связи не вызывают прочных ассоциаций, целый ряд абстрактных слов звучит для них чуждо и не вызывает смысла, нахождение которого облегчает данную задачу; например: 1) наука—система, 2) поэзия—вдохновение, 3) разум—воля, 4) правда—истина, 5) добро—любовь, 6) счастье—удовлетворение, 7) искусство—творчество, 8) ум—мудрость, 9) красота—величие, 10) тоска—горе и т. д. Эти задачи удобны для исследования направленности испытуемого ■ конкретный или неконкретный уклон. При резко выраженной неконкретной направленности интеллекта такие задачи даются легче, чем задачи на парные конкретные слова.

Для более полного выяснения бóльшей или меньшей способности испытуемого к восприятию неконкретной связи между предложениями мы составили ряд лёгких парных предложений, из которых после троекратного прочтения их также повторяется лишь первое. Обычно, при ненормальном потоке внутренних ассоциаций (например, при шизофрении), где этот внутренний поток подавляет объективность восприятия, такой эксперимент не удаётся; не удаётся он также при олигофреническом (иногда примитивном) непонимании задачи.

Наоборот, при нормальной психике этот эксперимент иногда удаётся даже детям 8—9 лет. Вот образец таких парных предложений, которые нами составлены для использования такого испытания более или менее независимо от возраста и культуры испытуемых:

- I. а) Работа сокращает время.
б) Лето—рабочая пора.
- II. а) Цифры изобретены арабами.
б) Арабские кони—лучшие.
- III. а) Стоит ■ лесу избушка на курьих ножках.
б) Сказки слушать любят дети.
- IV. а) Здоровому врач не надобен.
б) Здоровый дух в здоровом теле.
- V. а) Загремели пушки, задребезжали стекла.
б) Стекла сейчас стоят очень дорого.
- VI. а) Жженный сахар издает резкий запах.
б) При золотухе сладкое вредно.
- VII. а) Покорное слово.
б) Разговор серебро,—молчание золото.
- VIII. а) Сон милее всего.
б) Спишь, спишь—отдохнуть некогда.
- IX. а) Тучи грозные.
б) По небу полуночи ангел летел.
- X. а) Порядок—душа всякого дела.
б) Семь раз примерь—один раз отрежь.

Наши опыты подтверждают (выводы Бюлера), что при нормальном, особенно культурном, интеллекте ассоциации между осмысленными предложениями образуются несравненно быстрее и прочнее, чем просто между словами.— Если вышеприведенная задача все еще относится к исследованию процессов ассоциативных, так как здесь известные члены даются вместе, то при других экспериментах того же направления это условие отпадает и задача из исследования запоминания ассоциативно данных связей переходит в задачу исследования способности обхватить смысл целого, при чем перераспределяется порядок фраз, данный извне.

Часто при чтении хорошо знакомой книги или во время лекции мысль наша невольно переносится к тому или иному месту произведения, уже прочитанному или которое предстоит впереди. Одна мысль будит другую, тогда как ранее они не были даны вместе последовательно. На этом основании построен следующий экспе-

римент. Исследование состоит в том, что предлагают несколько фраз или отрывков мыслей, и после отдыха, во время которого ведут короткую беседу, дают второй ряд предложений или их частей с неполным смыслом. Испытуемого просят последние, часть за частью, пополнить соответствующими частями предшествующего ряда (см. примеч. выше).

При нормальной культурной психике и эта задача легко выполняется (начиная с 8—9 лет). Примитиву (при его конкретности) дается с трудом или совсем не дается. Вот образцы легких задач такого рода:

Образец I:

1) Кто в нужде не бывал,	4) пристрой к делу семь сирот.
2) Не змея страшна,	2) а ее жало.
3) Что написано пером,	1) тот ее не знавал.
4) Не строй семь церквей,—	5) тот воду хлебает.
5) Кто зеваает —	3) не вырубишь топором.

Образец II:

1) Скажи, с кем ты знаком,	4) а горе.
2) Не в бороде ум.	2) а в голове.
3) Где гнев,	1) и я скажу, кто ты таков.
4) Не старость калечит,	5) не перегонишь.
5) Своей тени	3) там и милость.

Вот образец более трудной задачи на ту же тему (текст заимствован оп. cit. стр. 55).

А.

- 1) Лучше оставаться на вершине горы с дикими зверями,
- 2) Кто отказался от благодарности,
- 3) Лира Орфея сделала более, чем дубина Геркулеса,—
- 4) Чем величественнее и нравственней характер,
- 5) Не становись между родственниками и друзьями,

В.

- 4) тем проще и яснее его положение, его отношение к миру.

- 2) тот запишет это в свою долговую книгу, и немного времени ты останешься в долгу перед ним.
- 1) чем делить с глупыми людьми радости рая.
- 5) не то ущемишься.
- 3) она нечеловеческое делала человеческим.

В последней сложной редакции данная задача доступна лишь взрослым при условии культурности и бóльшей или меньшей нормальности психики (без резких шизофренических, олигофренических и т. п. признаков). Такая задача, рассчитанная на способность мысленного обозрения всего материала, данного памяти, при отсутствии в нем механической связи,—даже в упрощенной редакции удастся лишь при гибком интеллекте, способном воспринимать неконкретную смысловую сущность. Примитивам, как мы говорили, такая задача удастся с трудом (в легком варианте). Олигофрены и шизофреники совершенно не могут выполнить этой задачи, так как первые ее просто не понимают, а у вторых поток их личных ассоциаций, врываясь в объективные связи, нарушает нормальную способность к восприятию смыслового целого. Отсюда ясно, что у таких лиц одна мысль,—возникающая, положим, при чтении какой-нибудь книги или при слушании лекции,—не будит другую, раньше прочитанную или слышанную, если эти мысли не даны рядом.

7. От исследования ассоциаций естественно перейти к исследованию типов памяти (лежащей в основе ассоциаций) все по тем же функциональным оттенкам, которые указаны нам выше в реакциях, конкретно-эмоциональной, аффективно-абстрактной, и интеллектуально-волевой.

Разумеется, для наших целей важнее исследование не содержания памяти (т.-е. знания), а исследование функциональных особенностей личностей. Для выяснения этих конституциональных оттенков реакции нет надобности в каком-либо особом приеме исследования,—достаточно лишь провести полный анализ ассоциации, в основе которых уже заложен тот или иной тип памяти.

Что же касается исследования памяти со стороны содержания, то здесь возможно пользоваться любыми приемами,

например, из профиля проф. Россолимо, из альбома проф. Рыбакова и т. п., лишь бы раздражитель был однотипен при всех испытаниях. Кроме того, мы давали запоминать мало известные стихотворения, рассказы и т. п.

Нам удалось установить, что примитивная реакция (детей и взрослых) на эти задачи выражается в предпочтительном запоминании конкретного материала. Например, наглядные изображения различных цветных фигур запоминаются легче слов и предложений. Слова запоминаются легче, чем осмысленные фразы (если, однако, нет конституционального уклона в абстрактность).

Дело в том, что акт запоминания предложений обходится (особенно детской неокрепшей психике) дороже, чем, например, запоминание просто слов (более механический процесс). Это ясно из простого филологического анализа слов и предложений. Важнейший психический акт, лежащий в основе грамматического предложения, есть тот, ■ силу которого мысль берет одну грамматическую форму, как подлежащее, а другую, как сказуемое⁵⁶. Например, слово „книга“ взятое отдельно, есть только имя существительное, женского рода, единственного числа и проч. Но в предложении: „эта книга принесла мне большую пользу“ то же самое слово уже не только существительное, но еще и подлежащее. Иначе говоря, взятое отдельно, оно образует одну единицу грамматического мышления, а в предложении оно представляет собою две единицы, два акта и, стало быть, здесь оно требует большей работы интеллекта, чем вне предложения. Слово „принесла“, взятое отдельно, есть только глагол в прошедшем времени единственного числа и т. д. В предложении оно, кроме того, еще и сказуемое, т.-е. оно является здесь не только одной единицей грамматической категории, но и актом предикцирования (т.-е. высказывания сказуемого). Этот акт мышления вызывает особое усилие мысли, он есть как бы некоторое открытие мысли. Отсюда большая напряженность внимания на сказуемом (в предложении). Именно сказуемое больше других частей задерживается в фокусе сознания и ярче освещается. Следовательно, этот акт мышления должен обходиться по за-

трате энергии дороже других. Этот анализ состава слов ■ предложений не противоречит в данном случае тем наблюдениям, что лицам культурным смысловое запоминание предложений дается легче, чем более механическое запоминание отдельных слов. Ведь там, где речь идет о примитивной психике (ребенка или взрослого), прежде механического запоминания предложений требуется еще процесс осмысления этих предложений.

Что касается лиц культурных, то лица с интеллектуальным уклоном легче запоминают неконкретные, логические смысловые связи, чем конкретные данные. Лица с резко выраженной акцентуацией конкретных и эмоциональных моментов легче запоминают то, что связано с их личными эмоциональными переживаниями. Например, содержание беллетристических произведений запоминается легче, чем абстрактные построения; факты окружающей действительности легче, чем теоретические обобщения. Наконец, резкое акцентуирование аффективного момента (комплекса), связанного иногда с конкретными, иногда с абстрактными данными, способствует особенно яркому удержанию или, наоборот, вытеснению из памяти аффективно неприятного. Иногда при аффективно-абстрактной реакции на память наблюдается привнесение от себя (слов, предложений, фигур и т. д.), но это обычно связывается с патологическим моментом (например, шизофренией). То же может наблюдаться и при другой конституции, например, конкретно-эмоциональной, но лишь при условии шизоидирования ее (например, при наркомании ⁵⁷).

Мы все более и более суживаем план нашей работы, поскольку все яснее становится, что мозаичная группировка обычной психологии с ее делением на функции оказывается чисто внешней, так как нельзя отделить экспериментально, положим, ассоциативный момент и момент памяти от момента собственно чувствований и т. д.

8. Как вполне правильно указывает Крэпелин ⁵⁸, „значение чувствований в качестве выразителей внутренней реакции на жизненные события всего яснее может проявиться в факте индивидуальных различий характера эмоций. Одно

■ то же событие вызывает совершенно различные душевные состояния в зависимости или от индивидуальных особенностей субъекта, или же от склонности к определенному чувственному тону, гнездящемуся глубоко в самой конституции. При неистощимом разнообразии смесей чувствований кажется невозможным изучить все разновидности эмоциональных типов. В патологической области трудности еще значительнее".—И, однако, несмотря на то, что эмоции претерпевают бесконечные изменения и, повидимому, не поддаются точному определению, все же это бесконечное разнообразие чувственных качеств, незаметно переходящих одно в другое, несомненно может быть сведено к немногим основным. Если выделить первичный момент — рефлекс, так как теперь с помощью этого термина строится особая наука — рефлексология¹⁾, то для обозначения более сложных моментов чувствований у нас останутся стойкие психологические термины, именно: эмоция, аффект, импульс и воля, поскольку иные авторы считают волю за своеобразное выражение чувства⁵⁹.

Научное исследование чувств представляет большие трудности, так как почти невозможно наблюдать точно эту самую интимную, самую скрытую область психической жизни. Меньше всего здесь пригоден метод самонаблюдения, потому что, обращая внимание на собственные чувства, т.-е. делая их сознательными, испытуемый тем самым парализует их непосредственность. Кроме того, наш язык есть язык представлений, а не чувств. Язык чувств это язык жестов и восклицаний, но в процессе цивилизации мы постепенно научились его подавлять. Этот язык жестов, по сравнению с речью мало развит, поэтому чувства не только трудно выделить из других реакций, но трудно даже просто их описать. Наблюдение за мимикой испытуемого, конечно, очень хороший подход для описания внешнего выражения эмоции⁶⁰, но необходимо помнить, что при различных конституциях, равно как и при различных ступенях культуры,

¹⁾ Которая, разумеется, может найти полную корреляцию с психологическими данными.

внешнее выражение чувств может оказаться не адекватным внутреннему переживанию субъекта (например, смех при аффекте и т. п.). Чувства могут подавляться, скрываться или, наоборот, преувеличиваться и т. п. Таким образом, для исследования целой личности психологу приходится выходить из рамок чисто кабинетных наблюдений и обращаться к объективным данным, социологическим, педагогическим, к анамнезу, просто к фактам из жизни испытуемого (особливо правонарушителя).

В нашей элементарной методике психологического исследования личностей нет надобности касаться ни сложных приемов исследования чувств, которые мы ставим дальнейшей нашей задачей, ни приемов описания мимики и жестов испытуемого. Мы лишь еще раз подчеркиваем здесь, что в протоколах исследований необходимо отмечать все возможные наблюдения на эту тему и обрабатывать их в корреляционной связи с общим материалом. В нашей элементарной методике важно лишь выяснить на фоне каждой реакции, преобладают ли у испытуемого гармонические эмоции, или же преобладает аффект, изменяющий течение представлений, или импульс, проявляющийся в действии.

Одно время принято было отождествлять эмоции с инстинктом (W. Mc. Dugall, проф. Петражицкий, Лазурский и др.). Мак'Дауголл, автор популярной в последнее время работы: „Основные проблемы социальной психологии“ (М. 1916), дает перечень примитивных эмоций человека, каждая из которых заключает в себе инстинктивное проявление в поведении, но эта точка зрения в настоящее время оспаривается Schand'ом ⁶¹, который утверждает, что тот же самый инстинкт может заключать в себе различные эмоции и что одна и та же специальная эмоция может вести к разным типам двигательной деятельности.

Под эмоцией (от лат. moveo — двигаю) мы понимаем психическое состояние с определенным тоном чувства, сопряженное со стремлением выразиться в движении. Такая эмоциональная реакция всегда связана с моментом того, что нечто нравится или не нравится субъекту, одобряется им или

нет; здесь субъект привносит от себя оценку предмета (см. эмоциональные реакции при восприятии, мышлении, ассоциациях и т. д.). От эмоций мы отличаем аффект. Термин аффект имеет часто неясный смысл, еще более затемненный медицинским его употреблением. Мы называем аффектом (от лат. *afficio* — воздействую) психическое состояние возбуждения, т.-е. чувство известной степени силы, которое нарушает течение представлений⁶². Таким образом, эмоция, переходящая в аффект, оказывая влияние на ход и направление представлений субъекта, определяет особый подбор их, при чем она допускает лишь те представления, которые соответствуют данному чувству, ■ задерживает все остальные. Разумеется, каждое такое аффективное движение сопровождается целым рядом физиологических изменений в организме. Кроме того, каждый аффект уже в силу своей интенсивности является переживанием неприятного порядка. Аффект влияет на систему кровообращения, изменяет ритм и силу сокращения сердца, суживает и расширяет кровеносные сосуды; мускульные изменения под влиянием аффекта проявляются в типичных выразительных жестах, в мимике лица и т. п. Примеры аффективной реакции мы уже указывали на восприятии, мышлении, ассоциациях и т. п.

Особенно интересен момент так называемой аффективной памяти, который мы уже отмечали на ассоциативных процессах. По мнению Рибо⁶³, должно различать не только различные типы сенсорной памяти, но также еще и аффективный тип памяти. Рассмотрение этого момента прямо относится к отделу эмоций⁶⁴. Рибо говорит: „Существует тип чувствований, столь же точно очерченный, как тип зрительный, слуховой, двигательный: он проявляется в легкой, полной и сильно выраженной способности к воспроизведению чувствований“ (153). Мы знаем из повседневного опыта и на основании экспериментальных исследований, что воспоминания о прошлых событиях сопровождаются у некоторых людей переживанием тех же чувств, которые испытывались ими при первоначальном восприятии этого события; тогда как другие люди остаются

при последующих воспоминаниях пережитого совершенно холодны и безразличны как бы ни было сильно удовольствие или неудовольствие, полученное от первоначального момента.

По мнению Рибо (ib., стр. 157, примеч.), это объясняется следующим: во-первых, у большинства людей память чувствований (аффективная память) отсутствует; во-вторых, у других имеется полуинтеллектуальная, полуаффективная память, т.-е. эмоциональные элементы восстанавливаются едва, частью, при помощи интеллекта, с которым они ассоциируются; в-третьих, третьи, в наименьшем числе, имеют истинную память чувствований, т.-е. полную,—интеллектуальный элемент является только средством восстановления ■ быстро исчезает (157, примеч.) (см. ассоциации: конкретно-аффективная реакция).

Разумеется, существует не только общий тип аффективной памяти, но „здесь возможны и вариации; по всей вероятности, частичные типы даже чаще встречаются“. Конечно, „эти индивидуальные различия относительно способности к восстановлению чувствований играют очень важную роль при формировании различных видов характера. Кроме того, этими же вариациями в типе чувствований обуславливается тот факт, что одни легко восстанавливают печальные представления, другие, наоборот, радостные“.

Наконец, „воспроизведение зависит в гораздо большей степени от мозговых и внутренних условий“ (т.-е. от типа психической конституции), „чем от первичного впечатления. Живо почувствовать эмоцию и живо ее воспроизвести, это—две различные вещи, которые друг друга не касаются. У многих интенсивное воспроизведение находится ■ обратном отношении к первичным явлениям. Это нас приводит к вопросу о характерах. Недостаточно, чтобы впечатление было живо воспринято, нужно еще, чтобы оно укрепилось. Часто оно усиливается путем инкубации, зависящей от темперамента данного индивидуума“ (156).

Утверждение Рибо, что существует аффективный тип памяти, вызвало как ряд возражений, так и ряд подтверждений его точки зрения⁶⁵. Эта интересная психологическая

проблема, которая дебатировалась целым рядом психологов, может быть формулирована так, как это делает Джемс: могут ли явления эмоциональные (аффекты) быть объектами памяти? Джемс решает этот вопрос отрицательно; он говорит: когда мы думаем о пережитой эмоции, в нашем сознании возникает не воспоминание об эмоции, но сама эта эмоция, которая актуально оживает. Рибо же утверждает, что чувство, эмоция может воспроизводиться и что существуют аффективные образы, подобно тому, как существуют образцы зрительные и слуховые. В защиту своей точки зрения он ссылается на „факты психологические, физиологические, экспериментальные, патологические и косвенные доказательства“. По его мнению, поскольку всякое воспоминание должно быть реверсией, при помощи которой прошлое делается настоящим, мы живем в данную минуту в прошлом. Воспоминание об эмоции, как таковой, подлежит тому же закону: необходимо, чтобы она стала активной, чтобы стать реальной эмоцией.

Наша психологическая позиция—исследование типа психических реакций в связи с типами психических конституций—счастливно упраздняет самую возможность такого спора: воспроизводится ли в данной реакции аффект сам по себе, или проявляется лишь аффективная память. Для нас важно лишь самое проявление аффекта в данной реакции. Доминирует ли при этом процесс памяти или ассоциаций или самих эмоций,—это не меняет сущности наших выводов о типе психической конституции данного лица.

Словом, все наши данные приводят нас к прямому заключению, что на фоне всевозможных психологических приемов,—все равно, направлены ли они на исследование так называемого восприятия или мышления, воображения или памяти и т. д.,—можно всегда отметить тот или иной эмоциональный тон со всеми его оттенками: аффективностью, импульсивностью и т. п.

На последнем моменте, именно импульсивности, мы до сих пор почти не останавливались, чтобы не увеличивать числа вех, из которых исходит наша классификация, всегда,

однако, имея в виду дальнейшие дифференциальные уточнения этого вопроса. Выделяя теперь импульсивность, мы подчеркиваем крайне важное, с нашей точки зрения, психологическое определение этого момента: импульс мы отличаем от аффекта, как действие, вызванное эмоцией и направленное на окружающую среду¹⁾. Такие импульсивные действия имеют свою объективную цель,—субъектом часто несознаваемой,—устранить то, что причиняет страдание, или сохранить то, что доставляет наслаждение. Отсюда частые правонарушения,—особенно убийства,—лиц именно импульсивного склада характера. Само собою разумеется, что доминанта импульсивности может проявляться на любом конституциональном фоне за исключением интеллектуально-волевого, где действия направляются волей.

Что касается специальных экспериментальных приемов учета импульсивности, то мы уже отмечали, что исключительно цветовая реакция на пятна по Роршаху и у нас всегда коррелировалась с импульсивностью данных испытуемых, как то подтверждалось фактами из их жизни.

Вот примеры таких реакций. Исследованию подвергался крестьянин, 29 лет, по профессии слесарь (М. Н. К., эпилептоидная наследственность). Убил топором свою вторую жену в подвале квартиры, где колол доски на дрова. Убил после ссоры и приставания ее к нему (убитая, повидимому, была не совсем нормальной). Закопал здесь же ■ подвале и жил еще несколько лет в той же квартире, снова женившись (всего был женат пять раз). Преступление было раскрыто лишь потому, что начали переделывать дом²⁾. Психологическая реакция: преобладание импульсивности на примитивном аффективно-абстрактном фоне. Вот его реакции на пятна (нашего образца). Пятно первое: „Какой-то

¹⁾ В медицинской терминологии часто смешиваются понятия аффекта, только меняющего течение представлений самого субъекта, с этим вторым моментом движения, направленного на окружающую среду.

²⁾ В настоящее время испытуемый вышел на свободу. С последней женой живет хорошо. Жена его любит. Преступление простила (у нее отец — убийца).

цвет нарисован". Пятно второе: „Желтый цвет“. Пятно третье: „Синий цвет“. Пятно четвертое: „Темно-синий цвет, потом, это что? Значит, коричневый будет цвет, немного светлей“. Пятно пятое: „Голубой цвет, фигурный. Здесь что-то такой... Вот этот цвет я не могу определить, коричневый что ль?“ Пятно шестое: „Это для меня трудно! Зеленый цвет, желтый, потом красный и вроде как-будто розовый“. Пятно седьмое: „Вот этот цвет я не могу определить. Розовый темнее,—лиловый! Так много цветов, что я не разберусь. Больше темные цвета люблю“. Пятно восьмое: „Желтый и... еще-то какой? песочный? нет? Синяя есть часть“. Пятно девятое: „Голубой цвет“. Пятно десятое: „Зеленый цвет“.—Нет ни одного образа, схвачен внешний, красочный, очевидно, раздражающий момент.

Такого же типа импульсивную реакцию мы встречаем ■ на конкретно-эмоциональном фоне, у девочки десяти лет. (М. Ш.-С.) Маниакальное состояние, истеричка. Пятна нашей композиции. Пятно первое: „Здесь розовые и голубые пятна. Два голубых, четыре розовых и одно зеленое“. Пятно второе: „Здесь сверху розовое с разными пятнышками: голубыми, черными. Снизу все голубовато-зеленое, с зелеными полосками и с красными пятнами и с черными пятнами“. Пятно третье: „Это черное затушеванное пятно“. Пятно четвертое: „Это? Это такая розочка, розового цвета. Все зеленовато-розового цвета“. Пятно пятое: „Здесь сверху красное, а снизу черное“. Пятно шестое: „Это синий паук“ (единственный образ). Пятно седьмое: „А это я не знаю, что такое. Что бы вам сказать? Ну, зеленое пятно с черными разводами. В середине красное, а около красного такое рыжеватое“. Пятно восьмое: „Ну, здесь такое зеленое пятно с розовыми и черными разводами“. Пятно девятое: „Это такое пятно, с желтыми, красными и синими разводами. Сверху синее, вокруг него красные, зеленые и желтые разводы“. Пятно десятое: „Здесь это такое пятно. У него красное, зеленое, желтое, синее, оранжевое, бордовое“. Пятно одиннадцатое (мы умышленно увеличили обычное количество пятен;

результат тот же): „Это пятно красное, оттененное черным, ближе к центру. Центр разделен синей чертой с розовато-серыми пятнами вокруг“. Пятно двенадцатое: „Это пятно, здесь разные точки, крапинки,—черное, зеленое, коричневое, красное, желтое, синее“.—Это все пятна: желтые, зеленые и красные. Вот и все!“

Конечно, вовсе необязательно, чтобы импульсивность непременно вызывала вышеприведенный тип, именно цетовой реакции на пятна (наоборот, скорее, где есть такая реакция, можно заключать об элементах импульсивности). Так, у импульсивного юноши, 18 лет, из культурной семьи (эпилептоидная наследственность; диагноз — эпилепсия. М. П. К.), мы наблюдаем следующие психические особенности эпилептика: недостаточно быструю приспособляемость (адаптацию) высших психических функций,—отсюда аффективная реакция, быстро превращающаяся в импульсивную; страх перед непосильными для его психики экспериментальными задачами, и, как защитная реакция, гнев (разряжение первоначального момента угнетения). Мышление вязкое, тугое. Всякая новая задача, особенно недетерминированная, его пугает. При реакции на пятна никак не может отрешиться от реальных чернильных пятен.

Пятно первое (по атласу Рыбакова): „Разлили чернила, приплюснули, и пятно получилось такое. Ей богу, инквизиция какая-то!“ (Гнев, импульсивность). Пятно второе: „Один прилежный ученик в классе сидел и размазал чернила в классе. Водил, водил по бумаге бесцельно,—надоело, он перестал и прихлопнул тетрадкой. Пришел домой,—ну, задали уроки ему, которые он должен дома выучить,—открывает он эту тетрадку и видит это пятно, которое размазал, и стал смотреть,—что, мол, я наделал: испортил тетрадку. И он вглядывался в эту кляксу и у него получилось изображение какого-то фантастического животного о двух хвостиках, о двух рогах, о пяти ногах, с козлиной мордой... и на свиную, и на козлиную похоже. Ох!“ Пятно третье: „А это свинья. Тут битва, наверное, идет между кабанами и собакой,—ножки только виляют Под чер-

нильным пятном не видно". (Реальное чернильное пятно преобладает над фантастическими измышлениями). Пятно четвертое (Напряженно всматривается 10 минут. Паузы вообще долгие): „Это я отказываюсь. Это я совсем не могу. Вот эти две я разобрал, а эти две не могу". (Нет гибкости построительного воображения). Задача утомляет своей недетерминированностью. Настроен гневно, гримасничает: „Голова трещит от напряжения!"

Но пятна все же дают ему хоть какую-нибудь канву для построений. Значительно большую беспомощность испытывает он при еще менее детерминированной задаче: дать сочинение на три слова: человек, собака, лошадь. Начинает композицию сравнительно благодушно, не обхватив смысла целого; построение идет механическим ассоциативным путем: „Развести вам побольше?—Собака животное, можно сказать, доброе, умное, ласковое, незлопамятное, на четырех ногах с хвостиком, который делает крючком,—и больше ничего. Собака очень привязывается к своему хозяину и, в случае беды со своим хозяином, она готова даже на самопожертвование.—Какие там животные еще?" (т.-е. забыл задачу: читает записанную мною тему: собака, человек и лошадь). „Человек большею частью неблагодарное животное: забывает то добро, которое делает ему другой человек. После же этого, когда человек из несчастья вывернется, он забывает то добро и готов даже напакостить тому человеку. Теперь лошадь,—для человека достаточно. Лошадь, значит, красивое животное, очень умное, ну, можно сказать, и доброе. Ну вот, больше ничего. Достаточно". (Нет связи между отдельными частями рассказа. Бедность вымысла).

Когда предлагается еще задача на ту же тему, высказывает явное страдание: истощился запас свободных ассоциаций. Воскликает импульсивно: „На эту же тему! Ой!" (страдание; очень долгая пауза). Кое-как, едва-едва справляется с задачей в 41 секунду времени; по окончании торжественно восклицает: „Все!" Рассказ бесцветен, наивен. При мягкой просьбе:—Ну, еще рассказ на эту же тему,—вскочил с места, лицо исказилось, испуг: импульсивные движения — стремле-

ние отстранить мою запись. Воскликает: „Господи! Последняя, я думал!“ Бегаёт по комнате. Через минуту: „Я готов! Слушаю!“ Очевидно, забыл задачу. Напоминаю: ещё рассказ.— „На ту же тему?“—Отказ: „Я не могу, при всем желании. Правда, правда... я бы рад вам дать сто рассказов... У меня голова не такая! Нет, я не могу! У меня память не такая!“ (При дальнейшем настаивании на задаче — страдание, напряженность, гримасы, гнев). „Нет, не могу! Правда, не могу: я делаю попытку,—у меня ничего не выходит! Два я вам дал и достаточно... Я сейчас думаю, думаю,—у меня ничего не выходит. Что же я могу сделать, коль ничего в башку не лезет!“ (Гнев). „Я виноват, что ль!“ (Гнев. Лицо искажено. Готов ударить,—но хорошо воспитан,—сдерживается. Если бы настаивать, примерно, на десяти вариациях таких рассказов,—мог бы запустить в экспериментатора чернильницей, несмотря на всю благовоспитанность: при приветствии всегда целует руку)¹⁾.

Из данных наблюдений напрашивается следующий вывод: от лиц импульсивных не следует требовать непосильного психического напряжения,—здесь скорее, наоборот, надо упрощать работу и тем самым давать испытуемому возможность получить удовлетворение по ее окончании. Все иные педагогические приемы могут только провоцировать импульсивность и трамватизировать психику.

Очень часто импульсивность коррелирует с большими задержками в реакциях ассоциативных процессов, которые также являются показателями замедленной адаптации психических функций, но которые вполне возможны при импульсивности действий.

Если эмоции стали привычными вследствие частого повторения то их можно назвать страстью. Страсть более скрыта и постоянна, это—наклонность, доведенная до крайности. Эмоция, аффект, импульс — форма острая, страсть, это—форма хроническая, стойкая. Страсть является в порядке чувствований тем же, что *idée-fixe* или навязчивое состоя-

¹⁾ Можно представить себе данную личность в житейской ситуации с раздраженным партнером: убийство на такой почве вполне возможно из-за пустяка.

ние в порядке сознания (Жанэ). Это уже патологический момент ■ нормальной личности, граничащий с автоматизмом. В момент страсти волевой уклон личности отходит, заслоняется. Такой момент, разумеется, не может быть во всей полноте спровоцирован экспериментально, но уже на ассоциативном эксперименте нам удавалось отмечать подобные резко выраженные застывшие комплексы чувствований, равные навязчивым состояниям ■ порядке сознания. Это особенно отчетливо выражается там, где страсть влекла, например, к убийству и т. п. грозным проявлениям личности.

Вот пример такого рода ассоциативной реакции. Дана лицом импульсивно-аффективно-абстрактного типа, 38 лет, покушавшегося на убийство своего соперника (М. Н. К. Диагноз — эпилептоид). 1) Ср: любовь; рс, одна сек.: „гнев“. 2) (Через несколько слов). Ср: страшно; рс, сек.: „гнев“. 3) Ср: даром; рс: „гнев, вот почему-то!“ 4) (После нескольких слов). Ср: любовник; рс, 3 сек.: „гнев, опять гнев!“ 5) Ср: насилие; рс, 3 сек.: „гнев! Что! не отвязжусь!“ 6) (Через несколько слов). Ср: правда; рс, 3 сек.: „гнев“. 7) Ср: пожар; рс, 3 сек.: „гнев, опять у меня“. 8) Ср: ревность; рс, 3 сек.: „опять гнев“.

Сложные экспериментальные исследования эмоций есть задача крайне трудная, нуждающаяся в тонкой аппаратуре. Наши материалы на эту тему не приняли еще законченной обработки, но можно указать самый элементарный прием, рассчитанный на исследование эмоциональной сферы, именно, простые вопросы, как это, например, указывается в атласе Рыбакова ⁶⁶: „Назовите, как можно скорее, предметы, с которыми у вас соединено воспоминание: о приятном, неприятном, отвратительном, интересном, неинтересном, красивом, безобразном, смешном, веселом, грустном, печальном, страшном, ужасном, счастливом, несчастном, желательном, нежелательном, смелом, отважном, трусливом, добродетельном, порочном“.

Мы обычно задаем нашим испытуемым вопрос:—Вспомните, назовите какой-нибудь самый счастливый момент (день, случай) из вашей жизни или, наоборот, самый несчастный ⁶⁷.

Вот различные типы реакций на эти вопросы. Реакция примитива. 17-летний крестьянин, убийца (М. Н. К.), отвечает: „Счастливое? Счастье очень разное... Богатый — счастливый человек. Потом бедный разбогатеет — это опять счастливый человек“. (Повторяет). „Потом бедный разбогатеет — это опять счастье“. — „Несчастье? — Что-нибудь не хватает — несчастный человек“.

Другой 17-летний крестьянин, вор, беспризорный, большую часть жизни сидел по тюрьмам (М. Н. К.), на тот же вопрос отвечает: „Несчастье? Вот в тюрьме сидишь, это несчастье. Я не могу объяснить“. — Расскажите что-нибудь приятное, радостное из вашей жизни. — „Ничего нет приятного в нашей жизни. Нешто вспомнишь, что было!“ — Что-нибудь самое страшное из вашей жизни. — „Вот когда стреляют в кого-нибудь. В 20-м году на Яузском бульваре одного товарища при мне застрелили. Я убежал: судьба, значит“. — Самое неприятное. — „Мало ли неприятного: между товарищами, бывает, поругаешься“. — Самое счастливое из вашей жизни. — „Год на воле гулял, вот самое большое счастье: с 21 года по 22-й“.

Дифференциальные оттенки эмоциональных переживаний определяются примитивом недостаточно тонко. Иные моменты он просто не понимает. Например, на вопрос: — Вспомните что-нибудь грустное из вашей жизни. — Ответ: „Грустное? Это я уж не знаю, что грустное. А что такое грустное? Это я уж не могу Вам объяснить, что такое „грустное слово“. — Вспомните что-нибудь страшное из вашей жизни. — „Страшный зверь какой-нибудь. Много есть кой-чего страшного... (Пауза). Еще что? — больше не знаю“. — Что-нибудь желанное. — „Желанное — что-нибудь, кого-нибудь жалеешь“. (Примитив понимает слово „жалеть“ в смысле „любить“. Ответы крестьянина 17 лет, убийца, М. Н. К.).

Путем такого же рода вопросов часто удастся отметить черты эмоциональной тупости. Вот, например, ответы 19-летнего юноши (учился 2 года в прогимназии; профессия — шофер: неожиданно для себя убил выстрелом из револьвера, который дал ему на хранение товарищ, своего брата — студента, с которым не ладил: брат упрекал его за беспорядоч-

ную жизнь. (М. Н. К.). На просьбу рассказать самое счастливое из его жизни, отвечает: „Самое счастливое? Ничего со мной не было самого счастливого“.—Самое несчастное.— „Со мной тоже особенно несчастного не было: вот в тюрьме сижу, в тюрьме сидишь“. Случайное убийство брата за несчастье не считает. Ответ очень типичен для примитивной психики с резко выраженными чертами эмоциональной тупости. Убийцы такого рода всегда считают себя страдательными лицами, а своих жертв виновниками своих страданий. „Я ее ненавижу, потому что из-за нее в тюрьме сижу“, говорит нам женщина, 35 лет, убившая свою подругу. Любопытно, что такой момент эмоциональной тупости всегда коррелирует с бедностью воображения испытуемого, а так как в основе воображения лежит чувство, то в этой бедности воображения мы видим косвенный признак отсутствия способности к чувству.

Вот конкретно-эмоциональная реакция на тот же вопрос: „Самым большим счастьем моей жизни является день моей свадьбы с любимой девушкой“. „Самым большим несчастьем — ее уход от меня“. (Ответ окончившего университет, 30 лет). Указываются реальные факты, которые у большинства людей вызвали бы аналогичные переживания. В ответе нет ни расплывчатости, ни неуверенности, ни негативизма.

Вот еще пример конкретно-эмоциональной реакции, где подчеркнут спокойный эмоциональный момент. Дана крестьянином 19 лет. (М. Н. К.). На вопрос о самом счастливом дне в его жизни отвечает: „Не могу вам дать такого ответа,—у меня не было счастливых дней“. (Отец испытуемого импульсивный, деспотический человек: жизнь была трудная). „Час — могу, когда отец уйдет,—сядешь и читаешь. Мать сидит там шьет“. (Мать любящая, эмоциональная). „А ты читаешь ей книжку вслух. Она любила слушать, неграмотная была, маленькие рассказы из хрестоматии“.

Иногда эмоциональный момент достигает силы аффекта. Если факты, его вызывающие, реальны, конкретны и, по своему, адекватны реакции, то мы имеем реакцию конкретно-аффективного типа, одною

стороною (по своей конкретности) близкую к конкретно-эмоциональной, — другою — к аффективно-абстрактной (по своей аффективности, однако, без абстрактного момента, без негативизма и манерничания). Вот реакция такого типа. Дана мальчиком, 13 лет (см. конкретно-аффективный тип ассоциативных реакций: отчетливо выражена аффективная память).—Вспомни и расскажи мне что-нибудь самое печальное из твоей жизни.—„Самое яркое страдание, очень мучительное, когда бабушка умерла, хотя сам не видел смерти ее. (В самых терминах: „яркое страдание, очень мучительное“,—выражен момент более интенсивный, чем простая эмоция,—именно, аффективное переживание события).—Самое страшное.—„Самое страшное,—когда я тонул на Уче (было 12 лет). Я все чувствовал и многое видел, все тело сдавило и голову, и грудь. Мама была на берегу и не замечала. Она не видела, она думала,—я балуюсь. Мама бросилась и меня вытащила. Когда вытащили, я несколько времени ничего не помнил. Когда стал опускаться, стал спокоен, как будто бы засыпал, видел зеленую воду, водоросли... Очень много я передумал в эту минуту. Что я передумал о маме! Что —если я по настоящему утону! Потом эти ощущения: опускаешься медленно и не можешь подняться, руки костенеют, в ушах шумит“. (Мальчик передает реальный факт из пережитого, но при одном воспоминании о нем заново аффективно переживает его). „Было и еще страшное: очень было неприятно—змею пришлось убить. Мне надо было ехать за Москву, к маме. Около Пречистенского бульвара я нашел змею,—вылезла из-под камня,—чуть ли не кобра (я очень люблю животных!). Я взял ее в мешок и принес домой. Потом узнал, что она очень ядовита. Раз вошли с мамой в комнату посмотреть змею, а она на нас бросилась. Очень большой страх за маму испытал. Не послушался мамы, которая за меня боялась. Схватил железный прут, вбежал в комнату и разможжил змее голову. А теперь и сама змея не дает мне покоя, все вспоминается“ (аффективная память), „часто мне снится. Мне ее как бы жалко, но иначе нельзя было: она могла бы всех перекусать. Очень неприятное переживание: что-то вроде

страха:—а тут еще мамы не послушался. Словом, очень сильное переживание“.— Всякий раз, когда мальчик передает прошлые эмоциональные переживания, внешняя экспрессия его лица координируется с заново переживаемым моментом. Особенно характерно это выражается при воспоминании о касторке, болезненная нелюбовь к которой доходит у мальчика до псевдогаллюцинаций. По тонкому наблюдению врача, защищаясь от этих воспоминаний, мальчик говорит: „Пожалуйста, не будем больше говорить об этом“,—и, видно, что-то подступает к горлу мальчика. Такова резко выраженная конкретно-аффективная реакция на данные вопросы.

Вот ответы на те же вопросы при реакции аффективно-абстрактного типа. Реакция дана бывшей слушательницей Археологического Института (см. реакцию на пятна и др.): „Самое острое ощущение счастья я испытала, неожиданно получив письмо от одного лица, которое считала погибшим или навсегда выбывшим из моей жизни, причем мое отношение к этому лицу не было тем, что в обычном смысле слова называют любовью. Но это ощущение было слишком сильно и причинило мне слишком мучительную психическую и, если хотите, даже физическую боль. Это было настолько мучительно, что я бы предпочла больше таких вещей не переживать. Предпочитаю счастье гармоничное, несколько более умеренное, которое мне недоступно“.— „Самую острую, прямо невыносимую боль я испытала при обстоятельствах, которые впоследствии я считала несравненно меньшим несчастьем, чем действительно самое большое несчастье моей жизни: смерть близкого человека“.

И в первом, и во втором ответе испытуемой интересна как бы двойная установка по отношению к одному и тому же факту: с одной стороны—аффект, прямо неадекватный ему, даже ■ личной абстрактной оценке испытуемой; с другой—абстрактное постулирование того, что должно бы быть самым большим счастьем и самым большим несчастьем для данного лица. Такая реакция основана на том, что у данного типа нет пластически гибких эмоций; есть или острый, или притупленный аффект. И тот, и другой момент от-

влекает от так называемого „переживания“ в собственном смысле слова. Аффект или резок, как боль, ■ потому не дает, собственно, „счастья“,—или притуплен, как отсутствие осязаемости, и не доходит до сознания. Отсюда и реакция лиц такого типа на любое событие всегда может быть неожиданной, не только для других, но и для них самих.

Аффект может быть так силен, что при затрагивании его появляется защитная реакция в виде негативизма, — бессознательного упрямства, нежелания идти навстречу тем вопросам, которые связаны с наиболее интимными, наиболее ранимыми моментами личности. Вот ряд интересных ответов на целую серию такого рода вопросов, которые касаются эмоциональной сферы испытуемой. Реакция дана девочкой, 14 лет, убившей мать. (М. П. К.). (Другие эмоциональные моменты данной личности указаны нами в монографии: „Случай матереубийства 14-летней девочкой“. Журнал „Право ■ Жизнь“, январь 1924 г.). — Назови мне все приятное, что было ■ твоей жизни.— „Я не буду говорить, я не люблю с чужими вспоминать. Близкие папа и мама (мачеха). С ними я вспоминаю“. (Негативизм; избирательная общительность). — Все неприятное¹⁾. — „И неприятное не буду вспоминать“. — Все интересное. — (Пауза). „Я не помню ничего. — Все неинтересное“. — „Я совсем вас не понимаю. Интересного и неинтересного так много. Я не люблю рассказывать“. — Все красивое. — (Пауза). „Я не знаю. Непонятные какие-то вопросы!“ — Все безобразное. — „Я ничего не знаю. Я знаю, но я не буду говорить. Портят настроение эти вопросы. Как вы начали, — все настроение испортили: такие странные, ну, как отвечать на них!“ — Все смешное. — „Не знаю. Так не придумаешь, — на это бывает настроение. Я, по крайней мере, ничего не припомню смешного“. — Все веселое. — „Я не откровенна. Нет, не помню ничего“. — Все грустное. — (Пауза). „Тоже не помню“. (Убедившись, что вопросы нейтральны, не касаются ее интимной жизни, делается довер-

¹⁾ Само собою разумеется, что вопросы ставятся не в такой грубой форме, как они формулированы здесь для краткости.

чивей и словоохотливей.) „Ах, нет! Вот вчера вечером сидела... у нас так тихо, ничего не слышно. Вот, ко всенощной звонили, без четверти девять, кажется, было; так грустно и хорошо! Бывает хорошая грусть, бывает плохая,—я отличаю, но объяснить не умею. Может быть, у меня только так бывает“. „Плохую грусть не помню“.—Все печальное.— „Ну, как я буду объяснять, не знаю. У меня печальное есть, да не могу объяснить“.—Все страшное.— (Резко). „Не буду! я боюсь! Не буду рассказывать!“ (Комплекс).—Все ужасное.— „Тоже не буду“.—Все счастливое.— (Пауза). „Вот мой папа и мама (мачеха) очень счастливы“ (повидимому, ей нравится обманывать себя, употребляя термин „мама“, как будто бы жива ее мать). „Ну, как объяснить, мне очень приятно слышать, что у них будет ребенок ■ ■ очень рада“.—Все несчастное.— „Не хочу! я не хочу вспоминать такого ничего. Так, вообще много плохого“.—Все желанное.— „Что такое желанное? Вот у мамы ребеночек скоро будет, а я очень люблю маленьких детей. Ну, вот я очень жду его“.—Все нежеланное.— (Пауза). „Нежеланное, это, если меня отсюда куда-нибудь поместят“ (из Психиатрической Клиники).—Смелое, отважное, трусливое, добродетельное.— „Не знаю“.—Порочное. (Пауза). „Не знаю... Ах, в том смысле! Ну, лгать, жестокость. Жестокость и бессердечие это, ведь, разное? Я жестокая... Жизнь была очень серая, хотелось ярких красок, а я нетерпеливая. Я глупая и ленивая. А я хитрая?! Нет? Это хорошо!“ (Аффективное самообвинение, доказывающее, что данные вопросы затрагивают личные комплексы).

Такие комплексы, аффекты можно провоцировать любым раздражителем, например, простым экспериментом на память. Той же девочке читается рассказ Тургенева „Воробей“, который, как известно, заканчивается словами: „Любовь сильнее смерти и страха смерти“. На просьбу изложить устно этот рассказ,—отказ (пауза): „Я долго продумаю, потому что я не знаю, как начинать. Так и начинать: я шел по аллее сада? да?“ (Пауза). „Как начинать—не знаю. Я не знаю. Как начинать... Я никак не умею. Я не буду вам говорить, не умею“. Через пять минут снова отказ.—Начни так: я шел

по аллее сада. — „Да кто „я“-то? Ведь, ■ же не знаю, я так не хочу! Я из упрямства не хочу говорить: я в плохом настроении“. (Негативизм). „Отчего плохое настроение? Не знаю. Только вышла за дверь, — стало плохое настроение. А если вы мне скажете: уходи, — будет обидно“. (Противоречие с самой собою). „Не знаю, кто шел... не знаю, кто шел... Скажите, как начать, — я буду тогда говорить. Я шел... Ну, как это „я шел?“ Он может так говорить, а я говорить не буду“. (После наведения). „Ну, Тургенев шел с охоты по аллее сада. Наверное, буду сейчас врать. Впереди бежала собака (пауза) и вдруг она остановилась ■ сделала стойку (пауза). Ну, он посмотрел по тому направлению, куда смотрела собака, и увидел маленького птенчика“. (Патологический смех). „Я не могу говорить: мне смешно, я не знаю“. (Патологический смех). Дальше идет вполне литературное изложение рассказа вплоть до заключительных слов, повидимому, вызвавших комплекс: „Дальше я не знаю. Там идет, как великая любовь... Чего-то такое — я забыла. Все! Сказано что-то про любовь, — а я не помню. Что-то неинтересное. Помню, что запомнится“. (Патологический смех в продолжении пол часа).

Когда аффект бывает выражен в более слабой степени, защитная реакция выражается не в виде негативизма, а в виде манерничания, которое основано все на той же раздвоенности, когда испытуемый колеблется между аффектом и абстракцией. Отсюда неуверенность в собственной искренности. Та же испытуемая (14-летняя девочка) нам говорила: „Мне кажется, что я притворяюсь перед самою собою“.

Еще ярче этот момент кажущегося „притворства“ выражен в следующей реакции, которая дана 18-летней девушкой, окончившей 2-ю ступень, похитившей у своего дяди 300 казенных червонцев. (М. Н. К.). На вопрос о самом большом несчастье в ее жизни отвечает: „Для меня несчастного ничего нет. Вот я в тюрьме, но не чувствую себя несчастной“. (Очевидно, абстрактное представление о том, что должен переживать человек ■ несчастья, не совпадает по силе с действительными, несколько притупленными, переживаниями испытуемой, — отсюда вывод: „Для меня несчаст-

ного ничего нет"). — А, положим, смерть вашей матери была ли бы для вас несчастьем? — „Как вам сказать! Если скажу, что это несчастье для меня, то я не буду искренна“. (Опять та же реакция. Аффективная боязнь притворства). „Несчастье — если я буду калекой“. (Эгоцентризм. Из анализа ее слов выясняется, что это построение больше абстрактное, чем аффективное). — Наслаждение. — „Наслаждение, когда я чем-нибудь очень занята. В минуту отдыха после работы. Удовлетворение это редко бывает“. (Очевидно, когда мысли ее поглощены не собственной личностью, а чем-то другим). — Что-нибудь счастливое из вашей жизни. — „Счастье? Это, как вам сказать!“ (Пауза). „Ведь, счастье, в сущности, никогда не бывает. А когда достигнешь, то нет счастья. Счастье ■ общем — то, что человек понимает самым прекрасным“. (Дано два момента; в аффективном переживании счастье не испытывается; абстрактно оно осознается и формулируется с точки зрения абсолютного эстетизма). „Может быть, счастье для меня найти цель ■ жизни, — определиться“. (Стремление к абстрактной, принципиальной, может быть, парадоксально принципиальной установке ■ жизни). — А что вы считаете прекрасным, красивым? — „Вот, например, момент, в которой я взяла деньги из портфеля дяди. Мне казалось: чорт возьми! как будет красиво взять под носом у всех“. (Деньги взяты в момент упадка, уныния, в момент отсутствия ощущения ярких жизненных красок). „Не взяла бы, если бы взять было легко. Красиво то, что ловко взяла. Красива сама опасность“.

Действительно ли так оценивался момент правонарушения, или такая оценка дана теперь, *post factum*, — все равно, мы имеем здесь дело с „поэзией“ правонарушения. Часто встречающийся момент на фоне аффективно-абстрактной реакции. Правонарушение, как и вообще все из ряда вон выходящее, считается „красивым“, так как у лиц аффективно-абстрактных только такие моменты доходят до сознания с достаточной яркостью и дают им ощущение реальности бытия. При ослабленности функции восприятия реального (см. выше) все остальные моменты кажутся лицам этого типа слишком бледными, приглушенными и не задевают их.

Именно этому типу труднее всего найти поэзию в обыденном, новое в том, что старо, как повседневная жизнь. Чтобы извлечь неожиданное из обыкновенного — для этого одно средство: углубиться в реальное, что конституционально невозможно при типе с аффективно-абстрактной реакцией. Отсюда судорожное, болезненное искание незаурядного, „фрапирующего“, что могло бы путем восприятия „ударного“ характера вернуть свежесть поблекшим ощущениям.

Любопытно, что один из ее компаньонов по данному делу, лишь из „солидарности“ замешанный в него, окончивший 2-ю ступень, 19 лет (см. его реакцию на мышление и ассоциации), чистый тип аффективно-абстрактного склада, без импульсивности, созерцательно-пассивный, который совершенно не обладает конкретными образами, а отсюда и способностью вчувствоваться, — на прямой вопрос: — не чувствовал ли он, при его интеллигентности ■ гуманности, жалости к потерпевшему (у которого украли казенные деньги)? — просто ответил: „Если бы ограбленный человек был тут близко и страдал, и я бы его видел, я бы почувствовал это, а так, абстрактно, мне его не жаль: ■ не могу себе его вообразить“. В данном случае, не следует смешивать два оттенка, заключающихся в термине „воображение“. В одном смысле „вообразить“ значит ясно представить действительную ситуацию, имевшую место в реальной жизни, — в другом смысле — вообразить себе что-либо, никогда не имевшее место в действительности. В первом случае необходимо иметь живой контакт с окружающим и способность живо воспроизводить реальные события и реальных лиц с их переживаниями, как они выражаются во вне. Во втором — воплощать те или иные субъективные переживания в реальные события и переживания лиц, никогда не существовавших. Лицам аффективно-абстрактного типа присуще воображение второго оттенка, — отсюда их склонность к литературному творчеству. С точки зрения того же испытуемого, „самый величайший порок — пошлость, мещанство“ (искание незаурядного). „Боязнь, что привыкнешь к тюрьме ■ лишишься чувства протеста“.

Совершенно также, испытуемый, окончивший факультет общественных наук Московского Университета, 22 лет (см. его реакцию на пятна), товарищ 18-летнего студента того же факультета, застрелившего общего им обоим товарища по школе (см. его реакцию на творчество), говорит по поводу переживаний убившего, подчеркивая его эгоцентризм, присущий аффективному-абстрактному типу: „Для него существует только он сам, а все люди — остальные“. Имманентно входя в переживания убившего, он объясняет их следующим образом: „Для него существует то, что входит в круг его личных интересов. Он понимал: Я убью, а что Х умрет, этого он не понимал, — поэтому ему нечего жалеть убитого. Не было связи между причиной и следствием, как у меня самого. Я, например, служу, но нет у меня чувства того, что это мне необходимо, чтобы жить. Я сажусь в поезд и три часа еду на дачу, но как-то не понимаю того, что через три часа этот поезд привезет меня на дачу. Человек нашего типа не понимает того, что делает, потому что это все строится абстрактно. Я и сам, когда слышал об убийстве и не видел трупа убитого и горя родителей, — и я ничего не понимал. Вот он хотел товарища такого убить, — убил в темноте в упор. Крови не видел. Горя родителей не видел. Если бы мне пришлось убить человека и ничего бы я не видел, то это не произвело бы на меня впечатления. Когда бы он труп увидел, — я уверен, бог знает, как подействовало бы это на него. Мне самому ужасно было именно видеть, а рассказывают пусть, что угодно. Нужно посмотреть, чтобы пережить“.

Интересно отметить, что многие лица этого типа гораздо ярче переживают во сне те же моменты, которые в действительной жизни как бы прошли мимо них, — так как здесь, при большой расслабленности психики, у них не возникает защитной реакции и они полностью отдаются во власть аффективных переживаний, неотвлекаемые к тому же мелочами повседневной жизни.

Что касается интеллектуально-волевой реакции на те же вопросы, то здесь мы имеем недовольство собой там, где эмоции побеждают интеллект, и, наоборот, удовлетворение

там, где интеллект побеждает эмоции. Вот реакция лица с высшим образованием, 44 лет (интеллектуально-волевой тип по преобладающей установке психики): „Я считаю самым большим своим несчастьем вынужденную измену своим принципам, для спасения другого, — самым большим счастьем — победу над искушениями“.

Поскольку в основе нашей работы лежит понятие о личности, как функциональном единстве (однако, с дифференциальной установкой доминанты, зависящей от той или иной психической конституции), — ясно, что каждой личности свойственен любой психический момент, — только у одной личности он стоит на первом плане, у другой, наоборот, затушеван. На этом основано взаимное понимание индивидуумов. Но в то же время, поскольку доминирующие моменты различны (в зависимости от того или иного типа психической конституции), постольку же различны ■ типы реакций.

Как мы уже говорили, экспериментальное исследование эмоций, как самого интимного момента личности, не может иметь обособленного от общей психической конституции характера, особенно при элементарных приемах исследования. Кроме того, в этой области больше, чем в какой-либо другой, происходит частое взаимное непонимание исследователей, основанное на смешении терминов. Например, здесь инстинкт понимается часто, как эмоция; понятия эмоциональности, аффективности, импульсивности не расчленяется по своим психологическим оттенкам ⁶⁸.

9. Иногда к отделу исследования эмоций относят ⁶⁹ экспериментальное исследование по Якобсону; между тем, как обычно, им пользуются для выяснения уровня социально-правовых понятий. Для нас несущественно, относить ли данный прием исследования к испытанию эмоций или понятий, так как это не имеет значения для нашей цели: выяснения типа психической конституции.

Семь примеров правонарушений по тексту Якобсона ⁷⁰, равно как и лично нами придуманные вопросы, вроде следующих: 1) как поступил бы испытуемый, если бы нашел бумажник с деньгами и адресом потерявшего? 2) куда поместил бы свое правонарушение в порядке тех, которые ука-

заны у Якобсона? и т. п., вызывают такие же различия реакций, как и все прочие экспериментальные приемы. Наша практика показала, что наиболее характерная реакция на этот эксперимент дается примитивом или несовершеннолетними. Для культурной взрослой психики он оказывается слишком элементарным.

При реакции примитива мы встречаем узкую эгоцентрическую оценку проступков, однако, вполне гармонирующую с примитивными знаниями испытуемого.

Например, вор-рецидивист, 48 лет (М. Н. К.), распределяет правонарушения по тесту Якобсона в следующем порядке: 1) Ружье, 2) Булка, 3) Отчим, 4) Пакет, 5) Велосипед, 6) Служащий, 7) Ювелир. Мотивация оценки проступков ориентируется в принципах законодательств старого и нового времени, ■ на-ряду с этим дается психологический анализ генезиса правонарушений, основанный на личном опыте. Испытуемый сам совершил первое правонарушение случайно, будучи мальчиком; затем „специализировался“. Первым читается рассказ об отправке по почте пакета без оплаты. Оценка: „Для мальчика это тяжелое правонарушение, потому что он делает первое преступление. Уже с таких мелких преступлений люди впадают в крупные ошибки“. Вторым читается рассказ о вооруженным ограблении ювелира. Оценка: „Как вам сказать, этот (проступок) легче, чем пакет или одно и то же. Это продолжение того же, — вошло в привычку. Это чуть ли не одно лицо, — сначала 12-и лет, потом 16-и. Так входит в привычку“. (Примитивное неумение сделать объективную оценку проступка. Судит из личного опыта). Далее, хотя считает „Булку“ вовсе не преступлением, „потому что это голодный человек сделал“. (Примитивы-правонарушители всегда учитывают, был ли человек, совершающий правонарушение, голоден и имел ли место, или нет). „Никогда не судили за это“. (Ориентировка в законодательствах). Однако, проступок с ружьем считает еще легче, потому что „тут есть, ведь, маленькая кража, хищение, а там простая детская шутка и неумышленность“. Убийство отчима — „это тоже преступление легкое, — самозащита, или он очень любил мать свою.

За это присудили бы мало и в старое время, и в новое". (Ориентировка в законодательствах). Служащий, подделавший чек. — „Это подделка, это мошенничество. По настоящим законам это чуть ли не тяжелее всех, а в мирное время три месяца получил бы. Это самое легкое наказание". Кражу велосипеда кратко оценивает: „Это также не хороший поступок". Находит, что личные его правонарушения ни к одному из этой серии не подходят: „Скорее всего к ограблению ювелира, но только здесь с убийством, а у меня этого нет".

Варианты реакций по эксперименту Якобсона на примитивном фоне (при неярко выраженном конституциональном моменте) не разнообразны. Оценка всегда утилитарна и не лишена некоторой своеобразной принципиальности. Так, примитив не понимает, например, сходства между кражей и присвоенный находкой. При вопросе, как бы он поступил, если бы нашел бумажник с деньгами и адресом того, кто их потерял, — для примитива обычен ответ: „Деньги взял бы себе, бумажник ему бы отправил". — А не было ли бы это кражей? — „Нет, это находка. Какая же это кража! Было бы, ежели сказано: вознаграждения половина за отдачу, — я бы, ладно, отнес половину". Типичная реакция примитива дана растратчиком казенных денег, крестьянином, 23 лет (М. Н. К.). Он же субъективно оценивает правонарушение с пакетом, как „легкий случай, потому что это государство обидеть: у государства запасы есть, — а это человека, когда велосипед украл". Служащий, подделавший чек — „правонарушение легкое, конечно, потому что тут государство. Он сделал пользу себе и учреждение никакого краха не потерпело. Только теперь здорово сажают за это".

Таким образом, на чисто примитивной реакции по эксперименту Якобсона мы встречаемся как бы с олицетворением античного тезиса Сократа: „Добродетель есть знание, грешат только по незнанию" и т. д. Примитивное знание, примитивные правовые понятия вполне гармонируют и с примитивными проступками. По этим данным мы выделяем особый „тип правонарушителя примитива".

Наоборот, при конкретно-эмоциональной реакции мы часто встречаем объективно правильную оценку указанных правонарушений и в то же время несогласованное с этой оценкой поведение испытуемого (факты из жизни, личные признания, заметки в дневниках, правонарушения). В основе конкретно-эмоциональной и еще более конкретно-импульсивной реакции мы видим тезис, обратный вышеприведенному („добродетель есть знание“): здесь скорее применим тезис Овидия: „Вижу лучшее ■ одобряю, — и делаю худшее“. Вот почему для такого типа (с нормальным интеллектуальным уровнем) этот эксперимент не типичен. Оценка может быть вполне объективной, но поступки не согласованы с здравомыслием испытуемого. Именно этот тип сперва действует, потом думает и раскаивается, особенно там, где резко выделяется импульсивный момент.

Так, один испытуемый, 19 лет, окончивший четыре класса городской школы (М. Н. К.), после того как ушел с фабрики и остался без места, под влиянием голода, сделал себе маску и, вооружившись пугачем, ограбил на несколько рублей испугавшегося прохожего, которого сам смертельно боялся. Когда голод был удовлетворен, испытуемый сам заявил о своем поступке. Про себя он говорит: „Сперва действую (решаю), а потом думаю. Со всех сторон разбираешь, плохо сделал или хорошо, — следующий раз стараешься не делать“. На том же основании он утверждает, что больше уже красть и грабить никогда не будет. Любопытен его ответ на вопрос: Что такое кража? — После паузы в 10 сек.: „Кража, это — взять что-нибудь такое чужое, не свое; грабеж — тоже отнять у кого-нибудь достояние, но только в таком виде: с насилием. Грабеж хуже. Вот мое дело больше похоже на грабеж, потому что на кражу тоже нужно иметь способность“ (обдумать и приспособиться). „А грабеж — я просто собрался и готово. Грабеж сделать легче (ему), чем кражу. Зато и карается по грабежу тяжелее. Такие быстрые реакции, неодобряемые самим действующим лицом, провоцируются по большей части чисто экзогенными факторами, которые обостряют импульсивность (как в данном случае — голод), и, наоборот, при благоприятных внешних условиях психика гармонизируется.

Для реакции аффективно-абстрактного типа эксперимент по Якобсону нехарактерен, так как в данных примерах нет мотивации правонарушений. Между тем, лиц этого типа интересует именно идеология, лежащая в основе тех или иных поступков. Иногда нам приходилось встречать в реакциях этого типа, например, такую оценку: кража булки оказывается худшим поступком, чем подделка чека, потому что в первом случае это было результатом распушенности, — ребенок не мог сдержать своего голода до прихода матери, — во втором — была оправдывающая в глазах аффективно-абстрактного типа идеология. Часто такая субъективная идеология, создавшаяся на основе аффекта, прямо, неотносящегося к данному случаю, и приводит к правонарушению, — иногда же в основе последнего лежит непосредственный аффект, лишь сплетающийся с той или иной идеологией, которая всегда налицо.

Наконец, при интеллектуально-волевой установке мы встречаем принципиальную объективность оценки правонарушений, гармонирующую с личным поведением испытуемого. Здесь снова выступает на сцену тезис Сократа: „Добродетель есть знание“, который отчасти был приложим и к предыдущей реакции. Вот почему для нас не столько важен порядок расположения проступков, сколько та мотивировка, которой руководствуется при этом испытуемый.

Таким образом, возникает возможность наметить этиологию правонарушений в связи с различными типами психических конституций, возможность заложить основы криминальной психологии. Не последняя роль в данной проблеме должна быть отведена уяснению взаимоотношения между развитым воображением и способностью к вчувствованию — с одной стороны, — и с другой — большей или меньшей жестокостью по отношению к потерпевшим, или же симпатическим вчувствованием в чужие переживания. И в этом вопросе мы встречаем полную согласованность с типами различных психических конституций.

Отсутствие „вообразимости“, „образности“, тесно связанные с отсутствием способности к вчувствованию, мы встречаем часто у лиц примитивной психики; из этой кор-

реляции возникает проблема о развитии социально-правовых эмоций в связи с общим повышением культурного уровня индивидуума, где, на-ряду с эволюцией знания, возможно и эволюция воображения, вчувствования ■ т. п. Такая возможность социально-педагогического воспитания вчувствования оправдывается наблюдениями над примитивной детской психикой, где воображение, тесно связанное с жизнью чувств, развивается постепенно. У детей сопереживания начинаются с внешнего подражания, переходят во внутреннее подражание и т. д. ⁷¹. Примитивная психика взрослого во многом напоминает психику ребенка.

Лица конкретно-эмоционального типа реакции обладают большею гибкостью как воображения, так и способности к вчувствованию, однако, при лабильности их эмоций они не обладают стойкой волей.

Наоборот, вчувствование, если и присуще лицам с аффективно-абстрактной реакцией, то оно носит иной, более отвлеченный характер, так как, в силу защитной реакции от слишком аффективных моментов, лица этого типа отгораживаются от целого ряда впечатлений. При этом создается абстрактный подход к чужим переживаниям. Вот почему лица такого типа прямо говорят, что им не жаль пострадавших, потому что они только абстрактно думают о них, конкретно их не воображают, а, следовательно, им трудно и вчувствоваться в их переживания. Зато, если вчувствование осуществится, то на основе данного типа вместо гармонических эмоций оно вызовет слишком интенсивный аффект, неадекватный событию.

Что касается лиц с интеллектуально-волевой реакцией, у которых эмоции налицо, но где они подчинены интеллекту—воле, то именно здесь Сократово учение: „Добродетель есть знание“ превращается из чисто абстрактной концепции, которая свойственна лицам аффективно-абстрактным, в глубокую и важную истину, где знание понимается, в смысле яркого представления добра и зла, а, следовательно, где на-ряду со знанием имеется еще способность вчувствования ⁷².

Итак, мы видим, что у испытуемых могут встречаться:

верные знания (правильные понятия, суждения), верные оценки поступков и согласованные с ними действия (интеллектуально-волевой тип); или, наоборот, неправильные знания и согласованные с ними действия (примитив и аффективно-абстрактный тип, — здесь крайности сходятся); или, наконец, правильные знания и несогласованные с ними действия (импульсивные и конкретно-эмоциональный тип). Если первый момент тесно связан с той функцией, которую в психологии принято называть волей, то второй — с автоматизмом, внушаемостью (безволием). К рассмотрению реакций, в которых выражается внушаемость, мы теперь и обратимся.

10. На реакциях наших испытуемых мы отмечаем различные степени и виды внушаемости, связанные с той или иной психической конституцией.

В последнее время (главным образом, в психотерапии) различают два главных типа внушаемости: „во-первых, внушение в состоянии бодрствования и, во-вторых, гипноз“ ⁷³. Оказывается, что лица конкретно-эмоциональной реакции легче поддаются внушению в состоянии бодрствования и маловнушаемы в состоянии гипнотического сна. Наоборот, лица с аффективно-абстрактной реакцией маловнушаемы или почти совсем невнушаемы в состоянии бодрствования (так как они негативисты), но очень внушаемы в состоянии гипноза ⁷⁴. Этот факт говорит снова о важности проблемы изучения психических конституций также и для психоанализа и для того или другого психотерапевтического влияния на личность. На этом вопросе мы пока останавливаться не будем.

Мы остановимся лишь на самом элементарном способе исследования внушаемости по той же картинке из книги Шверна, которой мы пользовались при исследовании восприятия (см. прим. 10 и 11). После того как указанная картинка просмотрена в течение одной минуты и воспринятое изложено с теми или иными особенностями психических реакций (см. типы восприятия), мы задаем тут же наводящие вопросы, внушая испытуемому ряд предметов, на картинке несуществующих. Там, где мы встречаем более или

менее чисто выраженную реакцию п р и м и т и в а, без резких конституциональных уклонений (в сторону аффективно-абстрактную), мы всегда имеем налицо элементы в н у ш а е м о с т и. Примитив, как таковой, в н у ш а е м р а г е x c e l l e n c e. Эта внушаемость основана и на узости его сознания: малой распределенности внимания примитива (см. ниже), — и на его излишней доверчивости к тому, что говорит исследователь, — и на склонности примитива смешивать вымысел и действительность (неясность его восприятия).

Так, 17-летний крестьянин, убийца (М. Н. К.), изложил данную картинку следующим образом: „Мальчик обут ■ черных ботинках, зеленые брюки, длинненький пиджачек. Мать чтоль это его? одета — белое платье такое“ (платье голубое отсутствие стойкой дифференциации цветов) „красный передник, хлеб у ней или, как вам сказать? белый пирог, что ли? в руках. Сумка мальчика, синяя она (неверно), белое лицо и у матери также белое лицо. Больше там чего же? Больше там у них нет ничего“. Вот его ответы на наводящие вопросы: 1) Каков общий смысл картинки? — „Он сидит, кушает; она ему дает еду“. — 2) Дверь есть? — „Кто ее знает, дверь есть или нет. Дверь, конечно, есть, как же ■ нее входили то!“ (Рациональная догадка). — 3) Открытая или закрытая? — „Не запомню что-то. Дверь я не запомню. Честное слово“. — 4) Ну, а где находится дверь? „Она за ней“ (т.-е. за женщиной: правильность восприятия ■ неточность фиксации воспринятого). „Около сундука. Сундук там есть или комод что ли“. (Снова неясность дифференцировки воспринятого). — 5) Опишите сундук. — „Сундук, клетками он какими-то железными, перебит он“. — 6) Что стоит на сундуке? — „Цветы красные“. 7) На какой стороне окно (несуществующее)? — „Окно это я... Окно я не заметил. Ей богу, не могу сказать“. (Нет уверенности в том, что окна нет. Не говорит, что окна нет, а что не заметил его: доверчивость к словам экспериментатора бо́льшая, чем к собственному восприятию). — 8) А какого цвета (несуществующая) скатерть? — „Где? на столе? Белая она у них“. (Та же внушаемость, основанная на доверчивости и рациональной догадке). — 9) Что лежит на столе? — „Ножик“. — А еще что? — „Чтой-то я там...

хлеб у ней на столе лежит: в руках у ней ■ на столе“ (Правильно). — 10) Где стоит лампа? — „Лампа?“ (Смеется). „Лампы я, честное слово, не заметил. Не видал даже ее, думается“. (Удивляется тому, что не видал того, что там есть. Он верит в то, что данные предметы на картинке фигурируют). — 11) — Где сидит кот? — (Пауза: выражение большего удивления). „Кот? Там нешто кот был?“ (Та же доверчивость). — 12) А где стоит половая щетка? — „А ■ угле она стоит-то. В угле“. (Внушаемость).

Через три дня приблизительно та же экспозиция картины, но уже вставляется в конце: „Окно есть“. На наводящие вопросы: 1) На какой стороне окно? — „Кто е знает. Не знаю. На правой ли, на левой. Это не упомяну“. — 2) Окно раскрыто или закрыто? — „Окно? Окно закрыто, думается“. (Идет дальше по линии внушаемости). — 3) Есть ли на окне занавески? — „Нету занавесок“. — 4) Что видно из двери? — „Из двери? А я не видал там, что видно, я не видал“. (Возможно, что путает дверь с окном). — 5) Где находится лампа? — „Не догадался, где стоит“. (Прежняя доверчивость. — 6) Какого цвета скатерть? — „Белого цвета“. — 7) Где стоит половая щетка? — „В углу она стоит“. — 8) В каком? — „Кто е знает ■ каком“. (Неточность фиксации внушенного предмета, — скорее доверчивость, чем реально воображенный предмет). — 9) Где сидит кот? — „Я его не заметил“. (Прежняя доверчивость) и т. д. Много раз повторенный эксперимент (через промежуток дней в пять) давал приблизительно аналогичные результаты.

Здесь на фоне не совсем ясного восприятия мы имели внушаемость, но внушаемость не болезную, а примитивную, основанную, главным образом, на доверии к словам экспериментатора. Эта внушаемость все время оставалась как бы п а с с и в н о ю, не переходя в форму фантастических построений (не свойственных примитиву), как это свойственно лицам с ярко выраженной эмоциональностью ■ аффективностью.

Вот тип внушаемости при конкретно-эмоциональной реакции. Дана девочкой, 8 лет, (М. Ш.-С.), с резко выраженными истероидными чертами, с быстрым переходом от плача к смеху и обратно. Девочка смышленная, живая,

с повышенной эмоциональностью, интеллектуально одаренная. Не фантазерка: реальное любит больше вымыслов. При эксперименте на пятна обнаруживает слишком большую трезвость для своего 8-летнего возраста. Общая экспозиция картинки на первом эксперименте: „Прислуга дает мальчику есть. Стол. Потом, на стуле мальчик сидит, ест хлеб“. Вот некоторые из наводящих вопросов, тотчас же предложенных ей:— 1) Опиши костюмы мальчика и женщины. — Исполняет точно в соответствующих красках. — 2) Где стояла печка? — „За женщиной“. (Вместо сундука). Сама сейчас же добавляет: „На печке кастрюля“. (Вместо цветка на сундуке. В н у ш а е м о с т ь а к т и в н о г о т и п а : надо дать только соответствующую канву для построений). — 3) Какая дверь и куда она выходит? — „Дверь одностворчатая“ (верно), „выходит ■ сад“. (Не верно). — 4) Есть ли на двери занавески? — „Занавески есть“. (Не верно). „Цвета их не помню“. — 5) Куда выходит окно? — „Окно выходит в сад“. (Окна нет). — 6) С какой стороны находится окно и что на нем стоит? — „Не помню“. — 7) Что было на полу, около мальчика? — „Не помню“. (Узость сознания и нераспределенность внимания: не помнит действительно существующих на картине предметов). — 8) Что было на столе? — „Хлеб, ножик. Мальчик ест масло“. (Внесла лишнее). — 9) Где сидит кошка? — „Не помню“. — 10) Где стоит половая щетка? — „В углу“. (Щетки нет). — 11) Где лежит ранец? — „Не помню“. (Зафиксировала не все, что изображено на картинке, — узость сознания, — и потому легко вносит вместо одних предметов — другие, несуществующие).

Через два дня снова кратко излагает картинку: „Мальчик ел хлеб. Потом прислуга ему давала еще хлеб. Не помню больше“. На наводящие вопросы верно описывает ситуацию ■ костюмы персонажей, но на вопрос, — что находится на столе? — отвечает: „На столе скатерть, хлеб и масло“. (Ак т и в н о в н о с и т н е с у щ е с т в у ю щ и е п о п о д с к а з а н н о м у н а м е к у). — 2) Где сидела кошка? — „У печки“. — 3) Что видно из двери? — „Сад“. — 4) На какой стороне окно? — „На левой“. — 5) Какого цвета занавески? — „Белого“. — 6) Что видно из окна? — „Поле“. — 7) Что стояло на подоконнике? — „Цветы“. — 8) Что было сзади женщины? — „Печка“. — 9) Какого

цвета? — „Коричневого“. 10) Что было на печке? — „Кастрюли“. — 11) А труба была? — „Была: шла через окно“. (Активное дополнение внушенного). — 12) Где стояла половая щетка? — „В углу налево“. — 13) Что было под стулом? — „Кошка? Нет?“ (Под стулом стоял кувшин). — 14) Где был кувшин? — „Не помню“. (Узость внимания. Не все предметы зафиксированы). — 15) Что лежало на полу? — „Ранец“. — 16) Что еще было? — „Стол длинный, коричневый, скатерть белая“. — 17) Солонка была? — „Была“.

Еще через два дня при самостоятельном рассказе передает картинку в общем правильно, но наводящие вопросы снова внушают ей несуществующие предметы. „Мальчик сидит за столом и ест хлеб. Прислуга дает ему еще. Потом это — мальчик, у него зеленая курточка, красные штаны. У прислуги зеленое платье и красный фартук. Под стулом мальчика стоит кувшин. (Бессознательно воспринятый предмет только теперь дошел до сознания). Дальше идет активная трансформация картинки на основе внушенных моментов: „Справа печка. Потом слева метла стоит. Окно. Справа дверь, потом ранец лежит в углу. Слева кошка: греется у печки. Больше там ничего не было. Занавески были белые, на окне. На окне стоял цветок. Из окна виден сад. Поле видно, деревьев несколько. Больше там ничего нет. Из двери тоже видно сад и поле. Скатерть на столе белая. Еще соль и масло, и ножик также лежит. На печке труба есть и кастрюли стоят“. Такова резко выраженная внушаемость.

Разумеется, такая внушаемость не зависит от возраста девочки. Мы прослеживали, что в одном и том же возрасте внушаемость зависит от различия психических конституций. Конечно, и здесь параллельно можно также проследить внушаемость, поскольку она зависит и от возраста, например, остановиться на анализе лиц одной и той же психической конституции в разном возрасте; или, например, рассмотреть большую или меньшую внушаемость девочек (или женщин) сравнительно с мальчиками (или мужчинами) одного и того же типа. Но это уже особые задачи.

Дальнейшая особенность конкретно-эмоциональной реакции на данную картинку, это—самостоятельное внесение в картинку предметов, не внушенных извне, но самовнушенных. Реакция дана девочкой 10 лет (ср. ее реакцию на пятна. Истеришка: маниакальное состояние. М. Ш.-С.). Первая самостоятельная реакция: „Мальчик сидел. Под стулом был ранец. На столе стояла кринка с молоком и хлеб. На окне сидел кот. Серый, с большими усами. С розовым бантиком“. (Самовнушение). Вот некоторые из наводящих вопросов: 1) Что видно из открытой двери? — „Деревья и лужок, и голубое небо“. — 2) Есть там окно? „А на чем сидит кот?“ (ею же самой посаженный несуществующий кот на несуществующее окно). — 3) Что видно из окна? — „Только голубое небо?“ — 4) Какого цвета занавески на окне? — „Белые“. — 5) А завязки на них? — „Не помню“. — 7) Где стояла половая щетка? — „В углу, около двери“. — 8) Что стояло на столе? — „Хлеб. Кринка стояла“. — 9) Кто изображен на картине? — „Один мальчик“. (Узость внимания: не заметила женщины). — 10) Что делал мальчик? — „Сидел на стуле“. — 11) Что делала женщина? — „Не помню“.

Через два дня, когда девочка была более спокойна, изображенные на картинке предметы принимают бóльшую устойчивость в ее памяти: привнесенное, наоборот, мало-по-малу исчезает: „Сидит на стуле мальчик. Под стулом стоит кувшин. Стоит женщина. Пол желтый. Окно. Кот. В окно нечего не видно. В дверь ничего не видно: вы обманываете“ и т. д. постепенно внушенные предметы все более отпадают.

Таким образом, в конкретно-эмоциональной реакции мы имеем наличие внушаемости разных видов, от пассивного приятия предметов, внушенных экспериментатором, до самостоятельной трансформации картинки. Однако, эта внушаемость зависит лишь от узости и нераспределенности внимания и ничего общего не имеет с расстройством восприятия, которое у испытуемых такого типа всегда точно.

Наоборот, при аффективно-абстрактной реакции на данный эксперимент внушаемости почти не обнаруживается, — скорее наблюдается негативизм. Вот такая

реакция, но без признаков негативизма, дана бывшей слушательницей Археологического института. (М. П. К.). Самостоятельная передача точная и подробная. Наводящие вопросы: — Дверь была? — „Была открытая“. — 2) Что лежит на столе? — „Нож и хлеб“. — 3) Что в руках у женщины? — „Хлеб“. — 4) Какого цвета скатерть? — „Вот это совершенно у меня испарилось. Как будто, нет скатерти“. (Верно). — 5) Опишите сундук. — „Коричневато-желтоватый, из досок и, кажется, сбит гвоздями. Это ящик, а не сундук“. — 6) На какой стороне окно? — „Окна нет“. — 7) А какие занавески? — „А также и занавесок нет“. — 8) Где стоит половая щетка? — „Щетки нет“. — 9) Где сидит кот? — „Кота нет“. Через два дня, еще через два дня и т. д. приблизительно то же изложение и то же отсутствие внушаемости.

Вот реакция того же типа с чертами резко выраженного негативизма. Дана девочкой 14 лет, убившей свою мать. (М. П. К.). (См. её реакцию на восприятие, также нашу статью о ней — „Право и Жизнь“ 1924 г., январь, где указывается важная роль негативистического момента в этиологии данного правонарушения). На наводящие вопросы испытуемая отвечает так: 1) Дверь есть на картинке? — „Да — открыта“. — 2) Что видно из двери? — „Я ничего не видала. Да, открыта, но я ничего не видала... Ну, пространство, больше ничего“. — 3) На какой стороне окно? — „Окна нет“. — 4) Что лежит на столе? — „Ничего“. (Не верно. Вся установка ответа негативистического характера, — сторона обратная внушаемости, — тот же автоматизм). — 5) А где лежит ножик? — „Ножа нету“. (Нож отрицается потому, что аффективно-запомнился лишь хлеб и несуществующее в горшке варенье). 6) А где находится хлеб? — „В руках у мальчика и у матери: у него ломоть, а у нее весь хлеб“. — 7) Где стоит половая щетка? — „Щетки нету“. — 8) А какой ковер? — „Ковра нету“. — 9) Какие на мальчике чулки? — „Я не помню“. — 10) Где сидит кот? — „Кота нет“. — 11) Какого цвета дверь? — „Коричневатого“.

Через четыре дня: 1) Дверь есть? — „Есть — открыта“. — 2) Что видно из двери? — „Пространство“. — 3) Что лежит на столе? — „Ничего“. — 4) На какой стороне окно? — „Окна

нет“. — 5) Где лежит ножик? — „Н о ж а т о ж е н е т“. — 6) Где находится хлеб? — „Хлеб в руках у матери и у мальчика“. — 7) Какого цвета скатерть? — „Скатерти нет“. — 8) Есть ли на двери занавески. — „Нет“. — 9) Где сидит кот. — „Кота нет“. — 10) Что лежит на полу? — „Ранец с т о и т красный“. (Негативизм: вместо „лежит“ — „стоит“). — 11) А еще что? — „Больше, кажется, ничего“. 12) А где стоит кувшин? — „К у в ш и н а н е т“. („Горшок“ с воображаемым вареньем вытеснен из памяти при наводящих вопросах: он фигурирует только в аффективном построении ситуации: „Мать подает ему вместо горшка с вареньем хлеб“ и т. д.). — 13) Где стоит половая щетка? — „Ее нет“.

Еще через три дня: 1) Дверь есть? — „Есть — открыта“. — 2) На какой стороне окно? — „Окна нет“. — 3) Что лежит на столе? — „Н и ч е г о н е т т о ж е“. — 4) Какого цвета скатерть? — „Скатерти нет“. — 5) Что лежит на полу? — „Т о л ь к о ранец стоит“. (Словом „только“ заранее отрицается возможность того, что на полу есть что-то еще). — 6) Где стоит кувшин? — „Его нету“. — 7) Где сидит кот? — „Кота нет“. — 8) Где стоит половая щетка? — „Ее нет“. — 9) Где стоит сундук? — „Его нет“. — 10) А на чем же стоят цветы? — „Н а я щ и к е“. — 11) Опиши ящик. — „Квадратный ящик желтого цвета. Он без крышки. У него совсем не такая форма, как у сундука. В ящике не видно ничего, — может быть, он опрокинут, может быть, отверстие с такой стороны, с которой не видно. Потому что ящик вообще без крышки бывают, заколачивается досками и все... В общем запуталась я с этим ящиком“. (Аффективное построение, в результате которого отвергнут сходный термин „сундук“. Вероятно, потому же было отвергнуто существование „кувшина“, так как он носил у испытуемой название горшка. Очевидно, в самом термине „горшок“ заключался специфический смысл, также как здесь в термине „ящик“, который не смешивается с „сундуком“).

Еще через два дня отвечает на наводящие вопросы: „Окна нет“. — „Цветы стоят на я щ и к е“. — „Скатерти нет“. — „На столе не лежит ничего“. — „Хлеб в руках у женщины и у мальчика“. — „Ножа нет“. — А чем же женщина резала хлеб? —

„Не знаю“. — „Кота нет“. — „Лампы нет“. — „Больше ничего нет“. Такова негативистическая установка в реакции аффективно-абстрактного типа.

Нам хочется указать еще одну особенность аффективно-абстрактной реакции на внушаемость (или негативизм), связанную с восприятием. Даже там, где восприятие неточно, где в силу ослабленности восприятия реальности, вымышленное сливается с действительностью, — испытуемый этого типа не идет на внушаемость в обычном смысле слова. Вот такая реакция. Дана 19-летним юношей, — мистик, поэт, соучастник испытуемой, взявшей у дяди 300 червонцев. (М. Н. К.). (См. его реакцию на мышление и ассоциации). После первого просмотра картинка излагается так: „В комнате с открытыми дверями находится стол, на котором стоит миска с супом“. (Расплывчатое восприятие: каравай хлеба трансформировался в миску). „Перед столом стул, с сидящим на нем мальчиком, одетым в голубые штаны и коричневую куртку. Он ест кашу“. (Расплывчатое восприятие, аффективно-абстрактный момент, — неправильно воспринятый горшок заполнился соответствующим содержанием: кашей). „Около стула с мальчиком лежит кувшин и ранец. Перед столом стоит женщина в красном переднике и голубом платье. За женщиной виден сундук, на котором банка с цветами. Из двери ничего не видно, никакого пейзажа, дверь очень мало открыта. Приблизительно все“. Наводящие вопросы: 1) Что лежит на столе? — „Ножик. Ножик и, кажется, щетка“. (Не верно). „Сейчас хорошо не припомню“. — 2) Что в руках у женщины? — „Черная миска и ложка“. — 3) Какого цвета скатерть? — „Ее нету“. — 4) На какой стороне окно? — „Его нет“. — 5) Что лежит на полу? — „Ранец и кувшин“. — 6) Что видно из двери? — „Серые цвета“. — 7) Где стоят цветы? — „Есть, на сундуке за женщиной, красного цвета. Красный горшок“. — 8) Где сидит кот? — „Кота, кажется, нет“. (Ничего внушенного не принял, но сам принес щетку, миску и ложку).

Через три дня картинка еще больше трансформировалась на основе неправильно воспринятых подробностей, но моменты внушенные все же не принимаются. „Я хо-

рошо помню картинку. В комнате с темно-серыми стенами, дверь чуть-чуть полуоткрыта. Пейзажа никакого не видно. Просто голый стол перед дверью, близко от нее, — стол без скатерти. Перед столом женщина — в голубом платье ■ красном фартуке, держащая черную миску, хотя не миску — кастрюлю, — но это не важно, — и ложку“. (Образ миски вызван неудачно нарисованным караваем: ложка внесена путем аффективно-абстрактного, неадекватного действительности, дополнения). „При чем эта ложка очень странного вида, очень тонкая“. (Очевидно, смутно помнится облик ножа на картинке). „Плохо нарисована. С противоположной стороны женщины — мальчик, одет в коричневатую куртку, остальное голубое: держит в руках тарелку и ложку“. (Дальнейшее развитие построений, уклоняющихся от действительности). „Около мальчика, на полу, высокий кувшин ■ ранец коричневого цвета. Окон нет“. (Не принял внушенного предмета). „Сзади женщины кованный сундук, на котором стоит красный горшок с красными цветами. Щетка, если она есть“, (внес сам) „должна быть на столе. Существование кошки для меня неясно“. (Внушенный момент отклоняется).

Таким образом, строится картина, неадекватная действительности, в то время как субъект полагает, что его образы стойки и соответствуют воспринятому. Так, например, этот же испытуемый говорит: „Картины читаемого составляю легко и, когда читаю и составляю картины, второй раз эти картины прочно вижу. Образы яркие: Когда читаешь, видишь обстановку, людей“. В противоположность другим испытуемым аффективно-абстрактного типа, утверждает, что имеет способность к созданию зрительных образов при чтении, однако, по данному эксперименту можно думать, что эти образы субъективны и расплывчаты.

Что касается интеллектуально-волевой реакции на внушаемость, то здесь мы не встречаем ни резко выраженной внушаемости, ни резкого негативизма. Особенно характерна в этом смысле реакция, которая дана студенткой медичкой 5-го курса, 38 лет, страдавшей энцефалитом. (М. П. К.). Первая реакция дана вскоре после болезни, — последняя через год. Испытуемая очень сознательный, вдум-

чивый человек, крестьянка по происхождению. Примитив по среде, — как сама говорит: „Вообще неграмотный человек была до 25 лет“, — затратила колоссальное интеллектуально-волевое напряжение на самообразование, которое в связи с голодом ослабило ее организм. (См. ее реакцию на пятна). Ее область наука, а не искусство. Принципиальность всюду осознана и без колебаний проводится ею в жизнь. По ее словам, у нее „мечтательности никогда не было. Скорее была развита наблюдательность. Сейчас“ (после болезни) „мне трудно это делать“ (т.-е. точно наблюдать жизнь). „Очень быстр процесс жизни. Я не успеваю. Я не угоняюсь за ним“. Для интеллектуально-волевой реакции очень характерно данное ею изложение картинки из книги Штерна. Дело в том, что в результате ее болезни, у испытуемой получается расплывчатая фиксация воспринимаемого, и, тем не менее, ее переутомленный болезнью и непосильный работой интеллект все время находится в волевом напряжении. Она все время вносит логический корректив в расплывчато воспринятое и стремится передать действительность точно, без субъективных дополнений. Такая работа интеллекта, это „схватывание быстрого бега жизни“, за которым не угоняется замедленная после болезни восприимчивость, переутомляет и еще больше ослабляет ее психику, по своим функциям, однако, вполне полноценную.

Вот как воспринимается и удерживается ею картинка из книги Штерна. Из эксперимента ясно, что для ее ослабленной психики слишком мало одной минуты, обычно даваемой на просмотр. „Там дверь и ли окно“. (Неясность восприятия¹).

„И что-то такое или печурочка, или столик кирпичиками“. (Образ сундука воспринят точно, но не осознан до конца, и поэтому нет уверенности в определении воспринятого образа). „Стоит барышня, в руках у нее что-то, похожее на краюху хлеба“. (Опять предмет точно воспринят, но нет уверенности в точности восприятия). „Мальчик подносит ко рту что-то такое“. (Та же реакция). „Около мальчика стоит

¹) Реакция лиц, страдавших энцефалитом, часто напоминает рассеянную реакцию шизофреников. Очевидно, это заболевание шизоидирует психику.

в виде вазы что-то". (Та же реакция). „На полу что-то, какая-то цветная" (вещь), „не знаю, на что похоже. Форму ее ни с чем не сравнишь". (Ищет точного определения). „На печурочке или столике стоит горшок с цветами". Ответы на вопросы: 1) Что видно из двери? — „Не посмотрела". (Нет ни внушаемости, ни негативизма). — 2) Что лежит на столе? — „Ножик. Больше ничего не видала, не помню". (Верно). — 3) Как одета женщина? — „Цветное в виде голубого платья" (воспринято точно, — нет уверенности) „и красный фартук". (Верно). — 4) Как одет мальчик? — „Тоже два резких цвета". (Неопределенно). — 5) Где сидит кот? — „Не видала". (Нет ни внушаемости, ни негативизма). — 6) Где стоит половая щетка? — „Не видала".

Через месяц картина описывается так: „Там, я не помню" (неуверенность в точности воспринятого) „были яркие цветы, был мальчик, была комната, была дверь, в комнате стоял стол. Насколько я помню, стоял стул, на котором сидел мальчик. Зрительно помню". (Примитивное преобладание зрительных образов). „У стола стояла в пестром, мать, очевидно, его". (Догадка не обращена в уверенность). „На столе там что-то такое лежало маленькое, что-то такое из таких обиходных предметов, но что я совершенно не помню: что-то съедобное" (воспринято верно: хлеб) „и что-то маленькое". (Верно: нож). Смысл виденного помнится, но самое виденное, самые предметы зрительно расплывчаты. Интеллектуально-волевой корректив, вносимый в восприятие, не допускает фантазии: нет внушенных предметов. „Около стола две каких-то истории". (Неопределенное обозначение). „Что-то... кувшин и что-то широкое". (Верно воспринято: кувшин и ранец). „Помню контуры кувшина, а что лежало на полу — не помню. Справа было такими клеточками". (Чертит рукой форму сундука. Стремится определить предмет логически, но не хватает сил: интеллектуально-волевое напряжение, отсутствие фантазирования, внушаемости). „Сейчас скажу, что-то было так вот, так клеточками, что не помню, — приблизительно помню фигурку. Я не помню, что-то вот такое" (чертит рукой сундук) „и помню были клеточки мелкие". (Верно воспринято). „Женщина была одета

в два ярких цвета: красное с голубым". (Верно воспринято, но зрительно предметы фиксированы неясно). „Насколько я помню, фартук такой, более темного цвета, чем платье: очевидно, он был красный". (Опять интеллектуально волевая установка: корректив восприятия вносится со стороны интеллекта; неумение отдаться фантазии и эмоциям). Это неумение жить бессознательной жизнью вообще является основной чертой данной испытуемой: отсюда не экономно растраченные силы интеллекта, перегруженного непосильной для психики работой. На наводящие вопросы снова не поддается внушению: 1) Дверь была? — „Да, была". (Чертит ее). — 2) Что видно из двери? — „Не представляю себе совершенно". — 3) Что лежало на полу? — „Не помню: Вот справа стояли какие-то..." (Чертит рукой). „Помню контуры горшка какого-то, а что лежало" (т.-е. ранец) „совершенно не помню". (Помнит сказуемое и не помнит подлежащего). — 4) Где сидел кот? — „Кота я не помню. Я его не видала. Не имею понятия о коте". (Невнушаема). — 5) Где стояла половая щетка? — „Не знаю". — 6) Что лежало на столе? — „Что-то вот такое круглое, темноватое, овальное. Что — совершенно не помню". (Верно, но расплывчато воспринята форма каравая хлеба, нет негативизма, ни фантазирования, ни внушаемости). — 7) Как одета женщина? — „Два ярких цвета: красное с голубым. Насколько я помню, фартучек такой, более темного цвета, чем платье, — очевидно, он был красный". (Интеллектуально-волевая установка доминирует над эмоциями и аффектом).

Через год испытуемая пришла к нам на-дом. Процесс восприятия имеет прежний характер, но обладает уже большою точностью, так как психика ее за это время несколько окрепла. Вот как испытуемая передает картинку, воспринятую год назад: „Комната. Не то дверь, не то окно. Фигура девушки в чем-то пестром: яркие цвета, — зеленое с красным. Впереди был стол. На столе что-то было круглое вроде хлеба, коричневатое, похоже на ковригу". (Большая точность восприятия). „Потом лежала овальная штука с острыми концами, вытянутая такая". (Ножик. Большая точность восприятия). „Потом влево от меня, от женщины направо, я

могу только показать: мелькает перед глазами"... „Внизу еще что-то такое. Внизу где-то такая форма стоит вроде этого абажура. Вроде горшка или кувшина широкого. Потом еще какой-то мальчик в пестром: два цвета, то же как будто голубой с красноватым. Была еще не яркая картина, мазаная". (Ощупью очерчивает контуры). „Я сейчас подумаю, на что это похоже. Где это можно встретить? в квартире? в деревне? В поле скорее я встречала. Да! Но что, не могу представить". (Цветы на сундуке. Припоминание не непосредственное, но с ярко выраженной интеллектуально-волевой установкой).

При экспериментах на внушаемость мы наблюдали также нестойкую реакцию, преимущественно у лиц конкретно-аффективного типа, которые в иные моменты поддаются внушениям несколько больше, в иные несколько меньше. В то же время мы наблюдали, что в первом случае сознание субъекта суживается, во втором — расширяется: внимание бывает то нераспределенным (в первом случае), то распределенным (во втором случае).

11. Вообще мы отмечали, что внушаемость находится в тесной корреляции с фактом нераспределенности внимания. В настоящее время для объяснения процесса внимания выдвигается теория „доминанты". По этой теории в центре нервного аппарата, под влиянием тех или других раздражений, возникает белее или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости, при чем все, вновь приходящее в центр возбуждения, служит усилением возбуждения в очаге и тормозит деятельность прочих центров. Этот очаг является временно главенствующим над всей высшей нервной деятельностью организма. Такой господствующий очаг возбуждения, который в значительной степени предопределяет характер текущих реакций, и носит название доминанты. Доминанта подавляет все остальные реакции и утилизирует энергию всех нервных возбуждений в свою пользу.

Из этого чисто физиологического закона вполне ясно, что при ослабленности психики (при тех или иных условиях: после энцефалита, после злоупотребления кокаином, при шизофрении и т. п.) длительное напряжение

внимания еще более перенапрягает психику, так как оно требует для своего осуществления доминанты, возникающей лишь в результате раздражений интенсивных и продолжительных по отношению к общему состоянию нервных центров в данный момент. Поэтому, в силу защитной реакции, ослабленная психика прибегает к частой смене доминанты, т.-е. к частому переходу направленности внимания от одной установки к другой.

Поскольку непрерывное внимание невозможно, постольку и вообще господство доминанты лишь временно. Одна из субдоминант (т.-е. подчиненных доминанте центров) начинает перетягивать возбуждение к себе, и тогда наступает торможение реакции доминанты и усиление субдоминанты. Субдоминанта оказывается сильнее и становится доминантой, тогда как прежняя доминанта тормозится. Центр, бывший первоначально в положении субдоминанты, т.-е. передававший все свое возбуждение доминанте или же совсем невозбужденный ранее, — оказывается настолько возбужденным, что становится центральным очагом, — доминантой и устраняет прежнюю доминанту.

Мы исследовали нераспределенность внимания самым простым приемом. Берется текст Бурдона с напечатанными без смысла буквами, без знаков и дается задача зачеркивать какую-нибудь букву (например, „о“ или „а“ и т. д.) и одновременно что-нибудь рассказывать. Лучше всего использовать это время на выпрашивание фактов ■ переживаний из прошлой жизни испытуемого или же выяснять его отношение к искусству, литературе, степени его культурности, начитанности (если испытуемый правонарушитель, касаться его правонарушения) и т. п.

В простоте нашего приема на исследование распределенности или нераспределенности внимания мы видим большие достоинства: такая задача равнозначна для испытуемых различной степени культурности знаний и возраста. Наоборот, бóльшая сложность задачи на испытание распределения внимания заставило Меде и Пиорковского отказаться от этого испытания. Они заставляли детей в момент слушания рассказа, — который затем требова-

лось подробно передавать, — одновременно производить арифметическое действие: на доске было написано 16 задач на умножение. Очевидно, здесь задача осложнялась факторами иного порядка, независимо от одной способности к распределенности внимания, — например, легким или затрудненным оперированием с арифметическими задачами. Наоборот, по принятому нами приему исследования, мы получаем показания той или иной степени распределенности внимания испытуемого независимо от степени развития его интеллекта, но в зависимости лишь от той или иной психической конституции (разумеется, исключая случайные факторы, например, профессиональный навык у машинисток, оперирующих с печатными буквами без осознания смысла текста, у корректоров и т. п.).

На этом эксперименте вполне возможен математический учет реакций¹⁾. Во-первых, надо отмечать время реакции, которое зачеркивались все буквы указанного характера, и, во-вторых, следует производить подсчет количества пропущенных букв. Работа может быть безошибочно выполненной в три минуты и может дать 80 ошибок в течение 30 минут и т. д., и даже может быть совсем не выполненной.

Мы встречаем различные степени распределенности и нераспределенности внимания, начиная от резко патологической нераспределенности внимания и кончая резко патологической распределенностью. Сама по себе нераспределенность внимания не есть еще патологическое явление. Это есть просто факт психической жизни, в котором проявляется как бы конкуренция нескольких психических данных, из которых одни пропадают для сознания, другие в сознании сохраняются. Нераспределенность внимания наступает потому, что есть закономерные пределы сознания или узость сознания или, так называемое, психическое торможение⁷⁸.

¹⁾ Впрочем, мы высчитываем процентное отношение повышения интеллектуального уровня ребенка за тот или иной период времени также и по нашему листку для исследования мышления. Учет производился из сравнения количества улучшенных ответов (за год, за два и т. д.) с общим количеством вопросов по специальному листку для исследования процессов мышления.

Совершенно правильно наблюдение Эббингауза (ср. Мортон Принс и др.), что многочисленные психические воздействия, недоходящие до сознания в виде определенных ощущений и представлений, все же не пропадают совсем, а образуют своеобразный фон психики. Эббингауз указывает примеры нераспределенности внимания, которые нельзя назвать патологическими: 1) Классический пример Архимеда при завоевании Сиракуз, где мыслям удается сохранить за собой первое место в сознании и оттеснить другие впечатления. 2) Дети, едва научившись читать, плохо понимают прочитанное, если они читают тихо. Так как чтению можно научиться только читая вслух, то им приходится делать особое усилие, чтобы подавить привычные им инервации речи, что мешает им понимать прочитанное. 3) Наоборот, люди взрослые, с давних пор привыкшие читать про себя, часто плохо понимают то, что им приходится читать вслух: звуки собственного голоса мешают им. 4) Рукопись труднее понимать и оценивать, чем напечатанное сочинение, так как затрачивается лишняя энергия на разбор написанного. 5) Чтобы замечать опечатки в корректуре, нельзя одновременно проверять и оценивать содержание и т. д.

Такая нормальная нераспределенность внимания обычно обнаруживается при реакции примитива на указанную выше задачу. Вот примеры на эту тему. Мальчик-примитив, средней одаренности, 9 лет (из голодавшей деревни) (М. Ш.-С.¹), зачеркивая на листке Бурдона букву „о“ и рассказывая, в первое время пребывания в школе, сделал 81 пропуск в 11 минут; однако, через 3 месяца, зачеркивая букву „а“ и рассказывая, сделал в 7 минут 45 пропусков. Очевидно, здесь нераспределенность внимания не столько органическая, сколько обусловленная некультурностью.

Несколько более повышенная, но все еще неполная распределенность внимания встречается у лиц с реакцией конкретно-эмоционального типа. Так, девочка, 10 лет

¹) См. нашу статью „Дети-примитивы“, — „Вопросы педологии и психоневрологии“, под ред. проф. М. О. Гуревича. Изд. Жизнь и Знание, 1926 г. Стр. 76.

(М. Ш.-С. см. ее реакцию на внушаемость), выполняет данную задачу в 7 минут, но делает 34 пропуска; эти пропуски замечает сама, восклицая: „Ну, извините, пожалуйста. Этого ■ не могу, потому, что если я буду это делать“ (т.-е. рассказывать), „то я все пропущу“ (т.-е. буквы для зачеркивания). „Да не могу я, понимаете“. Рассказывает спешно, лаконично, чтобы отделаться, рассеянно; мысль выражается на удачу, в порядке перечисления предметов.

Нераспределенность внимания может сыграть центральную роль в этиологии правонарушения. Испытуемая, 24 лет (М.Н.К.¹), с большим трудом выполняет данную ей задачу: зачеркивать букву „а“ и рассказывать, что хочет. Хочет рассказывать „Портрет Дориана Грея“. Очень долго не может начать работу в двух направлениях: „Это бесконечность, как я буду зачеркивать. А. Е! как же это можно, ведь, я тут натворю! Ни слова, ни точки, ничего — как же это можно, А. Е!“ (Положила карандаш). „Что-нибудь надо одно, а то как же так! Подчеркивать или зачеркивать?“ (Начинает рассказывать „Портрет Дориана Грея“. Пауза одна минута). „Мне очень не нравится, что тут нет точек, все сплошное. Вот так впотьмах брести я не могу“. (Сознательный тип). „А. Е., пусть хоть были бы точки... А. Е! Здесь не видно, как я зачеркиваю: я буду чернилами... Тогда, если „а“ зачеркнуть, а потом рассказывать... Или сперва рассказывать... А то, ведь, я натворю... Никакого конца нет ■ этом слове... Ну, ладно, буду рассказывать... Оказывается трудно. Я на „а“ смотрю, а сама вспоминаю, очень трудно. Ведь, это, мне кажется, всякий человек так... На чем я остановилась“. (Вспоминает и не пишет). „А. Е! нелепица выходит: если слежу за „а“, то забываю там, — если вспоминаю, — то „а“ ускользает. Ну, попробую так еще... подождите“. Задача облегчается: зачеркивать букву „а“ и рассказывать виденную картинку. С задачей не справляется. Отказывается: „Трудно, А. Е! очень трудно!“ Этот эксперимент наглядно показывает особенную неспособность данной лич-

¹) См. наш психологический анализ „Случая изувечения мужа“, сборник „Преступный мир Москвы“, М. 1924 г.

ности к распределению внимания, чрезвычайно узкий выбор впечатлений, предпочтение одного впечатления другому. Особенно важны бывают в этом предпочтении одних впечатлений другим два момента: эмоциональное значение впечатлений и родство впечатлений, вступающих в психику, с другими, которые в ней уже имеются в данное время.

Еще один испытуемый, 18 лет (М. П. К. диагноз—эпилепсия; см. пример импульсивной реакции), подчеркивая на листке Бурдона букву „н“ и одновременно рассказывая, выполняет работу в гневе, готов драться, видно, что он действительно органически не способен к выполнению двух данных задач одновременно. Воскликает с отчаянием: „Господи! У меня все путается!“ В течение 7 минут делает 25 пропусков. Спешит отделаться. Секундомер, с его бегом, еще больше раздражает его и парализует его работу. Страх перед тем, что не выполнит, и гнев, как защитная реакция. Похож на человека, падающего в обморок: „Ну, я два дела не умею делать... Я не могу так рассказывать! Ей богу. Не могу!“ (Злится, делает гримасы)! „Я не могу два дела делать. Господи! У меня все путается!..“

Мы начали с нормальной узости сознания или нераспределенности внимания, свойственной примитивам, постепенно переходя к более резко выраженной нераспределенности внимания, конституционально коррелирующей все с большей и большей импульсивностью. Такая все же нормальная нераспределенность внимания отличается от резко патологической нераспределенности внимания законченностью того процесса, который один доходит до сознания.

Наоборот, при резко патологической нераспределенности внимания мы наталкиваемся на некоторый разрыв мысли в самом процессе мыслительного акта. Мы убеждаемся на опыте в справедливости положения Эббингауза, что нормально не всякое психическое образование может быть оттеснено путем, указанным на вышеприведенных примерах (Архимеда, корректора и т. д.) и не всяким образованием. Можно (а нормально и должно) сохранять в сознании множество образований, находящихся между собой в связи, как, например: два понятия одного суждения,

части одного предложения, множество членов одного художественного произведения ■ т. п.; более того, эти части не только не мешают друг другу, но даже взаимно друг друга усиливают. И действительно, абсолютное единство сознания (в котором сознание в каждый данный момент содержит только одно явление), как это справедливо указывает Жанэ („Психический автоматизм“), бывает только на крайних своих полюсах: на ступени крайней патологии („прикаталепсии“, „когда истощенная психика не в силах воспринимать несколько ощущений одновременно“), ■ ступени гениальности („психическое единство“ — „в моменты высокого умственного подъема“, „когда совершеннейшая психика дает возможность одному лицу охватить в широком синтезе все образы и ощущения, которые оно испытывает или которые всплывают у него в памяти“). „Но обычно сознание не опускается так низко и не подымается так высоко: оно держится на средней высоте, при которой образы, находящиеся ■ сознании очень многочисленны, но далеко не систематизированы“ (ib. 183).

Как мы уже говорили выше, нормальная мысль только там ■ возможна, где нет патологических разрывов в самом ее процессе. Иначе, если взять фигуральное сравнение, мысль может быть похожа даже на художественное вязание, ■ котором местами упущены петли.

Образец таких разрывов в самом процессе мысли дает нам 12-летний мальчик (М. Ш.-С. Общая диагностика: *déjéneré supérieur*; отмечены черты эпилептоидные и шизоидные). Мальчик очень любознательный, пытливый, временами незаурядно тонкий в области мысли; при поверхностном знакомстве с ним, даже не возбуждающий подозрения ■ каком-либо дефекте психики. Детский, не гибкий, не обработанный почерк: очень любит читать и читает изумительно быстро, но совсем не любит писать и пишет изумительно медленно. Под диктовку или чужие мысли ему легче записывать, чем свои собственные. Решительно не любит и даже абсолютно не может одновременно думать и писать: когда он что-нибудь надумывает (для официального выступления), то он просит записать за ним его мысли.

Абсолютно не может рисовать, — рисовать для него значило бы превозмочь себя и распределить внимание между мыслями и движениями руки или же значило бы опустошить свои мысли.

Задачу подчеркнуть букву „а“ выполняет отлично, пока сосредоточен на выполнении только этой работы; но когда его отвлекают, вызывая на беседу, он очень просит его не отвлекать, потому что не может делать два дела. Отвечая на вопросы, бросает подчеркивать, сам заявляя: „Я не могу подчеркивать и говорить“. Когда все же настойчиво продолжают беседу с ним, — совершенно выходит из себя: говорит, что подчеркивать больше не может: „Надоело, устал, не могу“. (Хотя за работой, без отвлечения внимания, провел всего 12 минут). Подчеркивает аффективно уже не заданную букву, а „на-авось“ — и бессильно бросает работу. Вообще устает скоро, часто повторяет: „Устал, у меня голова болит...“ Задача не выполнена. Бросил работу, не докончив. При сочинении на три слова: „Оратор, толпа, речь“ (любимая его тема) — обнаруживает большое напряжение в процессе работы. Диктует. Делает отступления. Несколько раз отказывается от первоначальных мыслей: „Я не то... Я хочу иначе... Я не на ту тему“. (Признак нераспределенности внимания, неумение сразу охватить всю тему целиком). Работа наладилась; начинаются „разрывы“ мысли: „Я забыл, на чем остановился. Скажите мне“. Продолжает, торопится, боится забыть подсказанное. Через 4 минуты второй „разрыв“ мысли: „Я не помню, что я сказал. Я скажу другое“. (Опять тот же процесс). Еще через 4 минуты: „Погодите, я уж не помню, что я сказал“ и т. д.

Те же разрывы мысли при развитии афоризмов. Быстро начинает развивать афоризм: „Жизнь — комедия для того, кто думает, и — трагедия для того, кто чувствует“. Через 5 минут восклицает, остановясь на половине фразы: „Забыл!.. У меня всегда скоро исчезает мысль. Прошу маму записывать под диктовку“. Снова выясняется, что самому ему записывать за собой невозможно и, что, вообще, писать не любит, не хочется, „вроде лени, — надо огромную силу

воли, чтобы писать". Ясно, что его мысли быстрее движения его руки, и в то же время, по его словам, ему трудно „замедлить течение мыслей“, и он даже „не всегда способен это сделать“. Еще одна особенность его психики: когда сам пишет, то его отвлекает любой шум. После отступления, спрашивается заглавие афоризма, — точно не помнит, но смысл помнит: „Если подумать, — жизнь комедия, а чувствовать, — трагедия“, или „когда думаешь, — жизнь чепуха, а когда чувствуешь, вспомнишь, сколько несправедливости, — тяжело станет“. Смысл верен, но развито тяжело.

Более легкая тема удается труднее: „Хорошо птичке в золотой клетке, но еще лучше на зеленой ветке“. Первый разрыв сейчас же: — „Эта тема мне немного трудновата. Ладно!.. Я забыл уже“. — Спрашивается: что забыл? — „Вот, что я хотел вам... Да“... (Торопит писать). „Ну, начинайте, начинайте!!!“ (Пауза). Торопит потому, что не способен долго помнить мысль, которая в то же мгновение сменяется другой. Через 1 минуту: „Хорошо птичке... Нет, постойте! Весело птичке на зеленой ветке и скучно птичке в золотой клетке. Верно говорит пословица“. (Долгая пауза. Второй разрыв мысли). „Ну... Я уже забыл, что хотел вам сказать. Мне надо прямо начинать... Да!.. Вы это потом напишите... Сейчас...“ „Возьмите любого преступника, — он лучше согласится умереть с голода на свободе... Умереть с голода на свободе... Умереть с голода на свободе, чем жить... чем сытно жить при... хоть небольшом ограничении свободы. Любое живое существо, если только оно не родилось в неволе и не знает свободной жизни, всегда стремится хотя бы к голодной жизни на свободе... К голодной жизни на свободе, к голодной жизни на свободе.“

Всегда просит тему потруднее: абстрактное дается легче. Умно развивает афоризм: „Ум, любя простор, теснит“. (Пушкин). От удовольствия, что мысль трудна, с восторгом восклицает: „Пойму! Можете быть спокойны! Чорт возьми!...“ Но уже после начала: „Тяжело человеку с далеко видящим...“ забывает свою мысль. „На чем остановились?“ (Разрыв). „В такое время... умному человеку... умного человека теснит

его ум: трудно ему, если у него есть вопросы, на которые нет ответа... На чем остановились, прочтите!" (Разрыв). „И хочется ему в те минуты... Я забываю!.. Живо!..“ (Разрыв). „В те минуты трудно ему"... С отчаянием: „Я забываю... Вы мне прочтите!.. Грустно ему, что этот ум он не может приложить к делу, грустно и тяжело ему... Это я на себе испытал: когда есть все и не хватает какой-то чепухи!.. Тогда все рвешь и ломаешь, дожидаться не можешь..."—У этого мальчика, действительно, есть „все“ (ум, воображение), кроме „чепухи": нет способности удержать в один и тот же момент времени различные данные, относящиеся к одной и той же мысли. Невозможность связать части мысли парализует самую мысль.—При эксперименте на пятна мы видим у него 6 разрывов мысли при реакции только на одно пятно.

Дальнейшая задача,—дополнить фразы уже готового текста рассказа (По Эббингаузу; см. примеч. 54),—также подтверждает наличие у мальчика патологической нераспределенности внимания. Начинает эту, ясно детерминированную, задачу совсем неуверенно: „Я тут не понимаю... или... можно... Не все могу ухватить: холодный ветер выл... как что? Как дикий? Ну, а что я могу тут написать? Можно не по порядку писать, а как хочу, лишь бы написать?" Заполняет листок со середины, оставляя вышенезаполненные пробелы. Когда возвращается к ним, уже не способен их заполнить, так как не может удержать в памяти целого. Обнаружил и здесь разрывы мысли.

Задача на обхват целого в разрозненных мыслях (см. примеч. 55) была выполнена при сильном напряжении. В первом варианте удалась 4 ответа из 5 вопросов, во втором, более трудном—только два: не мог запомнить одновременно двух членов одной и той же мысли.

По той же причине не мог дать правильного ответа на последнее умозаключение нашего теста на мышление. Просит повторить вопрос (не сразу схватил части силлогизма). Очень долгая пауза. После повторения,—ответ: „Не известно... Потому что и сад меньше огорода, и двор меньше сада". Ответ на минус потому, что при нераспределенности

внимания не может сразу довести до сознания обе посылки, а из личного опыта или построений фантазии правильный ответ при данных условиях невозможен. Разрывы мысли подтвердились и при демонстрации мальчика на конференции в Школе-Санатории, 13 февраля 1923 г. Перечисляя месяцы в обратном порядке, забывал последний, сказанный им; вычитая из 100 по 7, забывал последний итог, только что им произнесенный, и не мог сделать дальнейшего вычитания, сам отмечая: „Забыл из чего надо вычитать“.

Ясно, что у данного мальчика есть излишняя механическая подвижность мысли и отсутствие прочной задержки ее, что основано на неспособности распределить внимание: итти мыслью вперед и в то же время удерживать уже сформулированное им.

Этой же особенностью его психики может быть объяснено его поведение во время уроков: нетерпение в тот момент, когда урок ему известен, — тогда он вслух подсказывает, потому что нет задержки; и, наоборот, не способен удержаться от вопросов, когда урока не знает: не может слушать дальше и в то же время помнить свои невысказанные вопросы, отложив их на послеурочное время, так как он их забудет. Слушать и помнить — это требует двойной затраты внимания: распределенности внимания, которой у него нет.

Итак, патологическая нераспределенность внимания обуславливает собой и поведение мальчика.

Еще более резко выраженную нераспределенность внимания мы встречаем у органика, 36 лет (М. П. К. Контужен в голову. Диагноз: артериосклероз). Определенно выражена интеллигентность. Крайняя чувствительность и наличие комплексов. Субъект крайне ранимый, сознающий как бы остатками своего мышления наличие интеллектуального распада и в то же время полную невозможность с ним бороться. Особенно важным патопсихическим моментом психики данного испытуемого является расстройство памяти, которая неспособна актуализировать воспоминания. Происходит регрессивное сведение волевого к автоматическому: „Напишу письмо, а сам прочесть не могу. Я не понимаю. Если кто

прервал, когда пишу, то я уже не могу продолжать. Последнее время читать не могу“.

Все его ответы по мышлению из непосредственного восприятия очень хороши (там, где не надо актуализировать воспоминания). — Чем непохожи эта ручка и этот карандаш? (Данные предметы демонстрируются наглядно). — „Извините, как вы сказали?“ (Вопрос не сразу доходит до сознания; необходимо повторять). — „Карандаш, потому что он графитом пишет, а ручка чернилами пишет, я считаю так“. Наоборот, ответ, который надо дать, основываясь не на непосредственном восприятии, а на памяти (что требует особого интеллектуального напряжения), оказывается чрезвычайно трудным для него, хотя бы сам по себе вопрос был легок. — Чем непохожи муха и бабочка? — „Вот оно что! Как отделить?“ (т.-е. как провести процесс различения по памяти). „Этого я не знаю“. (Пауза). „Как вы сказали?“ (Два члена, данные для сравнения, уже утеряны). „Вы простите, я не могу вам сказать“. (После повторения). „Как муха и бабочка? Ей богу, не скажу! Не будете ли вы добры сказать мне... Не могу объяснить“. И сейчас же дает быстрый ответ на вопрос: — Чем непохожи доска и стекло? — „Доска и стекло?“ (Смотрит в упор на окно; быстро и без напряжения отвечает) „Через доску не видно, а через стекло видно“. — Почему этот вопрос для вас легче? — „Потому что доска и стекло налицо“. — Абстрактные моменты даются легче, чем конкретные даже по памяти. Отсюда мы видим, что полноценность и неполноценность ответов на мышление не всегда зависит от прямого развития интеллекта, но часто может зависеть от других функциональных моментов: от способности актуализировать воспоминания и от способности распределять внимание. Особенно интересны даваемые испытуемым ответы на умозаключения. На них легко иллюстрируется патологическая нераспределенность его внимания. Когда даются большая и малая посылки и требуется сделать вывод из них, то трудность заключается в удержании одновременно всех членов мыслительного процесса; требуется известная широта сознания и распределенность внимания. Для этого необходимо наличие гибкости мыслительных про-

цессов; иначе, как в данном случае, получаются разрывы между членами одной и той же мысли, и отсюда полная беспомощность. Каждое умозаключение читается по нескольку раз. Упускает детали. Когда перечитывает сам, то при многократном чтении и при пробегании глазами всех членов мысли одновременно имеет наглядное подспорье для объединения их в одно целое, а отсюда некоторое облегчение задачи и возможность с ней справиться. Наиболее абстрактные силлогизмы (например, „мой двор меньше сада, сад меньше огорода, меньше ли двор, чем огород, или нет?“) — не удаются даже после того, когда сам прочел задачу несколько раз. Дает ответ лишь после того, как сделал схематический рисунок, наглядно иллюстрирующий все члены умозаключения, предварительно заучив, с каким именно образом схемы связан каждый член силлогизма. Отсюда ясно, почему построения субъективные, личное развитие мыслей, даются таким испытуемым легче, чем ответы на вопросы, — здесь не надо воспринимать нового задания.

Полная неуверенность в передаче картинки из книги Штерна. Очень лаконично передает лишь самую суть картинки: общий смысл запоминается им легче, чем конкретное, подробное: „Мальчик сидит и мать хлеб режет. Ранец... И мать хлеб режет“... На все наводящие вопросы — ответ: „Не помню... Выпустил из вида... Я знаю, что мальчик есть, мать есть, — кормит“... и т. п. Вообще на протяжении всех экспериментов без конца повторяет, забывая задачу: „Я позабыл, что вы сказали. Не помню, позабыл, что вы сказали мне“. — Особенно трудно для него справляться с цифрами: „Раньше любил цифры, а теперь не люблю, не поддаются они мне“. Дается столбик для сложения (из таблицы Крэпелина): 7 плюс 4 плюс 3 плюс 1 плюс 7 равняется? Считает следующим способом: „Семь и четыре одиннадцать и три...“ (Не может сложить потому, что в сознании нет всех данных для сложения членов: когда сказал „и три“, забыл предыдущую сумму. Начинает сначала) „Ох, позабыл! Одну минуточку! Сорвалось“. (Снова пересчитывает, доходит до суммы: 15 и 7). Беспомощно повторяет: „И семь? и семь? и семь? Ох, сорвалось опять!“ Второй столбец: 2 плюс 5 плюс 8 плюс 6 плюс 4

равняется? Тот же процесс: „Два плюс пять равно семи, и восемь, и пять“... (Сбился потому, что в сознании нет сложной цифры семь; пошел назад к зрительно схваченной пятерке. Начинает снова) „Два плюс пять равно семи и восемь равно пятнадцати. Пятнадцать, пятнадцать, пятнадцать, пятнадцать“. (Как бы заучивает, боясь забыть). „И шесть, пятнадцать и шесть — двадцать один и еще четыре... Позабыл“ (сумму). „Сорвалось! Знаете, неприятная история!“ — Начинает снова весь процесс, доходит до четырех и снова восклицает: „Забыл! Разрешите записать двадцать один!“ Записал двадцать один и к зрительно фиксированной цифре прибавил четыре и дал верный ответ: двадцать пять. Такова его арифметическая работа и в дальнейших столбцах: если зрительно имеет записанную последнюю сумму, то следующую прибавит верно, если не запишет (особенно двузначную), то опять собьется в счете.

Мы останавливаемся на этих примерах, чтобы наглядно развернуть пограничность проблемы индивидуальной психологии с психопатологией, а так же и тот, часто подчеркиваемый нами момент, — насколько смешаны в одной и той же реакции различные функциональные данные, как, например, здесь: органическая ослабленность памяти и патологическая нераспределенность внимания. Ясно, что данный испытуемый должен дать неудовлетворительные результаты на задачу по листку Бурдона, — и, действительно, в течение 19 минут он делает 60 пропусков буквы „о“. Выслушав задачу, переспрашивает: „О? Да? Подчеркивать „о“?“ (При отвлечении сейчас же забывает задачу). Останавливается, спрашивает: „О? Да?“ (Отвлечение. При подчеркивании много раз проходит одну и ту же строчку). „Вот оно „о“! Как-то оно, знаете, не по порядку все! Одну букву „о“? Да? (Отвлечение) „Вы сказали? Где не подчеркивать? Все? Да? Это уж больно канительно!“ (Отвлечение). „Что? букву зачеркивать? Какую же мне? „о“? Да? Одну? Да? Вот попалась! Две подряд! Какие милые штуки!“ (Отвлечение). „Вот я письмо написал жене, а прочесть не могу. Меня раздражает — перечитывать приходится... Как останавлиюсь — и готово дело. Что? О? Да? Я зачеркиваю... Какие же буквы? Мне „о“ надо? А вы знаете, это надоедливо!“

(Отвлечение). „Какую же букву? Только одну, вы сказали? Здесь как-то нескладно! Даже голова закружилась. Как-то, вы знаете, оно у меня танцует. „О“? Да?“ (Отвлечение). „Я аккуратно люблю. А как же пропускать? Зачем? Я уже позабыл, что мне надо делать. Вы скажете? Я что-то чертил. Зачеркивал „о“. А для какой цели?—Я раньше мог два дела делать: я чертил, жена играла на пианино,—и бывало ошибки ей находил. Как же дальше? Что я должен делать? Как прерву мысль, дальше не могу. А скажите, что мне делать дальше? Зачеркивать только „о“? А еще какую букву? Ну, это я в два счета справлюсь“.

Проверочный эксперимент над этим же испытуемым через год (в Психиатрической Клинике I М. Г. У.) показал улучшение распределенности его внимания. Еще через год—еще большее улучшение; так в последней реакции, хотя все еще с трудом, зачеркивает букву „о“ и рассказывает (в течение 11 минут), но уже ни разу не забывая задачу (хотя сделан 31 пропуск). Операция счета также протекает более гибко¹⁾.

¹⁾ Та же нераспределенность внимания и неспособность охватить ряд звуковых восприятий обнаружилась у того же испытуемого и на более сложных (не элементарных) методах исследования, именно в его работе по влиянию ритма на время реакции по методу доктора Д. Аврамова (Цюрихск. Ун.), которая велась в Псих. Клин. I М. Г. У. нашей сотрудницей А. М. Аникиной. При помощи Zeitsinn'apparat'a Ишмана звукового молотка испытуемому давались ритмические и неритмические ряды раздражений. При реакции на звук испытуемый должен был поднять гирю эргографа ■ 3 kg. Расстояние от зарегистрированного момента раздражения до начала подъема кривой давало графическое воспроизведение времени реакции и выражалось в мм. Испытуемый проделал ряд реакций (19 неритмических рядов ■ каждом по 5 реакций и 18 ритмических рядов). С первой частью инструкции (поднимать гирю возможно быстрее при слушании звука) испытуемый справлялся, но со второй частью (определить равномерность следования ударов), несмотря на хороший музыкальный слух, справиться не мог. Из 37 рядов опытов мы получили от него только три правильных ответа. Все внимание у него направлено на отдельный звук, а ряд, как целое, не воспринимается. Несмотря на это, ритм оказал сокращающее влияние не только на время реакции, но и на силу, и продолжительность отдельного движения. Средняя арифметическая величина времени реакций: неритмических из $86 = 13,2$; ритмических из $85 = 6,8$. Средняя арифметическая величина высоты кривой подъема в мм: не-

Мы нарочно остановились здесь на реакциях крайних (патологических) моментов нераспределенности внимания, чтобы перейти затем к крайней (патологической) распределенности. На этом элементарно простом эксперименте удобно указать целую скалу переходов от одного оттенка реакции к другому, ■ вместе с тем связность всех функций в общем контексте психики. На других видах реакции, при сложности демонстрации всего материала, необходимого для уяснения дифференциальных оттенков, в данной работе мы этого сделать не можем.

Итак, нераспределенность внимания встречается у примитивов, у лиц конкретно-эмоционального склада, у лиц с резко выраженной импульсивностью, доминирующей над другими моментами психики, и, наконец, при патопсихических моментах (эпилепсия, артериосклероз и т. п.).

Что касается реакции лиц с интеллектуально-волевым уклоном, то задачу на зачеркивание буквы с отвлечением они выполняют быстро, спокойно, уверенно; их внимание нормально распределено. Такая задача для них является работой, требующей некоторого усилия, однако, легко преодолимого.

Наоборот, лица с чисто аффективно-абстрактной реакцией (без момента импульсивности), внимание которых отличается признаками расплывчатости, имеют повышенную распределенность внимания. При распределении внимания качество их работы улучшается, и самая работа облегчается.

Так, например, бывшая слушательница Археологического Института, реакции которой приводились выше, охотно и быстро выполняет задачу на распределенность внимания (в три минуты без ошибок), говоря, что „такую задачу выполнить очень легко: хоть три дела зараз. Так даже легче. Я всегда учила уроки и разговаривала. Так легче“. Начинала работу несколько медленнее, но по мере того, как увлека-

ритмические из 86 реакций = 43,5; ритмические из 85 = 40,1. Средняя арифметическая величина длины кривой подъема в мм: неритмические из 86 реакций = 33,5; ритмические из 85 = 29,2.

лась рассказом, работа шла быстрее. Испытуемый, 17 лет, вдохновивший свою знакомую на переоценку всех ценностей (под влиянием чего последовало похищение 300 червонцев), сделал данную работу в 6 минут без ошибок. (Манерничая, воскликнул: „Глупая история кончена!“). Его товарищ, менее импульсивный, более созерцательный, сделал ту же работу в 5 минут.

Особенностью аффективно-абстрактной реакции ■ данном случае является не то, что эксперимент быстро и легко выполняется, а то, что распределение внимания облегчает работу. Это может быть объяснено тем, что, подходя к любой задаче аффективно (или с излишним увлечением, или с излишним отвращением), лица этого типа ослабляют эту аффективность при быстрой смене доминанты их внимания.

От такой конституциональной распределенности внимания близок переход к патологической распределенности (например, при шизофрении). Это мы наблюдали на целом ряде лиц. Например, юноша, 17 лет (М. П. К. Диагноз—шизофрения в резко выраженной форме), не способен ни на чем сосредоточиться; во время эксперимента бегаёт по психологическому кабинету, дает ответы на все вопросы с большими отступлениями, внимание рассеянное. Впадает в полубредовые нелепости. Лихорадочно быстро, без ошибок, в 3 минуты выполняет данную задачу и рассказывает с большей сосредоточенностью и здравостью, чем в состоянии это сделать, предоставленный самому себе, без планомерного отвращения его внимания. Каков процесс такой шизофренической рассеянности, можно иллюстрировать следующим примером. Мальчик, 12 лет (М. Ш.-С. Диагноз—шизофрения), описывая лежащую перед ним картинку из альбома Бинэ, предоставленный самому себе, отвлекается в сторону субъективных отрывков личной мысли и делает это описание так: „Заключенный в тюрьму стоит около окна и смотрит в него“. После очень долгой паузы, смотря на картинку, добавляет: „Больше ничего не помню“. Тут же спохватился: „Ах, нет! Я рассеялся, я о другом думал. Я рассеялся до того, что сказал „забыл“, а

как можно забыть, когда здесь картинка лежит". Ясно, что распределение на две планомерно поставленных задачи, должно улучшить качество его работы, выводя из непродуктивной рассеянности, но такая напряженность ■ данном состоянии не может быть долговременной. Тот же результат мы наблюдали у лиц несколько шизоидировавшихся после заболевания энцефалитом или после злоупотребления наркотиками. И тут, и там в психической реакции мы наблюдаем большую отвлекаемость, рассеянность, которая отражается и на памяти испытуемого. Такие испытуемые вносят в припоминаемое дополнение от себя. Различие между чисто шизофренической реакцией ■ реакцией после заболевания энцефалитом или реакцией наркомана психологически выражается в том, что в первом случае мы имеем корреляцию с аффективно-абстрактной конституцией. (Бывает ли шизофрения на конкретно-эмоциональном или каком-нибудь другом фоне психики, — для нас пока — проблема). При рассеянной реакции шизоидировавшейся психики, например, после заболевания энцефалитом, можно усмотреть сквозь позднейшие изменения и иной фасад личности, чем аффективно-абстрактный, который и предваряет картину имеющегося в настоящий момент разрушения (ср. реакции на интеллектуально-волевом фоне после заболевания энцефалитом).

Мы наблюдали далее мальчика 14 лет, болевшего энцефалитом. (Материал Детской Психиатрической Клиники Наркомздрава). Резкая половая и вообще возбудимость. Все время в движении: „Я сам не знаю почему: я лягу, — меня тянет туда“ (указание рукой на коридор). „Пойду туда, — меня тянет лечь. Я сам не знаю почему. Я сам недоволен своим поведением. Трудно себя держать в руках. Начинаю буяннить, не знаю почему. Что-нибудь скажут, — я разозлюсь, я считаю за обиду. Вспыльчив. Раньше не был таким. Я хорош, хорош, — а как нападет..." В данном случае во всех реакциях (также в его очень талантливых рисунках) просвечивает угасающий конкретно-эмоциональный фон психической конституции, теперь, если можно так выразиться, шизоидированный, расплывчатый. Совсем не в контексте с

прежним конституциональным фоном (конкретно-эмоциональным) мы встречаем здесь патологическую распределенность внимания, не только как способность, но именно как предпочтение делать два дела одновременно. При его ненормальном состоянии (чрезвычайная неустойчивость, крайняя возбудимость, абсолютная неработоспособность) данную задачу проделывает отлично (в 7 минут, два пропуска). Эксперимент на раздвоение внимания успокаивает мальчика, он перестает странно и непродуктивно отвлекаться. Сам замечает: „Как будто бы, когда рассказываешь, веселей подчеркивать“. Из этой-то особенности его внимания, его патологической распределенности, мы и считаем возможным психологически объяснить эту патологически быструю смену доминанты, эту неустойчивую тягу то в одну сторону, то ■ другую. „Я лягу, меня тянет туда. Пойду туда, меня тянет лечь, я сам не знаю почему“. Очевидно, психика, ослабленная болезнью, в целях защитной реакции прибегает к частой смене доминанты, так как более стойкая установка непосильно истощала бы ее, неспособную ни к какому напряжению. Эта болезненная неустойчивость находит успокоение при данной задаче, которая сама диктует устойчивую и определенную смену доминанты, облегчающую работу нервно утомленного организма.

Отсюда ясны и педагогические выводы. Поскольку можно оказывать воспитательное воздействие на такого ребенка, необходимо упорядочивающим образом разнообразить его занятия и использовать все способы продуктивной работы на распределение внимания. Мера как раз обратная той, которая была указана при патологической нераспределенности внимания. Очень любопытно отметить эксперимент на распределенность внимания, произведенный в одной вспомогательной школе в Москве. В продолжение часа дети занимались ручным трудом и одновременно слушали чтение. Результаты такого эксперимента оказались неожиданными: все при обычных условиях внимательные ученики не справились с этой работой; наоборот, особенно трудно воспитываемые дети, с резкой двигательной возбу-

димостью, вели себя примерно и хорошо справились с работой. Очевидно, здесь концентрация внимания давала различные результаты в связи с различием типов психических конституций.

Несомненно бóльшая напряженность вызывает ■ бóльшую усталость. Но нельзя учесть утомляемости без правильного рассмотрения типов психических конституций изучаемых лиц. Совершенно также без точно установленных типов психических конституций невозможно приступить к точному количественному измерению процессов внимания при его распределении.

Мы не будем здесь касаться, несмотря на их чрезвычайную важность, социально-педагогических ■ терапевтических выводов из факта конституционального различия распределенности и нераспределенности внимания. Эта задача дальнейших выпусков нашей работы.

Наконец, с интересным явлением мы встречаемся у лиц с переменчивой установкой внимания, то распределенного, то нераспределенного. Такою динамичностью обыкновенно обладают лица с конкретно-аффективной реакцией. Таковую реакцию мы встречаем у культурной испытуемой, 40 лет (М. П. К. диагноз: *degeneratio psychica*). Испытуемая отличается расплывчатостью образов и мыслей и неполным восприятием действительности (уклон в аффективно-абстрактный тип). Однако, этот отрыв от действительности временами, то меньше, то больше. Особенно резко такое неполное восприятие выражается в неумении больной, очень недурной художницы-любительницы, передавать на рисунке перспективу. „Перспектива мне противна и кажется просто „колкой“. На рисунке все предметы, взятые в перспективе, теряют свою жизненность и являются в ракурсе. После этого и все реальные предметы начинают восприниматься в ракурсе. Например, едет по улице извозчик, — лошадь воспринимается в ракурсе. Когда я в здоровом состоянии, то лошадь кажется мне живой, а когда в больном, лошадь является как бы в вырезанном виде, вроде силуэта. И мне делается противно. Точно также в момент головокружения или переутомления и слабости я

начинаю видеть лица и людей не так, как они бывают на самом деле, а в виде силуэтов". (Такая динамичность восприятия, нестойкость его, свойственна лицам с реакцией конкретно-аффективного типа по преимуществу). Данная дисгармоничная психика, с частыми уклонами в резкую ослабленность, в эти моменты пониженного восприятия реальности (свойственного аффективно-абстрактному типу) и вместе с тем резкого сужения сознания и резко выраженной нераспределенностью внимания (свойственной скорее типу конкретно-эмоциональному) неспособна корригировать воспринятые впечатления, — отсюда временами резко выраженная внушаемость. Из ее слов узнаем следующие факты ее внушаемости. Когда она спешила на службу, ее мать, деспотически влиявшая на нее, говорила ей, чтобы она подождала сестру. Она садилась и ждала, зная, что на службе ей будет выговор, и терзаясь от этого. Когда она успешно готовилась к экзамену по политграмоте, хозяйка комнаты сказала ей: „Разве можно в такой срок успеть подготовиться! Все равно не сдадите“. Испытуемая сейчас же забыла все, что прошла. Когда поступала в Государственный Институт Слова на литературное отделение, случайная встреча со слушательницей Института, которая посоветовала ей подать на другое отделение, изменило ее решение. Быстро писала на машинке, но когда ей сказали, что она пишет медленно, она стала писать действительно медленно и т. д.

На психологическом эксперименте внушаемость выразилась и на ее передаче картинки (из книги Штерна). Очень быстро приняла внушенную кошку. Еще больше уверилась в ее существовании потому, что только-что в эксперименте на память запомнила предложение: „Котенок играет“. „Не знаю, откуда ли впечатление о кошке. Все-таки кошка есть, раз вы говорите. Мне казалось, что кошка была. Мне казалось, что она находится под столом, — там она должна и остаться“. Через день: „Насчет кошки, кажется, что она под столом сидит, около ранца мальчика, вообще, около ранца играет. Кувшин, я думаю, что скорее на столе находится. Кошка, мне кажется, что белого цвета, но на-

верное не знаю. Чем больше припоминаешь" (то, в чем нет уверенности), "тем больше может быть фантазии, и ■ уже говорю не о том, что видела, а о том, что мне кажется". "И потом, лучше смотреть на картинку меньше времени. Сначала легче, а то утомишься и хуже — не можешь сосредоточиться". (Часто встречающееся замечание, связанное с конкретно-аффективным типом реакции, где, хотя некоторые предметы ускользают от восприятия, другие, наоборот, слишком интенсивно напирают и утомляют психику). Внушаемость испытуемой обнаружена и на ассоциативном эксперименте: давала именно те слова реакции, которыми экспериментатор сам мысленно дополнял слово-раздражитель. Например: 1) Ср: соль; рс, 1 сек.: „земли“. 2) Ср: сверлить; рс, 1 сек.: „дырку“. 3) Ср: свободный; рс, 1 сек.: „человек“. 4) Ср: привычка; рс, 1 сек.: „праздная“. 5) Ср: много; рс, 1 сек.: „людей“. 6) Ср: приказание; рс, 1 сек.: „строгое“ и т. п. Слова репродукции те же: хотелось говорить именно их. После замечания о том, что реакции все внушенные, и после просьбы постараться угадать мысленные дополнения экспериментатора, внушаемость исчезла: как будто старание вызвало больше напряжения, больше волевого усилия, ослабило автоматизмы.

Реакция на эксперимент по тесту Бурдона не однотипна. Когда одна — наедине с экспериментатором — абсолютно не может делать двух дел: подчеркивать букву и рассказывать (эксперимент велся в момент ее уныния и подавленности). Восклицает: „Ой! Это очень трудно: рассказывать в момент процесса подчеркивания“. (Рассказывает). „Ну, мне надо искать“ (букву „а“ для подчеркивания). „Я не могу вспомнить хорошенько, потому что у меня впечатление то от буквы „а“, то от рассказа. У меня теряются мысли, не могу сосредоточиться. Я не могу совместить букву „а“ с рассказом. Что-нибудь одно или другое...“ В 10 минут с задачей не справилась. Через день, в другом настроении, более реальном, в присутствии группы студентов с задачей справилась в 3 минуты. Внимание оказалось распределенным, именно, может быть, потому, что группа присутствовавших рассеивала и как бы разряжала напряженную узость со-

знания, которая свойственна испытуемой при других условиях.

Последний пример приводит нас к вопросу о пассивных процессах психики, о психических автоматизмах⁷⁹ ■ о процессах, наоборот, активных, волевых.

12. Поскольку усилие внимания „есть существенная форма всякого акта“⁸⁰, сам собою понятен переход к моменту наивысшей активности, который в психологии условно называется волей. Под волей мы будем понимать самую общую психическую функцию, а не особую самостоятельную сторону психической жизни, — как бы некую кооперацию всех функций психики.

Волевою установку мы прослеживаем или в комплексном единстве личности, или, наоборот, в отсутствии, в дисгармонии этого единства, как оно нам обрисовывается по общему контексту психических функций (на экспериментальных реакциях и по общим данным из жизни личности). Мы учитываем этот последний момент дисгармонии ■ автоматизмах, проявленных личностью (например, в моментах внушаемости, негативизма и т. п.). Таким образом, с данной точки зрения воля не вводит собственно нового элемента в психику, она выявляется в действии, ■ реакциях, контролирующих приспособление организма к среде. В этом собственно и есть нормальное единство личности, т.-е. такое единство, при котором личность одновременно обладает сознательным (интеллектуальным) базисом, эмоциональной ценностью и волевым направлением.

Вот наглядное изображение того, как мы представляем себе волевою установку личности в общем контексте ее психики, заимствованное нами у Мура⁸¹. Если мы на время условно исключим двигательный или волевой уклон личности (т.-е. волю) и рассмотрим ее только в статическом состоянии, то мы найдем в ней элементы: во-первых, сознания (мышления и т. п.); во-вторых, чувств, эмоций, аффектов и т. п.

На рисунке 1 мы имеем символическое изображение такого статического состояния психики.

Здесь три квадрата с их делениями представляют собою основные элементы личности (представления, чувства и т. п.). Отдельный маленький квадрат внизу и стрелка предста-

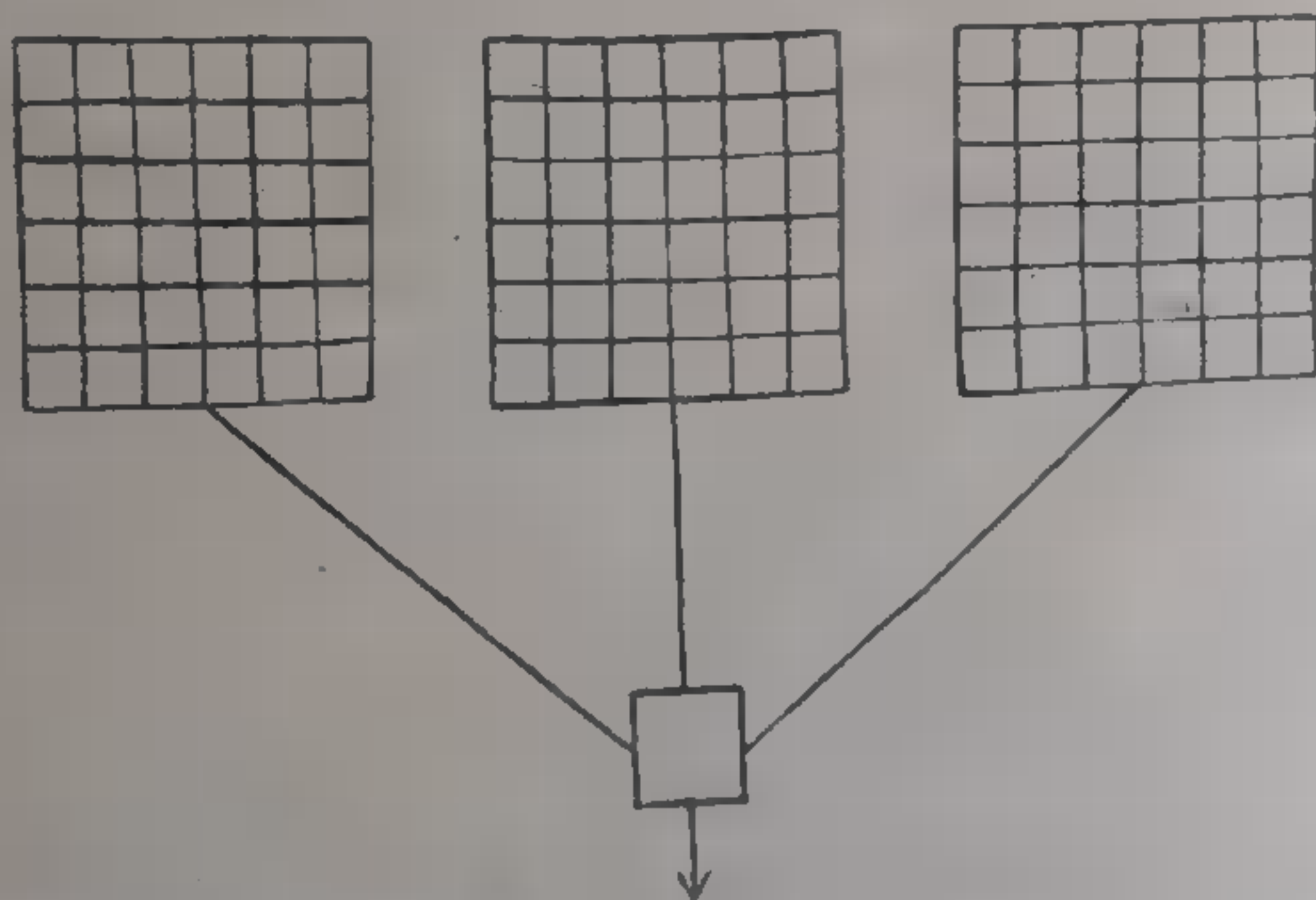

Рис. 1. Статический момент личности: Три квадрата — основные элементы психики (представление, чувство и т. п.). Отдельный маленький квадрат со стрелкой внизу — волевой уклон личности.

вляют собою ее общий волевой уклон. Если условно представить себе личность в таком статическом состоянии (разумеется, неестественном для живой личности), то воля, как момент динамический, не войдет в эту структурную картину. Воля является лишь динамическим освещением этого единства: воля есть та фаза личности, которая выявляет ее жизненность, ее активную силу, ищущую внешнего выражения в физическом мире посредством двигательной активности. Таким образом, по этому рисунку ясно, что волевые содержания не вводят новых элементов в сознание и эмоции, что воля, как процесс, выявляется лишь в действии.

Можно далее представить себе следующую схему структурного анализа личности.

На этом рисунке мы видим элементы сознания и эмоций, объединенными в комплексные связи (маленькие круги со стрелками). Можно представить себе, что эти малые комплексы в свою очередь опять соединяются в системы высшего порядка, — положим, первого, — в следующие круги несколько большего размера. Далее, эти комплексы первого порядка соединяются с комплексами еще более высшего, —

скажем, с системой второго порядка, — в еще бóльшие круги и т. д. Конечное единство образующихся систем, самый большой круг, символизирует личность, объединяющую все комплексные системы. В психике нормальной, гибкой, все эти комплексные связи объединены таким образом, что можно просто и легко переходить от одной из них к другой, как это изображено на рис. 2.

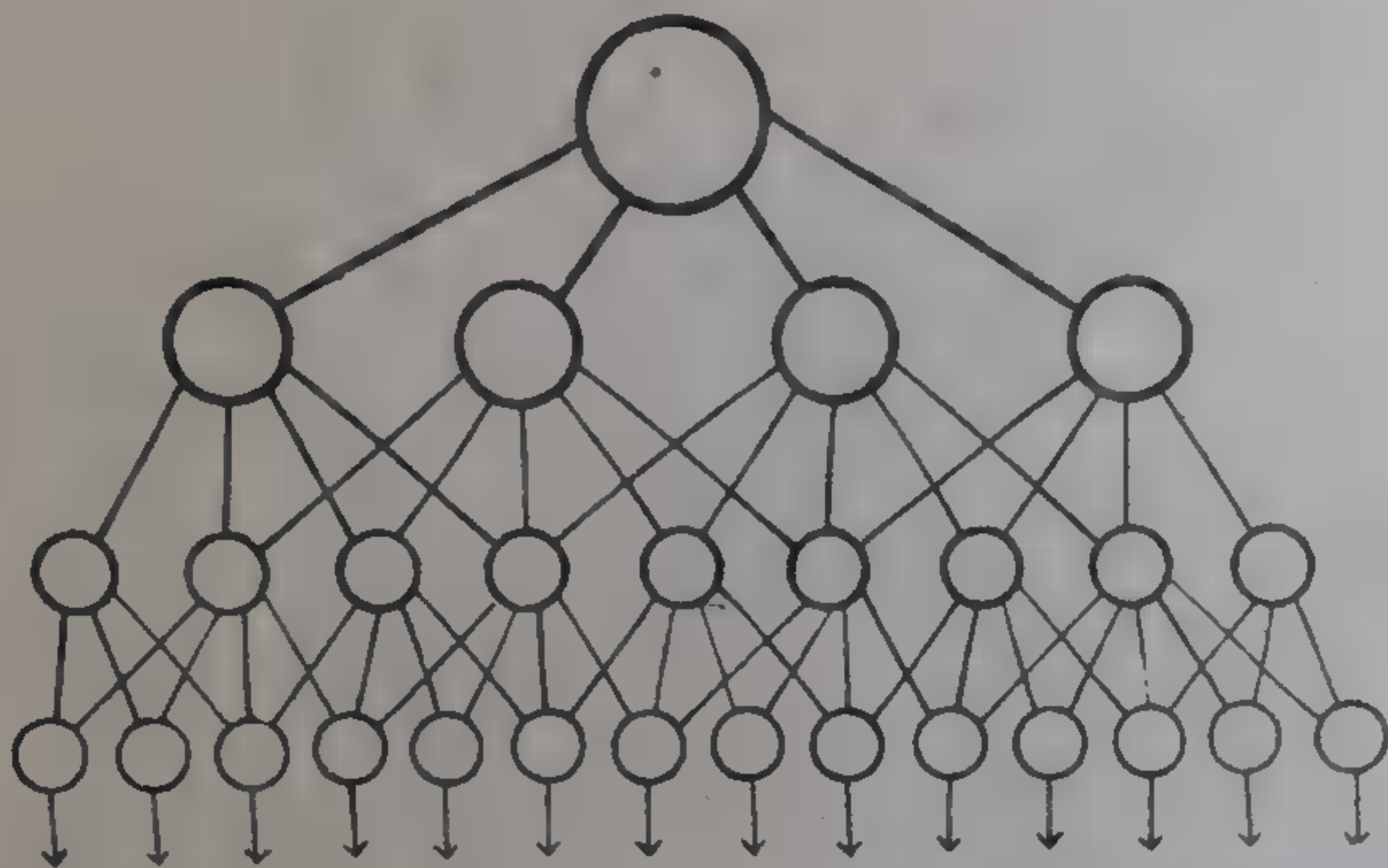

Рис. 2. Структурный анализ нормальной личности.

Если теперь представить себе личность собственно в волевом, т.-е. динамическом аспекте, то прежде всего необходимо изучить, — для отделения нормальных или гармоничных с личностью поступков от дисгармоничных (ненормальных), — способствуют ли волевые стремления личности ее единству, или же распаду.

На схеме 2-й символически изображены те психические состояния, которые свойственны нормальной, гармонической личности: здесь каждая комплексная система связана со всеми другими, и волевое направление, как показано стрелками, находится в гармонии с единством личности в целом.

Совсем наоборот, на рис. 3 символически изображена личность в условиях ненормальных психических процессов.

Со стороны структурной ненормальная личность характеризуется здесь группой комплексов, несвязанных с остальной личностью; со стороны динамической (волевой) мы видим здесь различие направлений волевых стрелок.

Самую простую форму таких больных автоматизмов представляют собою так называемые навязчивые состояния. Они не входят в общую связь единства личности, они ле-

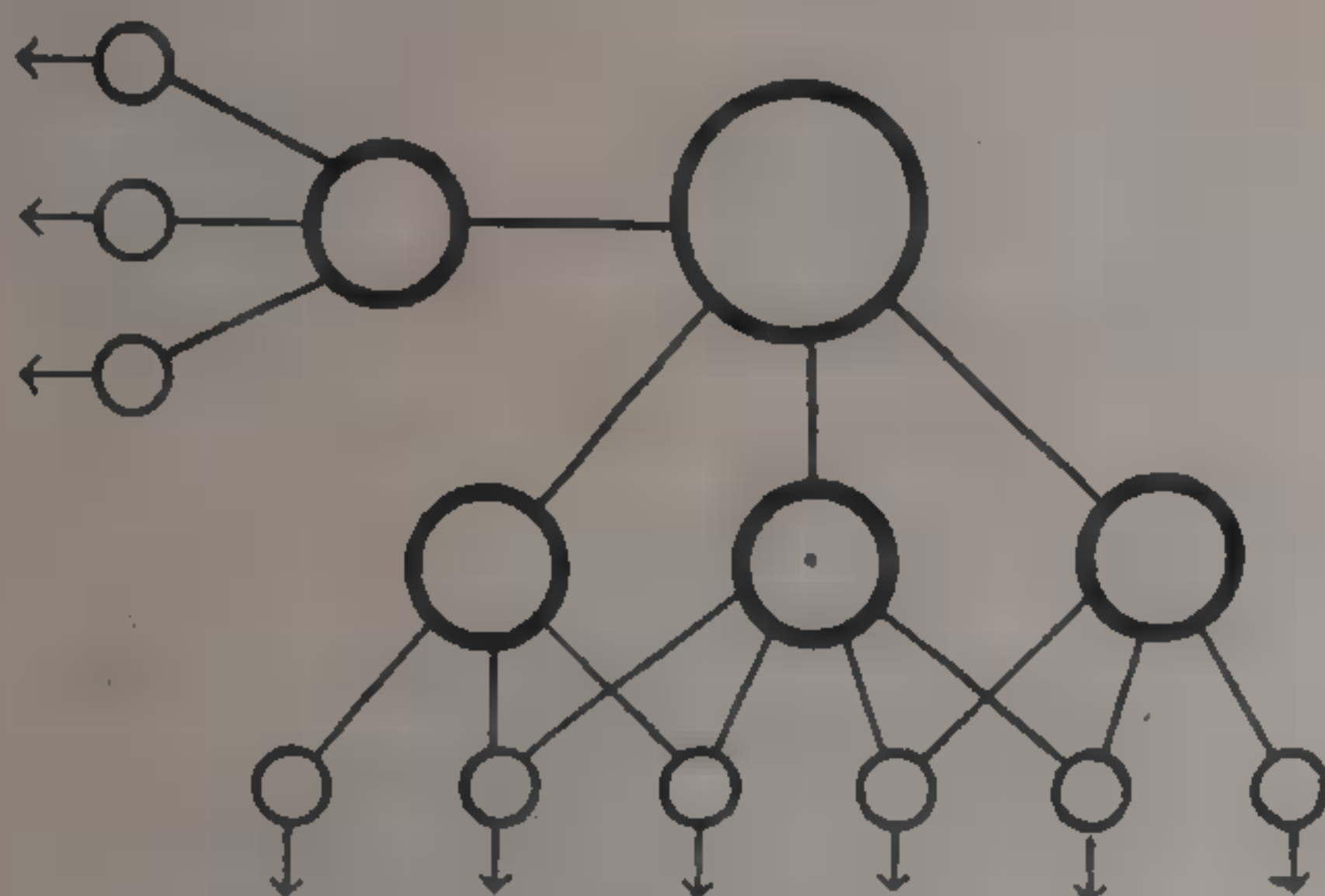

Рис. 3. Анализ ненормальной личности.

жат как бы вне ее сферы, диссоциируются с ней. Нормальная психология изучает в личности всю ее безграничную область, тогда как психопатология ⁸² сводится лишь к изучению запутанных процессов психики, так или иначе ведущих к конфликту между личностью и ее диссоциациями.

13. Для полноты исследования живой личности психологу необходимо далее выходить из рамок кабинетного психологического исследования отдельных функций личности. Все наши исследования убеждают нас в том, что и при лабораторном подходе исследуются не столько отдельные функции личности, на которые специально направлен эксперимент; сколько различные типы реакций, в которых на одном ■ том же раздражителе проявляются совершенно различные функции личности в зависимости от типа психической конституции. Необходимо, следовательно, далее учесть ■ те реакции, которые фактически известны, как проявленные изучаемой личностью в жизни. Вот почему педагогический, врачебный дневник, личный дневник испытуемого, анамнез, социологические данные, факт и характер правонарушения (как своеобразная психическая реакция на внешнее раздражение) и т. п., — все должно быть психологически учитываемо и оце-

ниваемо в общем контексте психики испытуемого, как это мы и иллюстрируем в наших индивидуальных монографиях.

Чтобы изучить личность, не обедняя ее жизненного целого, психолог не должен довольствоваться схематически плоскостным призраком личности, ее уродливой тенью. Он должен брать личность во всей полноте ее пластического рельефа. Каждое из переживаний личности отражает в себе и все остальные переживания ее. В личности нет мозаической дробности, нет отдельных метафизических „способностей“. Личность вся целиком находится в одном из ее переживаний. Для изучения личности очень важно умело выбрать те из ее переживаний, которые наиболее рельефно способны раскрыть ее.

Чрезвычайно важны, например, в этом отношении переживания, связанные с правонарушением. И если для того, чтобы изучить характер правонарушения, необходимо уже знать личность правонарушителя, то и, наоборот, не менее важно изучить отношение личности к своему правонарушению, чтобы изучить личность правонарушителя.

Только при таком широко-жизненном психологическом подходе уясняются характерные черты психики, а также и моменты нормы, и аномалии в ней.

Психологической нормой мы считаем координированную цельную (т.-е. не диссоциированную) систему всех психических моментов, определяющих личность в ее отношениях к среде: ее влечения, желания, акты и т. д.

Под темпераментом мы понимаем особенности телесного организма личности⁸³.

Характером мы называем то, что человек проявляет самостоятельно в силу своей психической конституции, и упрочивает преследованием определенных целей, независимо от влияния среды, — поскольку методологически можно абстрактно представить себе такой разрез психики в ее психо-социальной установке.

С этой точки зрения характеризовать индивидуальность психологически — значит перенестись в один центральный момент личности, в котором множество различных моментов концентрируется в одно простое и

неделимое целое. Так получается „схематическое“ целое личности, виденное как бы сквозь одну точку, как бы сквозь острие пирамиды, которая пронизывает ее всю до основания. При такой динамической методологии остается возможность в каждый любой момент спуститься с этого высшего общего пункта (типизации личности) ко всем живым деталям, исчерпывающим ее всю до основания (дифференциальные особенности личности, ее послойная характеристика). Такая динамическая схема — не простой экстракт, извлеченный из жизненных данных, не простая номинальная сумма механически объединенных деталей; ее материал не похож на камни, из которых можно построить любое здание, это — живое органическое целое, части которого (по принципу всего живого) органически обуславливают и взаимно пронизывают друг друга⁸⁴. Изучение живой личности должно вестись по двум направлениям: ее типизации и индивидуализации. Типизация или классификация личностей должна предшествовать их индивидуальной характеристике. Психологическая классификация личностей, обосновывающая отношение между изучаемой индивидуальностью и объясняющим ее типом, должна быть системой органически связанных между собою моментов, т.-е. истинно научной классификацией⁸⁵.

II.

ОБЩАЯ СХЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТЕЙ.

Если разобраться во всем многообразии отдельных индивидуальностей аналитически-синтетическим путем, как это принято в естественно-научных классификациях, и представить себе, что каким-нибудь способом удалось классифицировать все возможные дифференциальные различия людей, то такая классификация (вряд ли осуществимая) ¹⁾ показала бы, что все типические особенности людей находятся в определенных друг к другу отношениях более близкого и более отдаленного родства, образуя в совокупности систему с характерным внутренним соотношением членов. Именно такую связанную классификацию мы имеем, например, в схеме цветовых ощущений.

Мы знаем, что отдельные члены этого богатого многообразия неисчислимого количества дифференциальных оттенков цветов не представляют собой бессвязной, неподдающейся обзору массы. В гамме насыщенных цветов выделяют цвета определенных красок, которые обнаруживают свою окраску в наиболее высокой степени, — от красного конца спектра с наиболее длинными волнами переходят че-

¹⁾ „Всякая группировка всегда до известной степени искусственна: богатство и разнообразие природы не укладываются в рамки схематических определений. Это следует иметь в виду во избежание недоразумений, которые могут быть вызваны классификацией различных форм: она должна быть и не может быть ничем иным, как только руководящей нитью, позволяющей нам ориентироваться среди пестрого разнообразия явлений“. Ашаффенбург. *Op. cit.* Стр. 158.

рез едва заметные ступени к цветам: желтому, зеленому, голубому, — наконец, промежуточный, фиолетовый цвет снова приближается к красному, и если прибавить к нему несколько пурпуровых и т. д. тонов, то мы снова придем к нашему исходному пункту. В конечном итоге, обычно, цветовые ощущения изображаются в наглядной схеме цветовой пирамиды (рис. 4), где посредством слегка закругленных линий образуется неправильное октаэдрическое тело, в котором все возможные дифференциальные различия насыщенных и нейтральных цветовых ощущений получают свое адекватное выражение.

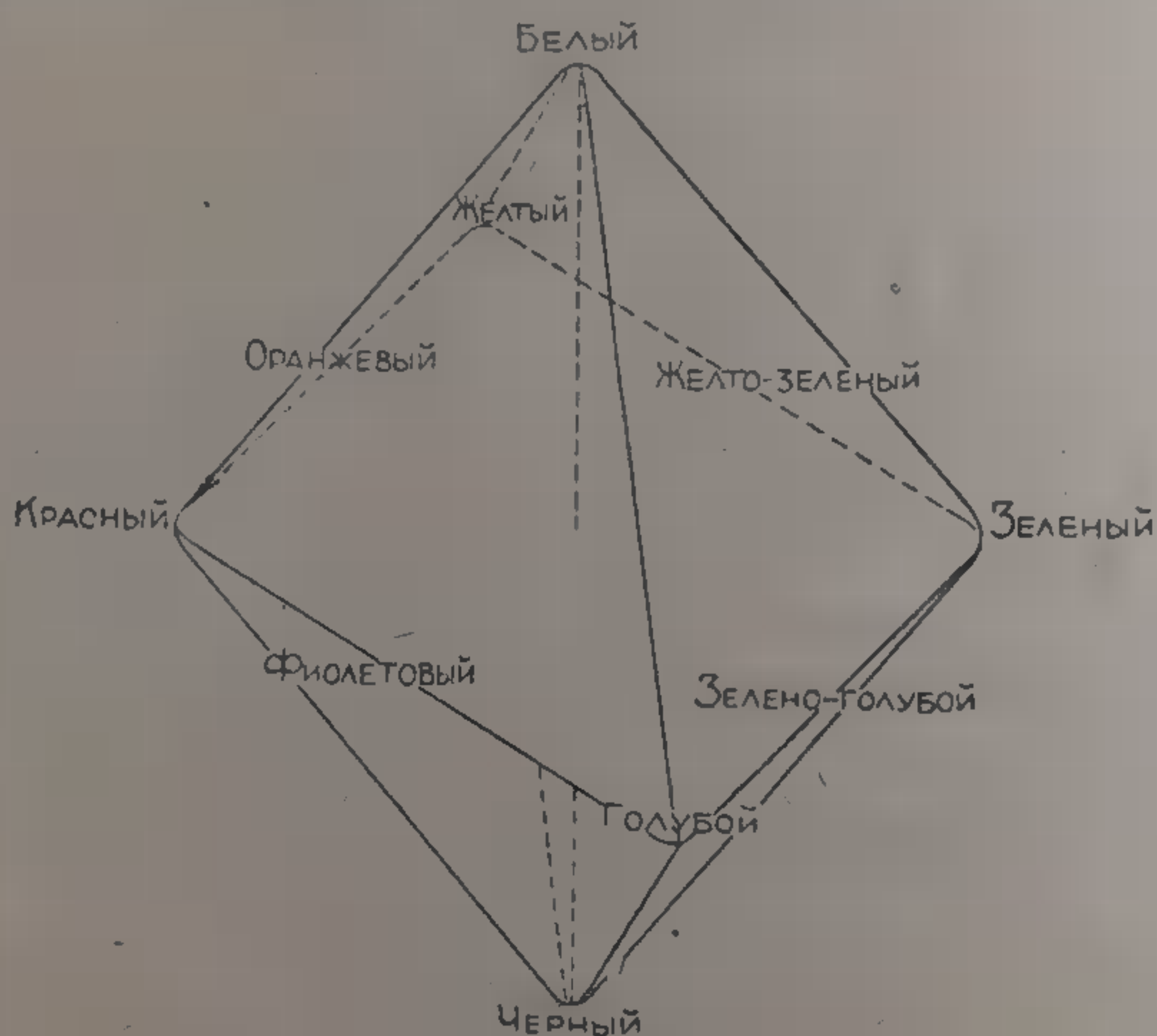

Рис. 4. Цветовая пирамида.

(Взятая за образец постепенного порядка перехода классификации личностей, в форме восьмигранника).

Мы хотим, чтобы построенная нами естественная психологическая классификация личностей носила такой же возвращающийся к себе замкнутый характер. Мы хотим, чтобы психологический эксперимент, переломляющий индивидуальности на типические особенности по типичности их психических реакций, при исследовании целого ряда лиц дал бы нам некоторое подобие полного замкнутого спектра. А так как в естественном порядке сложных психических реакций мы замечаем несколько определенных групп, то мы думаем,

что согласно таким признакам (по реакциям) возможно будет построить психологическую классификацию личностей по указанному образцу, именно, — гаммы цветовых ощущений. В самом характере перехода одного типа к другому можно представить себе такое же взаимоотношение, как и в цветовой гамме: если переходить от красного цвета через киноварно-красный, оранжевый, золотисто-желтый к желтому цвету, то ощущение остается при этом одинаковым по своим общим свойствам. Резко отличаются между собою только два конечных члена: красный и желтый, — но множество промежуточных членов имеют известное сходство одновременно и с другими: каждый из них немного красноват и немного желтоват и, когда проходят весь ряд, то одно из этих свойств возрастает, а другое ■ равной мере убывает.

Любой отчетливо выраженный психологический тип совершенно также должен относиться к двум своим соседям, если восполнить промежутки между ними (сходные члены нечистого типа). Такой именно характер перехода от одного типа к другому мы и мыслим в нашей психологической классификации личностей. Но мы не можем расположить наши типы по схеме цветовой пирамиды в указанной форме, так как мы не можем поместить примитив, выделенный нами по особенностям своих психических реакций ■ особую категорию, на одной плоскости (среднего четырехугольника) с другими типами нашей классификации, реакция которых обуславливается не отсутствием развитой культуры, как у примитива, а чисто конституциональными психическими особенностями. Разумеется, эти особенности в действительной жизни встречаются по преимуществу в смешанном виде. Также и Кречмер (стр. 120) признает, что чистого типа в строгом смысле этого слова никогда не встречается, „но всегда индивидуальные видоизменения типа, т.-е. тип смешанный с небольшими дополнениями из гетерогенных наследственных налетов. Это смешение, в котором выступает перед нами тип в эмпирическом отдельном случае“, Кречмер и называет: „конституциональным соединением“; тоже понятие Кречмер относит и „к психи-

ческому типу человека, к совокупности всех его наследственных задатков вообще, словом, к его конституции", которую мы называем нормальной психической конституцией, чтобы этим добавлением отмеживать нашу позицию от психопатологии.

Для схемы нашей классификации личностей мы остановились на следующей форме четырехгранника, чтобы отметить на одном из его углов примитив, как изначальную основу для любой индивидуальности или для любого дифференцированного конституционального типа (рис. 5).

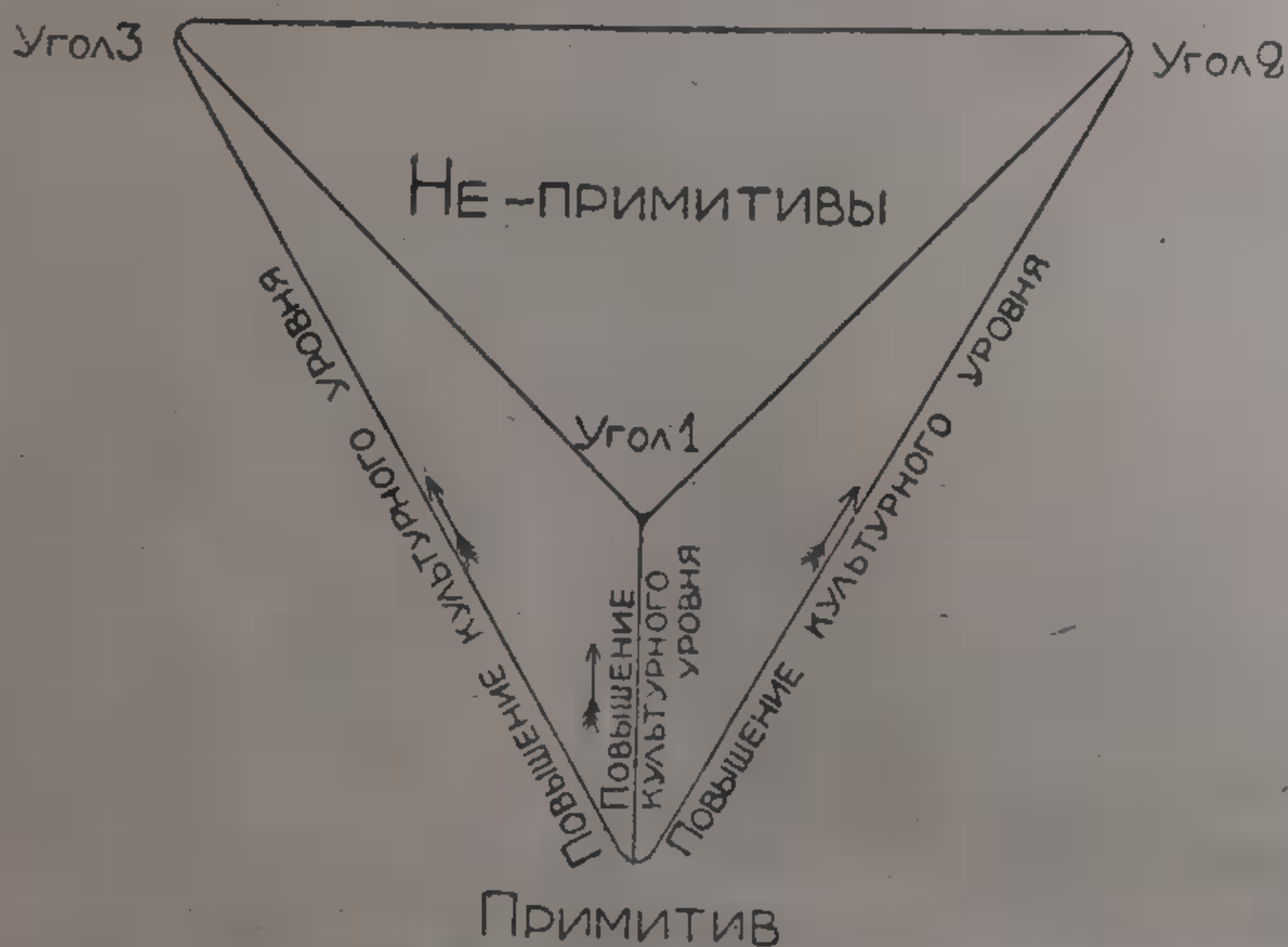

Рис. 5. Наглядная схема взаимоотношения примитивов (как изначальной основы для любой индивидуальности) и не-примитивов.

В самом деле, если разобраться во всем многообразии отдельных личностей по их психическим реакциям, то оказывается, что прежде всего они все распадаются на две группы — соответственно тому или иному уровню своего развития: именно, на примитивы и не-примитивы. Сколько нам известно, ни одна психологическая классификация не выделяла еще такого социально-педологического момента, крайне важного по своим следствиям для психологической оценки личности как нормальной, так и патологической. Примитивы⁸⁶ характеризуются прежде всего¹⁾ свое-

1) В целях более наглядного обхвата нашей схемы классификации, здесь мы набросаем только основные ее контуры.

образной цельностью личности, в которой еще не достаточно ярко дифференцируются отдельные стороны психических конституций. Примитив настолько типичен сам по себе, что все более тонкие конституциональные различия поглощаются общим фоном его примитивности. Вот почему нам понятно такое выражение Кречмера: „цветы шизофренической внутренней жизни нельзя изучать на крестьянах, здесь нужны короли и поэты“ (стр. 169). И, действительно, психологические исследования вскрывают, что конкретность восприятия ■ мышления, по преимуществу свойственная примитиву, нейтрализует его склонность — если таковая есть — к абстракции и мечтательности. Вот почему особенно трудно выделить шизотимическую конституцию на примитивном фоне.

Культура и интеллект — вот те два понятия, в которых можно ориентировать признаки психики собственно примитива. Культура и процессы мышления обуславливают друг друга (Rich. Thurnwald). Примитивный есть синоним изначального, т.-е. нормального, но неразвитого до последних пределов возможного. Примитивная психика есть такая, которая при известных условиях личного, родового и расового опыта может оказаться основой для нормальной культурной психики и ее дальнейшего развития, тогда как ненормальная психика ни при каких условиях не может лежать ■ основе психики нормальной. Подробнее об этом мы говорим в III выпуске нашей работы.⁸⁶

Таким образом, примитив, помещенный на нашей схеме (рис. 5) в нижнем углу, указывает на самую низшую степень культуры, которая повышается в сторону трех остальных углов по указанному стрелками направлению. Этот культурный уровень можно представить себе повышающимся непрерывно, — точной грани, где достигается момент собственно культуры, так же не существует, как не существует ее в переходе цветовых ощущений.

Примитив способен иметь уклон во все конституциональные различия, особенно резко выраженные на культурном фоне (см. углы 1, 2, 3

на рис. 5), а следовательно, и любую форму психоза, predeterminedенную психической конституцией. Подробнее органическое, генетическое и динамическое взаимоотношения всех типических конституций, очерченных здесь, нами выяснятся при нашей дальнейшей работе. Здесь мы только отметим, что соответственно систематизированным нами примитивным психическим реакциям психике примитива свойственно вообще: восприятие реальное, но неясное, мышление конкретное, реакция адекватная, но не точная. Наоборот, на не примитивном, культурном фоне личности типичные психические конституции, соответственно типическим особенностям их реакций, выделяются особенно резко.

Так, возвращаясь к общечеловеческим сложным реакциям: познанию (восприятие и мышление), его оценка (чувство) и реактивному действию (воля), мы отмечаем, во-первых, все тот же тип реакции, как и у нормального примитива, т.-е. конкретный и реальный, но уже окрашенный большим эмоциональным тоном. Под эмоцией мы понимаем сложное чувство, реакцию организма, которая возникает из субъективной оценки воспринятых впечатлений и связана с тем, что нравится и не нравится. Такой конкретно-эмоциональной реакцией мы характеризуем реакцию, в которой эмоция господствует над интеллектуально-волевым моментом, разумно контролирующим действие. Таким образом, один из верхних углов четырехгранника нашей схемы (угол I) занимает тип конкретно-эмоциональный (см. рис. 6).

По конкретности своего восприятия этот тип близко стоит к примитиву, но отходит от него по богатству своих эмоций и большей гибкости представлений. Разумеется, возможно часто встречающееся сочетание конституционально-социологического момента и тогда получается тип конкретно-эмоционального примитива. Вообще богатство и гибкость представлений вот то, что прежде всего отличает человека культурного от примитива. В этом преимуществе культурного человека над примитивом кроется и своеобразная опасность: чем полнее развит мир представлений, тем больше возмож-

ности, что представление или воспоминание о реально-воспринятом будет изменено ассоциациями самого разнообразного свойства, т.-е. факторами, возникшими не из непосредственного реального восприятия (ср. М. Ферворн).

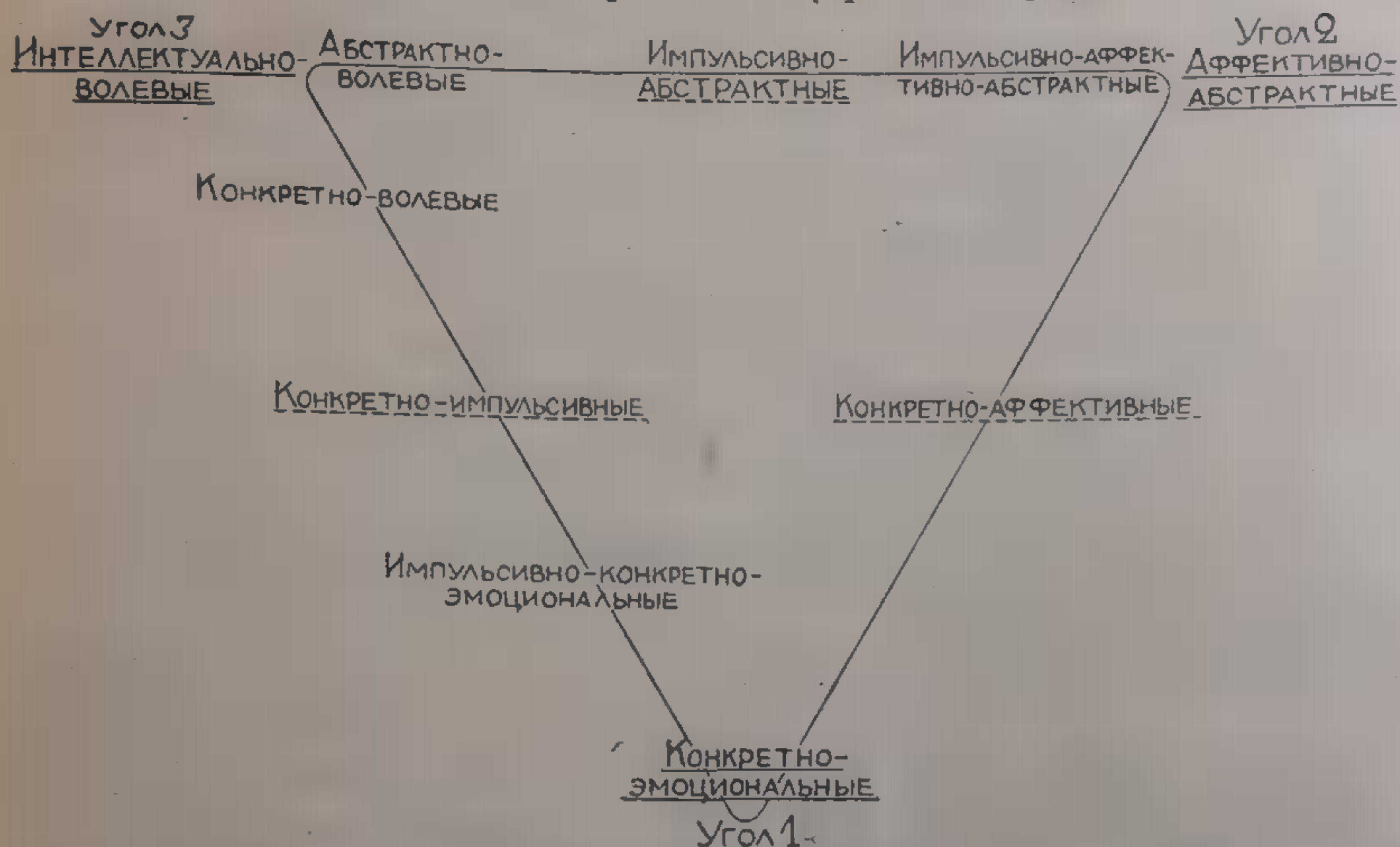

Рис. 6. Наглядная схема основных конституциональных дифференциаций типов в их взаимоотношении.

Из наших психологических исследований явствует, что тот нормальный тип психической конституции, который мы определяем сообразно признакам его психических реакций, как конкретно-эмоциональный, вполне соответствует нормальным циклотическим темпераментам Кречмера¹⁾ (см. дальше наши таблицы), особенно по

1) Мы умышленно начинаем общую схему нашей классификации с сопоставления тех немногих пунктов, которые совпадают у нас с классификацией Кречмера, чтобы, начав с более привычного для современного читателя, ввести в его сознание и то новое, что достигнуто нами в нашей работе. Повторяем, что с Кречмером у нас есть лишь очень немногие пункты совпадения, но не тождества. Хотя эти пункты намечены в целом ряде других источников: у Крэпелина, Бейлера, Рейсса и др., — с психологической точки зрения удобнее выбрать именно Кречмера, поскольку именно он ярче других подчеркивает, что при тонком анализе индивидуальностей все больше и больше расплываются границы между болезнью и здоровьем. В этом слиянии границ вся сила и слабость его исследования с психологической точки зрения. Сила в

его социальной установке: он „реалистичен ■ легко приспосабливается к окружающему“. Среди личностей этой категории „социальные качества довольно редки“. Мы считаем очень важным шагом вперед по пути изучения этого типа в его нормальном виде уже самое терминологическое очищение его от патологических наслоев, которые предопределяются типом данной конституции. Поэтому мы ■ заменяем термин „циклотимический темперамент“, возбуждающий много возражений, чисто психологическим термином „тип конкретно-эмоциональный“.

У Кречмера мы не находим психологической м е т о д и к и для распознавания такого типа по объективным экспериментальным данным среди других лиц более или менее на него похожих. Восполнение этого пробела ■ преследует наша работа в своей методической части. Мы видели на практике, как трудно очертить правильную линию типа в случаях пограничных, и только выделение психических реакций по их основным экспериментальным признакам помогает отличить этот тип, если он не ярко выражен, от другого, крайний полюс которого указан Кречмером в его шизотимических темпераментах. В этой группе Кречмер сам наталкивается на следующую трудность: „В шизофреническом цикле“, — говорит он, — „нам труднее отделить здоровое от больного, характерологическое от психотического“ (стр. 170). „Мы можем выделить препсихотическое, психотическое, постпсихотическое и непсихотическое, но не можем психологически расчлениить шизоидное“ (курсив наш; стр. 171).

Скромную попытку в этом направлении мы надеемся сделать путем чисто психологического анализа нормального психологического типа, весьма близкого к шизотимическим темпераментам Кречмера, который мы обособили на основании систематизации собранных нами при наших исследованиях психических реакций.

установлении биологической непрерывности, слабость — ■ отсутствии четких психологических признаков для установки этой границы. Что касается многочисленной критики, вызванной книгой Кречмера, то во многом вполне справедливая, она ничуть не колеблет тех моментов, в которых соприкасаемся с учением Кречмера мы.

Второй тип отмеченной нами реакции мы характеризуем по ее естественным психологическим признакам, как реакцию аффективно-абстрактную. И здесь точным уяснением психологической терминологии мы надеемся подвинуть вперед решение сложных и пока еще нерешенных проблем, на которые нет ответа у Кречмера.

Мы находим, что недостаточно четкое пользование термином аффективность наряду с термином эмоциональность (привычное смешение в немецкой психологии) вносит очень большую запутанность в учение Кречмера о шизотимических темпераментах: „Шизоидные темпераменты находятся между полюсами раздражительности“ (читай: чрезмерная чувствительность, повышенная аффективность) „и тупости“ („аффективное отупение“ — термин Крэпелина). Таким образом, с психологической точки зрения группа шизотимических темпераментов объединяется в непрерывный ряд по признаку аффективности, который постепенно нейтрализуется. Да и внутри самого индивидуума (шизотимического темперамента), по Кречмеру, может совершаться психэстетическое перемещение „в направлении от гиперэстетического к анэстетическому полюсу, от раздражения к параличу, при чем (выражаясь схематически) после первой стадии общей чрезмерной чувствительности вначале утрачивают свой аффективный резонанс ценности, чуждые личности, между тем как ценности, свойственные личности, сами по себе постоянно сильнее подчеркиваемые, сохраняют свой сильный акцент“ (следовательно, и для второй стадии наступает не утрата, а скорее усиление перемещенного аффекта) „и лишь тогда, когда и свойственные личности элементы утрачивают свою аффективную ценность, наступает третья стадия — аффективной тупости. Аллопсихический резонанс утрачивается раньше аутопсихического“ (стр. 178).

Кречмер сам делает дополнение, что „стадия абсолютной чрезмерной чувствительности, как и стадия абсолютного охлаждения аффекта, в самом точном смысле слова, являются лишь теоретическими фикциями (курсив наш), которые в действительности вряд ли полностью выявляются“,

т.-е., другими словами, какие-то следы аффекта, повидимому, и по Кречмеру, остаются и в этой третьей стадии — паралича аффектов. „Мы можем представить, что у многих шизоидов охлаждение темперамента идет снаружи во внутрь, так что при постоянно нарастающем торпидном застывании обращенных к наруже слоев остается все более и более сжимающееся нежное и чрезмерно чувствительное ядро“ (стр. 190). Словом, аффективная тупость, равная пассивной бесчувственности (Кречмер), одна из составных частей шизоидного темперамента, не есть собственно отсутствие аффекта, а лишь сужение той области, которая может аффект вызвать. Более того, если вообще шизотимикам несвойственна жестокость, то все же Кречмер выделяет именно в этой третьей группе ■ новый оттенок: „гневно-тупых или тупо-жестокых“. Правда, этот оттенок выражается прежде всего постпсихически после прежних шизофренических приступов. „Эта форма шизофренического гнева по своему психологическому механизму скрытого аффективного застоя (курсив наш) и бессмысленного разряжения имеет некоторое родство с известными синдромами трамвы мозга и эпилепсии“. Таким образом, наличие аффекта в шизотимических группах, и по Кречмеру, так или иначе остается даже и в третьей стадии — аффективной тупости. Если же так, то выражение „аффективная тупость“ в данном случае не адекватно.

В психологии (главным образом, в немецкой) термин „аффект“ вообще имеет неопределенный характер. Особенно медицинское употребление этого термина запутало его точный психологический смысл. Слово „аффект“ ■ психологии (от латинского *afficio* — воздействую) обозначает собственно состояние возбуждения. Современная психология (начиная с Бэна) понимает под аффектом чувства известной степени интенсивности, которые нарушают течения представлений (и сопровождаются известными телесными изменениями). В этом смысле аффект есть эмоция, оказывающая влияние на течение и направление представлений, изменяя их объективность. Аффект определяет особый подбор представлений, допуская лишь те предста-

вления, которые соответствуют данному чувству субъекта и задерживают все остальные. В самом деле, ведь и там, где Кречмер для обрисовки третьей группы шизотимических темпераментов употребляет выражение Крэпелина „аффективная тупость“, — и там, однако, оказывается, что личность остается насыщенной аффектом, только в суженном разрезе. Во всех группах шизотимического темперамента, следовательно, во всех указанных Кречмером случаях, правильнее говорить об эмоциональной тупости, т.-е. об отсутствии синтоничности с воспринятым раздражением, тогда как аффект (той или другой степени), неадекватный раздражению, остается налицо. Мы здесь не касаемся патологических моментов, для которых потребовалась бы особая схема классификации. В пределах же конституциональной нормы такого типа реакций мы отмечаем всегда один и тот же признак: внутреннее — вот, что характеризует аффективную реакцию. Она имеет в своей основе не столько объективность ощущения (характерную для конкретно-эмоциональной реакции), сколько внутреннее переживание, часто лишь мимолетное впечатление. В этом смысле, определяя по типу реакции самый тип, как аффективный, можно характеризовать его, как воспринимающий не целые предметы или события, как они протекают реально, но по частям, по отрывкам. Внешний мир для такого типа почти не существует; вот почему этот тип психики нуждается во впечатлениях, так сказать, ударного характера для того, чтобы действительность более или менее дошла до его сознания. Всякое восприятие этого типа изменяется аффектом. Всякое явление действительности вызывает в нем прежде всего аффективную реакцию.

На основе таких представлений, измененных аффектом, этот тип склонен к абстракциям, отдаленным от реальности. В шизотимических группах у Кречмера мы также нередко встречаем такое сочетание аффективности и абстракции (см. его индивидуальные монографии). Поэтому для полноты определения этого типа мы характеризуем его, как аффективно-абстрактный.

Типы конкретно-эмоциональный и аффективно-абстрактный относятся между собою, как эмоция

относится к аффекту, т.-е. незаметно и постепенно переходя друг в друга. Следующий угол (2-й) на нашей схеме (см. рис. 6) мы и отмечаем типом аффективно-абстрактным. Этот тип по своей абстракции как будто совсем далек от чистого примитива, характеризующегося конкретностью, но он близок ему по своей крайности: если у примитива вымысел растворяется в реальности (поскольку вымышленное для него тождественно с действительным), то у аффективно-абстрактного типа абстракция поглощает реальность и диктует неадекватную реакцию на реальные раздражения внешней жизни. Очень интересную задачу для психолога представляет собою выяснение особых признаков аффективно-абстрактного примитива, где примитивная конкретность восприятия нейтрализует склонность к абстракции, примитивная синтоничность нейтрализует аффективность.

Не касаясь здесь чисто патологических моментов, укажем лишь на тонкость и трудность проблемы расшифровки патологических черт шизофрении на фоне этого типа. Нормальная, но примитивная неясность понятий зависит от несовершенства абстракции, тогда как патологическая неясность понятий в данном случае зависит от потери первоначальных элементов, которые входят в состав понятия. Каждая последующая потеря ведет к возрастающему расхождению понятия с самим предметом. При шизофрении на культурном фоне уже на самом процессе мышления возможно уловить распад интеллекта, — на фоне примитивном эти черты в интеллектуальном моменте не так четко выражены. Вообще же мы думаем, что наиболее благодарной, хотя и наиболее трудной, проблемой оказывается проблема различия, а не сходства, как это ищет Storch⁸⁷, между примитивной и шизофренической психикой, так как в этом последнем случае клубок дифференциально психологических проблем не столько распутывается, сколько еще более спутывается.

Отсутствие манерности у примитива затушевывает то, что Кречмер называет „аристократизмом“, который выявляется, однако, и у примитивов шизотимической конститу-

ции. Наоборот, бегство от людей, в основе которого лежит повышенная ранимость, ярко выражено и на фоне примитива этого типа. Беспомощная боязливость по отношению к новым, необычным ситуациям и антипатия к такой смене ситуаций — этот гиперэстатический признак свойственен не только многим шизотимикам, но и просто примитивам, которые при нераспределенности внимания не скоро адаптируют новое положение. Разумеется, причины этой боязни нового — психологически — в обоих случаях различны.

Ярко выраженный аутизм (Блейлер): жизнь в самом себе, расплывчатость восприятия, несинтоничность среде, — все это делает группу лиц этого типа антисоциальными в банальном смысле слова и часто переходящими в криминальную антиобщественность, что подчеркивает и Кречмер. Однако, более ли виноваты эти антиобщественники перед обществом, чем общество перед ними — вот проблема, которую мы рассмотрим в специальной части нашей работы о правонарушителях этого типа.

Прежде чем заполнить третий, последний, угол нашей схемы (рис. 6), остановимся на промежутке между конкретно-эмоциональным и аффективно-абстрактным типом, чтобы установить между ними ту непрерывность, которой не хватает классификации Кречмера. Он и сам, признавая, что „эндогенные психозы есть не что иное, как заострение нормальных темпераментов“, указывает вместе с тем на возможность „многих смешанных патологических черт“, — и таким образом на возможность смешения черт нормальных, что и ведет к непрерывности психологических типов.

Эта непрерывность особенно важна для установки динамичности типов, например, при переходе из детского возраста в возмужалый, из возмужалого в старческий и т. п. Также и Кречмер, изучая атипичический материал, пришел к мысли о конституциональном соединении, перекрещивании и смене доминантов (стр. 123).

Подобно тому, как в гамме цветовых ощущений часто бывает трудно отличить, какой зеленый цвет, например, не голубоват, а голубой не зеленоват, также трудно бывает

отличить, например, тот момент, где эмоция переходит в аффект и обратно. Тип конкретно-эмоциональный, как мы сказали, относится к аффективно-абстрактному, как эмоция — к аффекту. Но аффект есть та же эмоция только ■ насыщенном, конденсированном виде, — следовательно, эмоциональность того или иного лица может иметь различные оттенки, близко соприкасающиеся с аффективностью, т.-е. момент, когда впечатление воспринимается не только с тою оценкой, что оно нравится или не нравится, но когда прямо изменяется самое течение представлений, создавая комплекс. В согласии с Кречмером под комплексом мы понимаем „изолированные группы представлений с сильным аффектом, которые имеют самостоятельное и часто отрицательное действие на психические процессы“ (стр. 197). Такая комплексная насыщенность психики, ■ по Кречмеру есть чрезмерная чувствительность, основанная на интрапсихических задержках.

И не даром Кречмеру понадобилось выделить из его шизоидного материала столь разнообразные и мало согласные между собой группы: первую, проходящую через всю шизоидную характерологию, которая характеризуется аутизмом и холодностью и, как сказали бы мы, абстрактностью и вторую, и третью, стоящие „в известном противоположении друг к другу“ („контрастная пара“). Одна из них, вторая, включает в себе „всевозможные оттенки психической чрезмерной чувствительности, от мимозоподобной тонкости чувства до гневной возбужденности“, — тогда как последняя группа обладает, напротив, признаками „психической нечувствительности“, понижения способности к самопроизвольным актам, „аффективной тупости“ (стр. 174).

Если отбросить эту третью группу, как ненормальную („туп, глуп“), а первую группу, как характеризующуюся абстрактной холодностью, поместить несколько с уклоном от нашего 2-го угла (на рис. 6) в сторону угла 3-го, то выделится средняя группа мимозоподобных натур, „состоящих только из нервов“. Поскольку и „у нежнейших представителей этой мимозоподобной группы ощущается еще легкий

незаметный налет аристократической холодности и неприступности, аутическое сужение сферы чувствований“, абстрактная холодность и утрата аффективного резонанса к лицам и ценностям, невошедшим в эту избирательно-замкнутую сферу, — словом, поскольку рядом с аффективной чувствительностью здесь имеются налицо и признаки первой группы шизоидов, — этот тип явно может быть назван центральным в группе лиц аффективно-абстрактных. Именно лица этого типа любят „тихое уединение, уход в самого себя и в спокойную мягкую среду, которая не причиняет страданий. Такое отречение возможно только у натур со слабыми импульсами (курсив наш), а их среди шизоидов очень много“ (стр. 213). Но поскольку эти тонкочувствующие и сентиментальные лица имеют черты мягкой впечатлительности и в этом смысле, хотя бы избирательной, душевности, — их уже не назовешь асинтоничными в полном смысле слова, у них уже есть уклон из аффективности ■ более гармоничную эмоциональность. Чем больше этот уклон, тем данная группа лиц ближе к группе конкретно-эмоциональной: она сливается с ней посредством промежуточного конкретно-аффективного типа. К аффективно-абстрактным этот тип приближает его повышенная чувствительность, — к конкретно-эмоциональным — конкретность восприятия, что мы видим из наших опытных данных. Главной характерной чертой этого типа является аффективная память, основанная на повышенной яркости восприятия, а не аффективная абстракция, оторванная от реальности.

Наши дальнейшие психологические наблюдения вскрывают, что лица аффективно-абстрактного типа из числа правонарушителей, так же как и правонарушители конкретно-эмоционального типа обладают обычно еще одним дополнительным признаком (разумеется, наряду с этим индивидуальным фактором в данном случае имеется еще налицо и момент социально-педологический). Этот психический признак есть импульсивность.

Здесь мы снова находим в терминологии Кречмера психологическую неясность. Там, где, например, говорится про

гневно-тупых или тупо-жестокых (мы отнесли эту категорию в отдел явной патологии). Кречмер указывает на особого рода взрывчатость этого типа: „Если наблюдают такие натуры в течение короткого времени в благоприятной (курсив наш) обстановке, то они отличаются полным душевным спокойствием“ (стр. 191). Там, где обстановка как-либо их раздражает, „из-под покрывала угрюмой молчаливости постоянно сверкают искры внутренней раздражительности, которая носит комплексный характер и возникает из суммирования небольших внутренне-накопляющихся и невысказываемых неприятных раздражений повседневной жизни“. Эта искра „при легком прикосновении к какому-нибудь комплексу может разрядится в жесточайшую вспышку гнева, прорывая при этом покров тупости. Эта форма шизофренического гнева по своему психическому механизму скрытого аффективного застоя и бессмысленного разряжения (курсив наш) имеет некоторое родство в известными синдромами травмы мозга и эпилепсии“ (стр. 192). Очевидно, здесь бессмысленное разряжение, похожее по своему активному проявлению (гневу) на эпилептоидный разряд, имеет уже характер явно направленный на внешнее действие, а не только на изменение представлений, как под влиянием просто аффекта. Следовательно, в таких случаях активности аффекта приходится вызывать на смену психологическому термину „аффективность“ другой, более адекватный психологический термин, именно „импульсивность“. Импульс, именно, и есть движение, вызванное эмоцией и направленное на окружающую среду. Такие импульсивные действия имеют своею целью (субъектом часто несознаваемую) устранить то, что причиняет страдание, или сохранить то, что доставляет наслаждение. Отсюда часто встречающиеся правонарушения, особенно убийства, совершенные лицами именно импульсивного уклона, резко выраженного на фоне любой из типических конституций.

Этот новый, добавочный, психологический признак позволяет нам еще далее дифференцировать указанные нами основные типы психических конституций. Поскольку аффективность и импульсивность близки и различны между со-

бою, — как эмоция, изменяющая представления, и эмоция, вызывающая действие, — постольку же близки и различны основной аффективно-абстрактный тип его дальнейшая дифференциация: тип импульсивно-абстрактный, — так как аффект при своем нарастании может превращаться ■ импульсивное действие, вместо того, чтобы только изменять представления. Также и Кречмер указывает на различие импульсивных шизоидов, имеющих „влечение выявлять аффект“, и шизоидов с слабыми импульсами (стр. 213).

Наше расчленение психологических терминов помогает нам точнее установить сродство ■ различие оттенков однородных психических конституций. Однако, наши наблюдения над испытуемыми привели нас к выводам, что импульсивность проявляется как на аффективно-абстрактном, так ■ на конкретно-эмоциональном фоне. Поэтому мы и вставляем (между углом 2-м и 3-м и углом 1-м ■ 3-м) еще две дополнительных дифференциации к двум бегло очерченным нами типам: тип импульсивно-абстрактный и конкретно-импульсивный.

Даже и ■ этом пункте у нас нет расхождения с Кречмером, поскольку и он импульсивность в ее патологической форме эпилепсии (эпилептические типы) распределяет между шизофреническими и циркулярными типами (стр. 88). Даже для патологических типов он считает возможным оставить в стороне описание эпилепсии, так как, во-первых, „в настоящее время с трудом и лишь с величайшей осторожностью возможно использовать эпилепсию, как клиническую единицу для конституциональных исследований“ (стр. 87); во-вторых же, он думает, что эпилепсия для нормальной психики не играет столь важной роли, как циркулярный психоз и шизофрения (там же). Тем более причин при наших исследованиях нормальных психических конституций не искать для главных вех нашей классификации чисто выраженного импульсивного типа без того или другого основного фона.

Вот почему после аффективно-абстрактного типа, занимающего на схеме угол 2, вслед за небольшим уклоном его к углу 3-му, который мы характеризуем признаком несколько большей абстрактной холодности, мы ставим следующую

же четко выраженную единицу тип импульсивно-абстрактный (см. рис. 6). Мы усматриваем непрерывность между этими единицами в том, что поскольку абстрактно-холодные подавляют в себе аффект, этот имманентный признак аффективно-абстрактного типа вообще, все же сохраняя его где-то, если можно так выразиться, на дне психики, — то возможность прорыва такого аффекта в спорадической активной форме — именно импульса — вполне возможна и дает непрерывность перехода из группы аффективно-абстрактных к импульсивно-абстрактным. Совершенно также непрерывность перехода от конкретно-эмоционального типа к его разновидности типу конкретно-импульсивному предопределяется самим словом „эмоция“ (т.-е. „движение“), которая в более резких спорадических формах переходит в импульс.

Теперь нам остается заполнить последний угол тетраэдра, и переход к нему продиктован всем предыдущим развитием этой главы. В нашей жизни волевые акты проявляются или спорадически в виде отдельных, обособленных импульсов, или же в виде целого ряда связанных между собою и направленных к одной общей цели волевых усилий. Поскольку импульсивность есть всегда действие, всегда акт, направленный во вне, мы можем от этого психического признака сделать последний переход в волевому уклону. Под чисто волевым уклоном (в отличие от бессознательно-импульсивного) мы понимаем действие, уже контролируемое сознанием, контролируемое интеллектом.

Здесь мы видим реакцию вполне адекватную действительности. Называя последний тип нашей классификации интеллектуально-волевым, этим мы отмечаем, что под интеллектом мы разумеем весь вообще опыт человека, включая сюда и эмоции, синтоничные раздражению, чего нет в термине „абстракция“. Этот тип мы и помещаем на последнем, незаполненном (3-м) углу нашей схемы (см. рис. 6). Восприятие интеллектуально-волевого типа, на его культурном фоне, точное, ясное и определенное (в противоположность точному, но неясному — вследствие некультурности — восприятию примитива). Реакция этого типа не исклю-

чительно эмоциональная (как у конкретно-эмоционального типа) и не исключительно абстрактная (как у аффективно-абстрактного). Восприятие и мышление этого типа опираются на интеллектуально-волевой опыт.

Но так как в чистом виде ■ этот тип, как и всякий другой чистый тип, больше теоретическая фикция, чем действительность, то, следовательно, и здесь возможны все те же намеченные нами выше уклоны в обратные стороны, именно: тип абстрактно-волевой и тип конкретно-волевой (см. рис. 6). Возможен, разумеется, и интеллектуально-волевой примитив, поскольку примитив способен иметь уклон в любой тип, наиболее резко выраженный на непримитивном фоне.

Мы надеемся далее выяснить более подробно ■ генетическое взаимоотношение типов, и ту конституциональную предопределенность, которая лежит в основе даже динамической смены конституциональной доминанты.

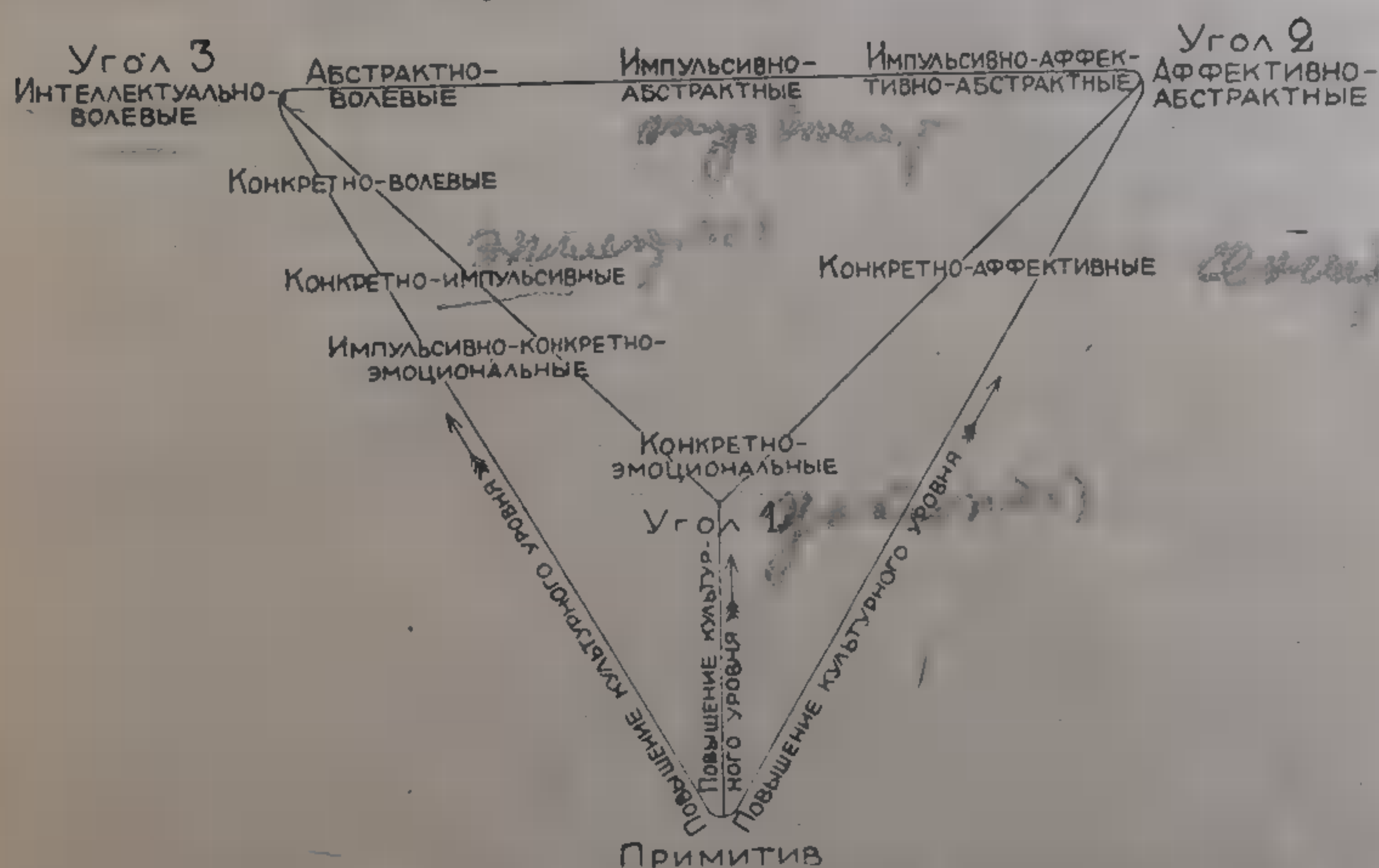

Рис. 7. Общая наглядная схема взаимоотношения типов (примитивов и не-примитивов) в форме четырехгранника.

Таким образом, на изображенном здесь (рис. 7) четырехграннике, углы которого несколько закруглены для выражения постепенности переходов от одной дифференциации к другой, мы видим размещенными все возможные

как основные типические конституции, так и основные промежуточные моменты между ними. Мы надеемся, что утончая и расширяя нашу работу, мы сумеем далее определять и дальнейшие дополнительные оттенки указанных нами типов, т.-е. все тоньше и тоньше дифференцировать их даже и в их динамических переходах (возрастного патологического и т. п. моментов). Эта надежда нас окрыляет и потому, что нами найден очень важный момент для психологической классификации: деление личностей прежде всего по их культуре и интеллекту на примитивы ■ не примитивы; еще и потому, что наша схема психологической классификации личностей получила замкнутый характер, в котором можно найти адекватное наглядное выражение всем возможным психическим типам, имеющим между собою естественное родство. С этой ориентировкой мы надеемся точнее разобраться в тех пограничных проблемах, которые связуют работу психолога с работой психиатра при определении тех психических отклонений от нормы, которые предопределяются той или иной психической конституцией,— а также в различных оттенках реакции на среду лиц различных типов: проблема, тесно связанная с работой социолога ■ педагога.

III.

ВЫВОДЫ и ПРОБЛЕМЫ.

Мы исчерпали программу работы по элементарной методике психологического исследования личности. Нам остается лишь эскизно набросать те выводы и проблемы, которые отсюда вытекают и которые получают свою дальнейшую разработку в следующих выпусках.

Остановимся прежде всего на выводах. Из рассмотрения реакций различных типов, связанных с определенным типом психических конституций, прежде всего мы устанавливаем (по материалу в 975 человек) соотношения функциональных корреляций, присущих той или иной психической конституции.

I. Такое представленное наглядно соотношение психических функций, присущих определенно выраженным психическим конституциям, мы и даем на таблице I. Стр. 242. Это соотношение чисто конституционно, независимо от экзогенных моментов (примитивности, основанной на некультурности среды).

II. Наоборот, там, где экзогенный фактор доминирует (на фоне примитива), мы имеем несколько иное соотношение психических функций. Если мы возьмем примитив, в разрезе аналитически-синтетическом, в виде нормативного построения, то мы будем иметь, как признак примитива вообще, следующее наличие психических функций (см. таблицу II, А). Но так как чистый примитив есть такое же построение нашего ума, как абсолютная норма для психиатра, то мы должны дать более тонкое дифференциальное соотношение конституциональных психических функций на

примитивном фоне (см. таблицу II, В). Разумеется, такие личности, где в виде исключения конституциональные особенности настолько резко выражены, что они поглащают черты примитивности, мы классифицируем, по преимуществу, по конституциональным признакам, менее считаясь с примитивным моментом.

III. В дальнейшей таблице (III) мы иллюстрируем корреляцию более частного характера, именно, соотношение типа определенных психических конституций с наиболее бесспорными диагностиками (поставленными профессорами: П. Б. Ганнушкиным, М. О. Гуревичем и Е. К. Краснушкиным). Мы брали только наиболее типичные установки. Дальнейшие дифференциальные корреляции психологически наиболее дифференцированных типов с наиболее дифференцированными психиатрическими единицами мы относим к числу ближайших проблем нашей дальнейшей работы.

IV. Следующая таблица (IV) иллюстрирует еще более частные соотношения, именно, процентное соотношение типов психических конституций с общим числом правонарушителей. Эту таблицу мы делим на две части: правонарушители примитивы (66,4% из общего числа исследованных нами правонарушителей) и не примитивы (33,6% из того же числа). Мы вполне сознаем, что материал, обработанный нами в этих таблицах, до известной степени случаен. И все же мы видим любопытные данные. Например, в то время как в примитивной группе мы имеем преобладающий процент правонарушителей на фоне конкретно-эмоциональной (14%) и еще более конкретно-импульсивной конституции (21%) из 66,4% общего числа, — в непримитивной группе мы видим, наоборот, преобладание аффективно-абстрактной (8,1%) и импульсивно-абстрактной конституции (8,1%) из общего 33,6%. Таким образом, мы наблюдаем возрастание идеологического момента правонарушений с возрастанием культурности; так как именно здесь мы встречаем химерические умы, которые, переходя из области теории в реальность, всегда ими недостаточно адекватно воспринимаемую,

становятся авантюристами, тогда как на примитивном фоне мы видим преобладающий процент правонарушителей наиболее синтоничных среде. Следовательно, в этой группе правонарушителей социальный (и педагогический) фактор играет, по преимуществу, главенствующую роль.

V. Интересно далее сопоставить характеры типов правонарушений и их психологических мотиваций с типами правонарушителей, но это задачи дальнейшей части нашей работы.¹⁾

VI. Вполне ясны и все другие проблемы, которые примут совсем другую постановку и найдут свое наиболее правильное решение, если их ориентировать в проблеме психических конституций. Напомним хотя бы проблему воспитания. Мы видели, что разнообразно выраженная распределенность или нераспределенность внимания того или иного субъекта должна в корне менять способ педагогического воздействия на ту или иную психику. На частном рассмотрении эстетического суждения (и восприятия) мы показали, насколько различно переломляют эстетическое восприятие люди различных психических конституций. Поскольку лица конкретно-эмоциональные, главным образом, обращают внимание на содержание, а не на эстетическую форму, — ясно, что ребенок такого склада психики иначе воспримет, положим, обнаженное тело в искусстве, чем ребенок с аффективно-абстрактным уклоном, запечатлевающий больше всего формальную сторону эстетического восприятия. Также совершенно иначе воспримут тот и другой ориентацию, положим, в половой проблеме. Отсюда предостерегающий вывод для педагога: не обобщать, а, наоборот, индивидуализировать приемы педагогического воздействия сообразно различным типам психических конституций.

1) Частично такая работа выполнена нами в нашей статье: „Индивидуально-социальные факторы растраты“, в сборн.: Растраты и растратчики. (По материалам Гос. Института по изучению преступности и преступника). Изд. Н.К.В.Д. 1926. Там же приводятся дальнейшие психологические дифференциации типов.

VII. Совершенно также должны быть индивидуализированы способы психотерапевтического воздействия на личность (гипноз, психоанализ).

И для целей диагноза очень важна точная и четкая очерченность психических конституций больных с психологической точки зрения.

VIII. Перед нами целая серия неразрешенных до сих пор проблем, ключ к которым — в правильной постановке проблемы о психических конституциях. Например, установка других корреляций, кроме тех, которые нами разработаны; уточнение методов психологического исследования личности в соотношении с различными типами психических конституций; психические конституции и антропологические данные или биохимические данные, или рефлексологические данные и т. п.; типы психических конституций и типы правонарушений в корреляции не только с психиатрической диагностикой, но и с социальными данными, с образованием, с профессией и т. п.

Особенно важную и чрезвычайно интересную проблему представляет собою прослеживание возможной смены конституциональной доминанты личности в различные периоды ее жизни и выяснения той или другой широты ее диапазона.

Методологическое рассмотрение проблемы психических конституций мы представим в следующей нашей работе.

ТАБЛИЦЫ.

Табл. I. Наглядная таблица соотношений психических функций,
Н Е - П Р И

Психические конституции:		П с и х и ч е с к и е			
		Восприятие:	Мышление:	Воображение:	Ассоциации:
Основной тип:	1. Конкретно-эмоциональный.	Реальное точное пластическое, эмоциональное.	Конкретное. Эмоциональное.	Конкретное. Реальное. Пластическое. Эмоциональное.	Гибкие. Конкретные связи. Гибкая эмоциональность.
Промежуточный тип:	2. Конкретно-аффективный.	Пластичность точного (реального) восприятия колеблется.	Конкретное. Аффективные моменты.	Конкретность пластического воображения нестойкая.	Конкретно-аффективные связи (комплексы).
Основной тип:	3. Аффективно-абстрактный.	Аффективное: субъективное привнесение в воспринятое. Уклон в схематичность.	Аффективно-абстрактное.	Расплывчатое, безобразное. (Фантастичность).	Ассоциативные связи аффективно-абстрактные (комплексы).
Промежуточн. тип:	4. Импульсивно-абстрактный.	Субъективное привнесение в воспринятое. Уклон в схематичность.	Абстрактное. Схематичное. (На основе импульсивности).	Расплывчатое, безобразное.	Или комплексные, или схематичные (неконкретные)
Основной тип:	5. Интеллектуально-волевой.	Точное.	Интеллектуально-волевая установка.	Сверяется с законами действительности (и конкретно, и схематично).	Преобладание неконкретных моментов.
Промежуточный тип:	6. Конкретно-импульсивный.	Точное.	Конкретное.	Конкретное. Реальное.	Конкретные.

присущих определенно выраженным психическим конституциям.
М И Т И В Ы.

Ф у н к ц и и:				Особенности психики:	
Память:	Эмоционально-полевой момент:	Внушаемость:	Внимание:	Общественно-правовые понятия и их согласованность с поступками (или не согласованность).	Общий тип реакции.
Преобладает конкретная. Эмоциональный момент.	Эмоции гибки, лабильны.	Есть.	Нераспределенное. (Одно дело делать легче, чем два одновременно).	Здравые, но несогласованные с поступками (по принципу „вижу лучшее и одобряю, но делаю худшее“).	Синтоничный.
Конкретно-аффективная.	Эмоциональность и аффективность с преобладанием то одной, то другой.	Колеблется, нестойкая. Преобладает внушаемость.	Распределенность внимания колеблется. Преобладает нераспределенность.	Тот же тезис, но больше согласованности между принципами и поступками.	Реакция колеблющаяся между синтоничностью и несинтоничностью. Преобладает синтоничность.
Схематичная аффективная (неконкретная).	Аффективность и абстрактность, взаимно обосновывающие друг друга.	Преобладание негативизма.	Распределено. (Легче делать одновременно два дела).	Парадоксальные. Согласование идеологии и поступков.	Несинтоничная
Неконкретная (схематичная) и комплексная.	Преобладание импульсивности. Реакция во-вне. Спорадические волевые моменты.	И негативизм, и внушаемость.	Нераспределенное.	Парадоксальное. Согласование идеологии и поступков.	Несинтоничная.
Неконкретная и абстрактная.	Преобладание интеллектуально-волевой установки.	Отсутствует или минимальная, но нет и негативизма.	Распределено и устойчиво. (Возможно делать два дела одновременно, но с напряжением).	Здравые понятия, согласованные с разумно-одобряемыми действиями: „Добродетель — знание“.	Синтоничная.
Конкретная.	Преобладание импульсивности над эмоцией. Реакция во-вне. Спорадические волевые моменты.	.	Нераспределено. (Невозможность делать два дела одновременно).	Общественно-прав. понятия здравые, но не согласованные с действиями: („Вижу лучше и одобряю, но делаю худшее“).	Синтоничная.

Табл. I. Наглядная таблица соотношений психических функций,
Н Е - П Р И

Психические конституции:		П с и х и ч е с к и е			
		Восприятие:	Мышление:	Воображение:	Ассоциации:
Основной тип:	1. Конкретно-эмоциональный.	Реальное точное пластическое, эмоциональное.	Конкретное. Эмоциональное.	Конкретное. Реальное. Пластическое. Эмоциональное.	Гибкие. Конкретные связи. Гибкая эмоциональность.
Промежуточный тип:	2. Конкретно-аффективный.	Пластичность точного (реального) восприятия колеблется.	Конкретное. Аффективные моменты.	Конкретность пластического воображения нестойкая.	Конкретно-аффективные связи (комплексы).
Основной тип:	3. Аффективно-абстрактный.	Аффективное: субъективное привнесение в воспринятое. Уклон в схематичность.	Аффективно-абстрактное.	Расплывчатое, безобразное. (Фантастичность).	Ассоциативные связи аффективно-абстрактные (комплексы).
Промежуточн. тип:	4. Импульсивно-абстрактный.	Субъективное привнесение в воспринятое. Уклон в схематичность.	Абстрактное. Схематичное. (На основе импульсивности).	Расплывчатое, безобразное.	Или комплексные, или схематичные (неконкретные)
Основной тип:	5. Интеллектуально-волевой:	Точное.	Интеллектуально-волевая установка.	Сверяется с законами действительности (и конкретно, и схематично).	Преобладание неконкретных моментов.
Промежуточный тип:	6. Конкретно-импульсивный:	Точное.	Конкретное.	Конкретное. Реальное.	Конкретные.

присущих определенно выраженным психическим конституциям.
М И Т И В Ы.

Ф у н к ц и и:				Особенности психики:	
Память:	Эмоционально волевой мо- мент:	Внушаемость:	Внимание:	Общественно- правовые поня- тия и их согла- сованность с поступками (или не согла- сованность).	Общий тип реакции.
Преобладает конкретная. Эмоциональный момент.	Эмоции гибки, лабильны.	Есть.	Нераспределен- ное. (Одно дело делать легче, чем два одно- временно).	Здоровые, но не- согласованные с поступками (по принципу „вижу лучшее ■ одо- брю, но делаю худшее“).	Синтоничный.
Конкретно- аффективная.	Эмоциональ- ность и аффек- тивность с пре- обладанием то одной, то дру- гой.	Колеблется, не стойкая. Пре- обладает вну- шаемость.	Распределен- ность внимания колеблется. Преобладает нераспределен- ность.	Тот же тезис, но больше со- гласованности между принци- пами и поступ- ками.	Реакция коле- блющаяся ме- жду синтонич- ностью и не син- тоничностью. Преобладает синтоничность.
Схематичная аффективная (неконкретная).	Аффективность и абстрак- тность, взаимно обосновываю- щие друг друга.	Преобладание негативизма.	Распределено. (Легче делать одновременно два дела).	Парадоксаль- ные. согласо- вание идеоло- гии и поступ- ков.	Несинтоничная
Неконкретная (схематичная) и комплексная.	Преобладание импульсивности. Реакция во-вне. Спорадические волевые мо- менты.	И негативизм, и внушаемость.	Нераспреде- ленное.	Парадоксаль- ное. согласо- вание идеоло- гии и поступ- ков.	Несинтоничная.
Неконкретная и абстрактная.	Преобладание интеллектуаль- но-волевой установки.	Отсутствует или минималь- ная, но нет и негативизма.	Распределено и устойчиво. (Возможно де- лать два дела одновременно, но с напряже- нием).	Здоровые поня- тия, согласо- ванные с разум- но-одобряемыми действиями: „До- бродетель — знание“.	Синтоничная.
Конкретная.	Преобладание импульсивности над эмоцией. Реакция во-вне. Спорадические волевые мо- менты.		Нераспреде- лено. (Невоз- можность делать два дела одно- временно).	Общественно- прав. понятия здоровые, но не согласованные с действиями: („Вижу лучше и одобряю, но делаю худшее“).	Синтоничная.

Табл. II. Наглядная таблица соотноше
П Р И М И

		П с и х и ч е с к и е			
Табл. II. А.		Восприятие:	Мышление:	Воображение:	Ассоциации:
Примитив чистый, как тип:		Правильное, но неясное.	Конкретное. Абстракция мало доступна.	Конкретное. Реальное. Бедное по продукции.	Преобладание внутренних ассоциаций над внешним. Рациональная реакция.

Табл. II. В.		ТИПЫ:			
Конституционные (индивидуальные) особенности на фоне примитива:	1. Конкретно-эмоциональный:	Правильное, но неясное. Некоторая гибкость и динамичность в передаче воспринятого.	Конкретное. Абстракция мало доступна. Некоторый эмоциональный акцент.	Все же бедное по продукции, но с некоторой гибкостью, пластичностью. Конкретное.	Преобладание внутренних ассоциаций. Большая гибкость и эмоциональность.
	2. Конкретно-аффективный.	Правильное, но неясное. Встречаются комплексы.	Конкретное. Абстракция мало доступна. Некоторый аффективный уклон.	Более причудливое, но все же бедное. Конкретное.	Преобладание внутренних. Рационализм. (Комплексы).
	3. Аффективно-абстрактный	Правильное, но неясное. Субъективное истолкование воспринятого.	Конкретное. С уклоном в принципиальность, в рассудочность.	Еще более причудливое, но все же бедное.	Преобладание внутренних. Рационализм. Комплексы.
	4. Импульсивно-абстрактный:	Правильное, но неясное. Субъективное истолкование воспринятого.	Конкретное с уклоном в принципиальность.	Бедное по продукции.	Преобладание внутренних. Рационализм. (Задержки).
	5. Интеллектуально-волевой:	Правильное, но неясное. Больше объективности в воспринятом.	Конкретное с волевой установкой.	Конкретное, небогатое по продукции. Больше реальное. Не причудливое.	Преобладание внутренних. Рационализм.
	6. Конкретно-импульсивный.	Правильное, но неясное.	Конкретное.	Конкретное. Бедное.	Преобладание внутренних. Рационализм. (Задержки).

Консигнационные (индивидуальные) особенности на фоне примитива:

ний психических функций на фоне
Т И В А.

Ф у н к ц и и.					
Память:	Эмоция:	Внушаемость:	Внимание:	Общественноправовые понятия и их согласованность (или не согласованность с поступками):	Общий тип реакции.
Конкретная.	Мало дифференцированы. Эгоцентризм.	Есть.	Не распределено.	Отсутствие развитых объективных социально-правовых понятий, поступки, согласованные с знанием: („добродетель есть знание“). Эгоцентризм.	Синтоничный. Отсутствие манерности.
Конкретная. Больше красочности и эмоций.	Более подвижны. Эгоцентризм.	Есть.	Не распределено.	Отсутствие развитых объективных социально-правовых понятий. Поступки и мысли менее согласованы.	Синтоничная. Отсутствие манерности.
Конкретная. (Аффективность).	Менее гибки. (Комплексы). Большая ранимость. Аффективность. Эгоцентризм.	Есть. Менее стойкая.	Не распределено.	Тоже.	Синтоничная. Больше ранимости.
Конкретная. Аффективность и уклон в смысловую память.	Еще менее гибки. (Комплексы). Аффективность. Эгоцентризм.	Есть черты негативизма.	Распределено.	Отсутствие развитых социально-правовых понятий. Эгоцентризм и на его основе принципиальность („добродетель есть знание“). Поступки и мысли согласованы.	Менее синтоничная. Мало манерности.
Конкретная. (Уклон в смысловую память).	Преобладание импульсивности. (Действие прежде отчета внем). Спорадические волевые моменты.	Есть внушаемость и негативизм.	Не распределено.	Отсутствие развитых социально-правовых понятий. Неожиданность поступков. Меньшая согласованность с знанием.	Тоже.
Конкретная. Смысловая.	Преобладание волевой установки.	Менее резко выражена. Нет негативизма.	Относительно распределено. Устойчиво.	Отсутствие развитых социально-правовых понятий. Согласованность действий и мыслей.	Синтоничная. Отсутствие манерности.
Конкретная.	Преобладание импульсивности. Спорадическая волевая установка.	Есть.	Не распределено.	Отсутствие развитых социально-правовых понятий. Согласованность действий и мыслей.	Синтоничная. Отсутствие манерности.

ний психических функций на фоне Т И В А.

Ф у н к ц и и.

Память:	Эмоции:	Внуша- емость:	Внимание:	Общественноправовые понятия ■ их согласо- ванность (или не согласо- ванность с поступками):	Общий тип реакции.
Конкретная.	Мало диффе- ренцированы. Эгоцентризм.	Есть.	Не распре- делено.	Отсутствие развитых объ- ективных социально пра- вовых понятий, поступки, согласованные с знанием: ("добродетель есть зна- ние"). Эгоцентризм.	Синтонич- ный. Отсут- ствие ма- нерности.
Конкретная. Больше кра- сочности и эмоций.	Более по- движны. Эгоцентризм.	Есть.	Не распре- делено.	Отсутствие развитых объ- ективных социально-право- вых понятий. Поступки ■ мысли менее согласованы.	Синтонич- ная. Отсут- ствие ма- нерности.
Конкретная. (Аффектив- ность).	Менее гибки. (Комплексы). Большая рани- мость. Аффек- тивность. Эгоцентризм.	Есть. Менее стой- кая.	Не распре- делено.	Тоже.	Синтонич- ная. Больше ранимости.
Конкретная. Аффективность и уклон ■ смысловую память.	Еще менее гибки. (Ком- плексы). Аф- фективность. Эгоцентризм.	Есть черты негати- визма.	Распреде- лено.	Отсутствие развитых социально-правовых понятий. Эгоцентризм и на его основе принципиаль- ность ("добродетель есть знание"). Поступки и мысли согласованы.	Менее син- тоничная. Мало ма- нерности.
Конкретная. (Уклон в смыс- ловую память).	Преобладание импульсивности. (Действие пре- жде отчета в нем). Спорадические волевые моменты	Есть внуша- емость и негативизм.	Не распре- делено.	Отсутствие развитых социально-правовых поня- тий. Неожиданность по- ступков. Меньшая согласо- ванность с знанием.	Тоже.
Конкретная и смысловая.	Преобладание волевой уста- новки.	Менее рез- ко выраже- на. Нет не- гативизма.	Относи- тельно рас- пределено. Устойчиво.	Отсутствие развитых социально правовых поня- тий. Согласованность дей- ствий и мыслей.	Синтонич- ная. Отсут- ствие ма- нерности.
Конкретная.	Преобладание импульсив- ности. Спора- дическая волевая уста- новка.	Есть.	Не распре- делено.	Отсутствие развитых с оци- ально-правовых понятий. Согласованность дей- ствий и мыслей.	Синтонич- ная. Отсут- ствие ма- нерности.

Табл. III. Соотношение психических конституций и психиатрических диагностик.

Психические конституции:		Психиатрические диагностики:
Основной тип:	1. Конкретно-эмоциональный:	Циклоиды. (Инстабли).
Промежу- точный тип:	2. Конкретно-аффективные:	Сенситивные. Истероиды.
Основной тип:	3. Аффективно-абстрактные:	Шизоиды.
Промежу- точный тип:	4. Импульсивно-абстрактные:	Шизо-эпилептоиды. (Эпилептоиды).
Основной тип:	5. Интеллектуально-волевые:	Небольшой, едва заметный уклон или в шизотимическую, или в циклотимиче- скую конституцию.
Промежу- точный тип:	6. Конкретно-импульсивные:	Эпилептоиды. (Импульсивные).

Табл. IV. Процентное соотношение типов психических конституций с общим числом правонарушителей.

Типы психических конституций:		Примитивы.	Не-примитивы.	Психиатрические диагностики.
Основной тип:	1. Конкретно-эмоциональный:	14 ⁰ / ₀	2,2 ⁰ / ₀	Циклоиды. (Инстабли).
Промежуточный тип:	2. Конкретно-аффективный:	3,6 ⁰ / ₀	3,5 ⁰ / ₀	Сенситивные. Истероиды
Основной тип:	3. Аффективно-абстрактный:	2,2 ⁰ / ₀	8,1 ⁰ / ₀	Шизоиды.
Промежуточный тип:	4. Импульсивно-абстрактный:	12,8 ⁰ / ₀	8,1 ⁰ / ₀	Шизо-эпилептоиды. (Эпилептоиды).
Основной тип:	5. Интеллектуально-волевой:			
Промежуточный тип:	6. Конкретно-импульсивный:	21 ⁰ / ₀	7 ⁰ / ₀	Эпилептоиды. Импульсивные.
Резко выраженная патология на фоне различных психических конституций:		10,8 ⁰ / ₀	4,7 ⁰ / ₀	Эпилептики. Шизофреники. Оригофрены. (Moral insanity) и т. д.
Итого:		64,4 ⁰ / ₀	33,6 ⁰ / ₀	

ПРИМЕЧАНИЯ.

I. Примечания к введению.

1. Munz, Emil: „Die Reaction des Pyknikers im Rorschachenschen psychodiagnostischen Versuch“, Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie, Berlin, 1924 (Einundneunzigster Band); S. 86—93.
2. Van der Hotst, L. „Experimentall-psychologische Untersuchungen zur Kretschmers „Körperbau und Charakter“, ib. 1924 (Dreiundneunzigster B.).
3. Bericht über den 1 Kongress für experimentelle Psychologie, 1914. S. 3—4. (Ср. литературу по этому вопросу: Г. И. Челпанов: „Современная индивидуальная психология и ее практическое значение“. Вопросы философии и психологии, кн. 103. 1910 г.).
4. См. литературу по этому вопросу: 1) В. М. Экземплярский: „Проблема одаренности“, стр. 110 М. 1923 г. и еще 2) Бетц: „Проблема корреляции в психологии“. М. 1923, 3) Stern, William; „Die Differentielle Psychologie, dritte Auflage, S. 391, Leipzig, 1921. Эта книга ■ своей библиографической части—прекрасный справочник по всем вопросам современной психологии; 4) Р. Шульце: „Практика экспериментальной психологии, педагогики и психотехники“. (Психические корреляции стр. 313). М. 1926.
5. Ашаффенбург Г. „Преступление и борьба с ним“, стр. 154: „Лучшей группировкой преступников по различным категориям была бы группировка с психологической точки зрения, если бы только она вообще была возможна. Пока, однако, задача эта абсолютно не разрешима“.

II. Примечания к элементарной методике психологического исследования личностей.

6. Рефлексология есть совершенно особая от психологии наука, которая может совершенно так же коррелироваться с психологией, как любая наука, например, психиатрия, антропология, биохимия и т. п., не уничтожая, однако, ее, и поскольку точные научные рефлексологические данные пока еще получены только для низших ступеней иерархической животной лестницы, мы все еще не можем обойтись без психологических терминов при дифференциации особенно сложных психических процессов.

Рефлексология ограничивается только физиологическими методами исследования реакций: см. известные труды академиков Павлова и Бехтерева. Эти научные исследования разумеется, далеки от простого

упрощения психологической терминологии с помощью рефлексологии, что не исключает возможности рефлексологического подхода к любому психологическому моменту. С этой точки зрения „очевидно само собою, что процесс мышления, понимаемый таким образом (т.-е. рефлексологически), вполне укладывается в рамки рефлекторного процесса и ■ действительности имеет налицо все элементы, из которых состоит рефлекторный акт“ (стр. 233). „Следующая часть процесса мышления, как рефлекторного акта, заключается в замыкании, связывании, ассоциировании оживленного следа с другими и других со следующими“ (стр. 235). Далее, действие „есть не что иное как заключительная часть рефлекторного акта мышления, последняя часть рефлекса“ (стр. 241). И. А. А р я м о в: „Общие основы рефлексологии“. Новая Москва, 1925 г.

Еще у одного представителя рефлексологии — А. Д е р н о в а - Я р м о л е н к о: „Рефлексологический подход в педагогике“ (Ленингр., 1925 г.) читаем: „Физиологические основы психологии, экспериментальное направление последнего времени сыграли свою роль ■ подготовили переход к рефлексологическому учению. Последнее не исключает совершенно употребления общих терминов, принятых субъективной психологией. Воля, внимание, память, ум, мышление, горе, тревога, ревность включены во все древние и новые языки. Ими обозначаются известные проявления человеческой личности, это старые выработанные термины, и нам пока нет нужды от них отказаться ■ популярном изложении. В лаборатории Павлова их не употребляют, так как имеют дело по преимуществу с животными, там же, где дело идет о человеке, нет нужды отказываться от имеющейся ■ языке терминологии, поскольку под отдельным термином рисуется определенная картина проявления личности. Рефлексология не должна разрушать налаженной ■ практике жизни терминологии, не ■ этом ее задача. Р е ф л е к с о л о г и я вскрывает механизм проявления личности в форме сложнейшей сочетательной деятельности нервной системы, ■ в том ее ценнейшая заслуга.

Подводится фундамент под понятие воли, памяти, чувства; понятия эти просто, ясно и точно расшифровываются, им дается физиолого-механическое освещение, они могут сопоставляться, как нечто однородное—рефлекс,—образование сочетательных или условных рефлексов, их угасание, вырастание, процесс торможения, ирридиирования, однополюсное направление энергии, установка связи, их разрыв, наконец, процесс дифференцирования ■ синтеза, все это алфавит, из которого составляются слова, старые слова, всем нам знакомые, общепринятые и удобные для употребления в жизни. Исключать их из нашего обиходного языка неудобно, даже невозможно, да и совершенно не нужно. В химии остались старые названия: железа, азота, водорода, калия и натрия, несмотря на то, что периодическая система Менделеева дала им определенное место, распределив их по атомному весу, способствуя их правильному изучению и использованию в химической работе как в научном, так и ■ практическом применении...“ „Также и рефлексология. Она приводит ■ систему элементов проявления личности. Она располагает их в определенной

последовательности и сложности, в связи с их основным механизмом, который рефлексология изучает, как единое целое—поведение“ (стр. 7 и 8). „Рефлекс есть закономерная реакция организма, которая в связи с био-физическими и био-химическими законами подчиняется законам механики...“ „Рефлексология настоящего занимается изучением законов механизма рефлексов высшей нервной системы“ (стр. 12). Ср. на эту тему предисловие П. П. Блонского к Очерку психологии Л. Джемсон, Москва, 1924.

7. Ср. на эту тему: 1) К. Н. Корнилов: „Учение о реакциях человека с психологической точки зрения“. („Реактология“). Глава I: Понятие о реакциях, стр. 9 и след. 2) Ср. „Проблемы современной психологии“, под ред. проф. К. Н. Корнилова. Г. Изд. Ленинград, 1926 г.

I. Восприятие:

8. 1) Н. Ланге. „Психология“, Основные проблемы и принципы, гл. VI. Восприятие и иллюзия, стр. 186. Изд. Мир. М. 1922 г. 2) Ср. Тичнер, „Учебник Психологии“, изд. Т-ва Мир. М. 1914 г. 3) См. Н. В. Петровский: „К вопросу о сознании реальности“. Журнал „Психологии, Неврологии и Психиатрии“, Выпуск II, 1923 г.

9. Тичнер, *op. cit.*

10. 1) Клара и Вильям Штерн: „Воспоминание, показание и ложь в раннем детстве“. С. П. Б. 1911 г., перевод М. и С. Штейнгауз. (Распродано).

2) То же: C. und W. Stern: „Erinnerung, Aussage und Lüge in der ersten Kindheit, 3 Aufl., 1922 г., Leipzig. 3) См. литературу по этому вопросу: Otto Lipmann: „Handbuch psychologische Hilfsmittel der psychiatrische Diagnostik, S. 192, Leipzig, 1922 г.

11. „Завтрак“ (картинка из кн. Штерн, *op. cit.*) 1) см. стр. 256.

12. В противоположность В. Меде и Г. Пиорковскому (см. их работу: „Детская одаренность“, изд. Работник Просвещения, 1925 г.)—мы остановились именно на этой картинке, с вполне осмысленной ситуацией, ради простоты аксессуаров, изображенных на ней; именно поэтому эта картинка удобна для минимальной по времени экспозиции. Наоборот, указанные авторы выбирали для этой цели картинку, на которой „на небольшом пространстве „собрано было“ множество предметов, отличающихся самыми разнообразными признаками“ (стр. 72). „Требовалось обозначить виденное на картинке сокращенно“ (курс. наш), во-первых, чтобы облегчить подсчет и оценку результатов и, во-вторых, чтобы можно было игнорировать

1) Картинка, которую мы демонстрируем,—в красках: У женщины голубое платье и красный фартук. У мальчика зеленая куртка, красные штаны, голубые чулки и рыжеватые волосы. Мебель, ящик и пол коричневато-желтоватый; дверь такого же оттенка, но более темная. Цветок красный, с зелеными листьями, в красном горшке. Горшок под стулом зеленоватого цвета, внутри—красноватый оттенок. Ранец красный. Краюха хлеба, корка—коричневато-красноватая, мякиш—коричневато-желтоватый. Нож белый, ручка коричневато-желтоватая. Стена сероватого цвета. В открытую дверь видна белая незакрашенная полоса.

скорость письма“ (стр. 98), т.-е. делалась как раз обратное тому, что необходимо при учете конституциональных особенностей индивидуума, изучение которых является основной задачей нашей работы. Вообще методика указанных авторов, преследовавшая цели иные, чем наши,—в иных пунктах до такой степени осложнена, что авторы сами отказались, например, от своего первоначального приема на исследование внимания из-за сложности его постановки. Также указанные авторы пользуются таким приемом для анализа способности восприятия (*Anschauung*) (см. стр. 99), который мог бы быть целесообразным лишь при учете конституционального различия испытуемых. Именно, говорят они: „Способность создавать ясные

„Завтрак“ (картина из кн. Штерн, *op. cit.*).

и отчетливые представления испытывалась нами сначала при помощи реальных объектов“ (курс. наш). „Мы взяли четвертушку бумаги, перегнули ее пополам, затем согнули ее еще раз по горизонтали и в центре перегиба вырезали равносторонний треугольник. Детям предложен был вопрос: „какая фигура или фигуры получатся, если снова разогнуть согнутый таким образом вдвое лист бумаги. Нарисуйте, что получится“. В дей-

„Завтрак“ (картина из кн. Штерн, ор. cit.).

ствительности, развернув лист, мы увидим, что посередине каждой стороны листа образовалось по ромбу (всего 2 ромба) (70)—ясно, что реальный объект данного рода для иных психических конституций, с резким уклоном ■ конкретность, есть мнимо-реальный. Такая задача легче выполнится теми лицами, которые больше склонны к схемам, чем к представлениям, насыщенным материально. То же можно сказать и по поводу другого приема тех же авторов для испытания способности созерцания: „Представьте себе мысленно равносторонний четырехугольник. На каждой его стороне постройте по равностороннему треугольнику. Соедините теперь противоположащие вершины треугольников, а кроме того, проведите соединительные линии между противоположащими углами четырехугольника. Какая фигура получится? Нарисуйте ее“.

13. 1) Э. Кречмер: „Строение тела и характер“, стр. 197. (Государств. издательство, М. П.—1924 г.). 2) Kretschmer, E.: „Körperbau und Charakter, Untersuchungen zum Konstitutions-probleme und zur Lehre von Temperamenten. I Auflage, J. Springer, Berlin, 1921.

14. Из рассмотренных нами типов восприятий ■ их особенностей, имеющих, как увидим позже, конституциональный характер—вполне ясно, что наша группировка нормального восприятия на типы не совпадает с той, которую дает Бинэ для различения типов наблюдательности у детей. Эти типы, как известно, он называет: 1) описывающий (type descripteur), который обращает внимание на материальную сторону предмета ■ пренебрегает его значением (смыслом); 2) наблюдающий (type observateur), который вносит в описание связи, дает картине жизнь и смысл; 3) эмоциональный, который не столько описывает виденное, сколько вносит свое настроение. Связи, вносимые им в наблюдение, зависят от его чувствования. Наконец, тип ученый (type érudit), который освобождает себя от самостоятельности наблюдения, заменяя его прежним знанием. Группировка, данная Бинэ, нас не удовлетворяет, потому что типы: ученый, наблюдающий, описывающий очень не четко обозначены ■ основаны на случайных признаках; что касается эмоционального типа, то хотя он и имеет в своей основе определенную психическую единицу—эмоцию, но и в нем неусмотрены различия между чисто эмоциональным и аффективным дополнением восприятия; кроме того, по своей категории этот тип по своим признакам отличен от трех предыдущих неквалифицированных функционально.

15. „Метрическая скала Бинэ ■ Симона“. (Пособие для исследования умственной одаренности, составленное по редакции 1911 г. А. М. Шуберт. М., 1923, изд. Задруга).

16. Ср. примечание 14-е.

17. 1) Штумпф: „Явление и психическая функция“. (Новые идеи в философии, сборн. 4, стр. 32 и сл., книгоизд. Образование 1913 г.). 2) ср. М. Я. Басов „Проблема функциональной психологии в постановке А. Ф. Лазурского“ (журнал „Выпросы изучения и воспитания личности“, под ред. проф. Бехтерева, № 2, 1920 г.). В этой статье опубликованы посмертные материалы Лазурского, в которых интересны заметки Лазурского, сближающие по его

терминологии: эндо- и экзо-элементы психического процесса, которым Лазурский не успел еще придать совершенно законченную, отчеканенную форму—с аналогическими понятиями явления и функции у Штумпфа ■ Гринбаума. Это незаконченность чеканки понятий: экзо- ■ эндо-психики остается в посмертном издании записок Лазурского, где он говорит: „Деление на эндо- и экзо-психику отнюдь не совпадает ни с делением на психическое и физическое (потому что и „экзо“—есть также психика, ■ „эндо“—имеет всегда и свою физиологическую сторону), ни с делением на высшие и низшие (или абстрактные и конкретные) способности. А между тем ■ сам сближаю эндо-и экзо-психику с Штумпфовским делением на функции и явления, а Гринбаум ■ я сам в немецкой книге—(A. Lasurski: „Ueber das Studium der Individualität, her. von Meumann, 1912 г.),—сближает Штумпфовское деление с моими высшими способностями и низшими, как их материалами. Как же так?? (Повидимому, экзо-категории надо понимать не только как отдельные объекты (resp. „явления“ Штумпфа), но также ■ как их отношения (соответственно возбуждениям абстрактных и конкретных способностей) и в этом их различие с делением Штумпфа, или же „явления“ Stumpf'a надо понимать в расширенном смысле?“—„Заключение: повидимому, Штумпфово деление ближе к эндо- и экзо-психике, чем ■ высшим и низшим способностям“ (стр. 225).

2. Мышление:

18. Вот те вопросы, которые мы задаем нашим испытуемым при исследовании мышления. I тест для взрослых:

1. Различение:

I. Конкретное:

а) из непосредственно воспринимаемого:

чем непохожи: 1) эта ручка и этот карандаш? 2) этот стол ■ этот стул? 3) эти часы и эта лампа? б) по памяти: 4) муха и бабочка? 5) доска и стекло? 6) ножик и ружье? 7) береза и елка? 8) лошадь и волк? 9) водка и молоко? (улавливание различного в сходном): 10) карлик и ребенок? 11) кинематограф и театр? 12) красноармеец и милиционер? 13) рынок и лавка? 14) дерево и бревно? 15) золото и медь?

II. Абстрактное:

16) бедность и нищенство? 17) твердость и упрямство? 18) обман и ошибка? 19) месть и наказание? 20) заем и кража? 21) кража и находка? 22) ревность ■ любовь? 23) ложь и заблуждение? 24) ненависть и зависть? 25) жадность и бережливость? ¹⁾.

¹⁾ Далее мы имеем на нашем листке следующее дополнение к этим вопросам (на различные моменты мышления), где и обрабатываем полученные материалы:

№ № вопросов	Ответы	Комментарии и выводы
-----------------	--------	----------------------

2. Сходство:

I. Конкретное:

- а) из непосредственно воспринимаемого:
чем похожи: 1) эта дверь и это окно? 2) этот пол и этот потолок? 3) эта чернильница и этот портфель?
б) по памяти: 4) хлеб и мясо? 5) солнце и печка? 6) письмо и газета?
7) лодки и мост? 8) корзина и ящик?

II Абстрактное:

- 9) любовь и ненависть? 10) наслаждение и страдание? 11) голод и половое чувство? 12) страсть и болезнь? 13) театр и жизнь? 14) искусство и природа? 15) жизнь и смерть?

3. а) обобщение и б) подведение под род:

А) обобщения.

I. Конкретное (легкое):

Как назвать одним словом: 1) суп, кашу, говядину, кисель? 2) пальто, шапку, пиджак? 3) курицу, утку, воробья, гуся?

(Труднее): 4) топор, ножик, пилу, молоток? 5) дом, церковь, сарай? 6) березу, сосну, вербу, рожь, ромашку? 7) столяра, слесаря, плотника, кузнеца? 8) Россию, Англию, Францию, Германию?

II. Абстрактное:

- 9) любовь, злобу, ненависть, уважение? 10) воровство, пьянство, ложь? 11) доброту, правдивость, честность?

В) подведение под род:

I. Конкретное:

Назовите мне: 1) всю мебель, какую знаете? 2) всех диких животных? 3) всех домашних животных? 4) все деревья? 5) металлы? 6) все напитки? 6) всю материю, ткани? 8) все общества, какие бывают? 9) все драгоценные вещи? 10) все способы передвижения? 11) все способы опьянения?

II. Абстрактное:

- 12) все формы предметов, какие бывают? 13) все науки? 14) все искусства? 15) все добродетели? 16) все пороки? 17) все несчастья, какие бывают с человеком? 18) все удовольствия?

4. Определение:

I. Конкретное:

что такое 1) стол? 2) чашка? 3) дом? 4) хлеб? 5) дерево? 6) человек? 7) барометр?

II Абстрактное:

- 8) правда? 9) государство? 10) закон? 11) общество? 12) брак? 13) ревность? 14) наука? 15) искусство? 16) убийство? 17) любовь? 18) кража? 19) добро? 20) опьянение? 21) насилие? 22) страх? 23) восприятие? 24) белизна? 25) преступление? 26) сутки? 27) счастье? 28) красота?

(специального) 29) прямой угол? 30) трапеция? 31) диаметр круга? 32) круг? 33) иррациональное число? 34) отрицательная величина? 35) коэффициент, радикал? 36) эпитет? 37) троп?

5. Умозаключение.

I ступень трудности: 1) все крестьяне ■ соседней деревне богаты. Мой брат живет в соседней деревне. Богат он или нет? 2) Вчера только одних здоровых заключенных водили гулять. П. был нездоров. Ходил он гулять или нет? 3) Люди, которые жили только в деревне, никогда не видали трамвая. Мой дядя жил только в деревне. Видел он трамвай или нет? 4) Кто никогда не был за городом, тот не собирал земляники. Я собирал землянику. Был я за городом или нет? 5) Все, кто ходили на выставку, видели премированных животных. Сидоров никогда не видал премированных животных. Был он на выставке или нет? 6) Все ложки нашей деревни сделаны из дерева, а деревянные вещи не тонут ■ воде. Могут потонуть деревянные ложки нашей деревни или нет?

II ступень: 7) Все мои братья жили возле моря ■ все они умеют хорошо плавать. Все ли люди, которые живут возле моря, умеют хорошо плавать, или нет? 8) Я люблю читать интересные книжки с картинками. Все ли книжки с картинками я люблю читать, или нет? 9) Все, кто учился ■ школе, умеют читать. Мой брат умеет читать. Учился ли он ■ школе, или нет? 10) В одной школе некоторые дети хорошо пишут, а некоторые хорошо рисуют. Все ли дети в этой школе хорошо пишут и рисуют, или нет? 11) Почти все мужчины выше, чем женщины. Выше ли мой дядя, чем его жена, или нет? 12) Мой двор меньше сада, а сад меньше огорода. Меньше ли двор, чем огород, или нет?

— Что касается вопросов для исследования мышления у несовершеннолетних, то в Школе-Санатории Наркомздрава мы пользуемся следующим тестом:

Различение I ступени трудности. а) Наглядное: 1) Чем непохожи эта ручка и этот карандаш? 2) Эти тетрадь и книга? 3) Эти стол и стул? б) Конкретное (по памяти): 1) Чем непохожи муха и бабочка? 2) Доска и стекло? 3) Ножик и ложка? 4) Береза и елка? 5) Корова и лошадь? 6) Бумага и картон?

II ступень трудности. Конкретное (по памяти): 1) Чем непохожи карлик и ребенок? 2) Кинематограф и театр? 3) Рука и нога? 4) Рынок и лавка? 5) Дерево и бревно? 6) Автомобиль и велосипед?

III ступень трудности. Абстрактное: 1) Чем непохожи бедность и нищенство? 2) Твердость и упрямство? 3) Обман и ошибка? 4) Месть и наказание? 5) Любознательность и любопытство? 6) Заем ■ кража?

Сходство наглядное: 1) Чем похожи эти дверь и окно? 2) Эти пол и потолок? 3) Две книги? конкретное (по памяти): 1) Чем похожи хлеб и мясо? 2) Рука и палка? 3) Солнце и печка? 4) Письмо и газета? 5) Лодка и мост? 6) Корзина и ящик?

Обобщение I ступени трудности. а) Наглядное: (пособие—предметное лото). Заставить ребенка называть одним словом различные группы предметов). б) Конкретное (по памяти): Как назвать одним словом: 1) Суп, кашу, говядину, кисель? 2) Пальто, шапку, пиджак? 3) Мячик, куклу, волчок, лото? 4) Курицу, утку, воробья, гуся? 5) Малину, вишню, смородину, землянику? 6) Розу, ландыш, незабудку, колокольчик?

II ступень трудности. Как назвать одним словом: 1) Тех, кто ест, пьет, двигается, дышет, хворает? 2) Иглу, ножницы, пилу, молоток? 3) Весну, лето, осень, зиму? 4) Дом, церковь, сарай? 5) Ружье, шашку, пушку? 6) Россию, Англию, Францию, Германию?

Подведение под род I ступени трудности. а) Наглядное: (пособие—предметное лото. Заставить ребенка отобрать известные категории предметов. в) Конкретное (по памяти): Назови мне: 1) Всю мебель, какую знаешь? 2) Всех диких животных? 3) Всех домашних? 4) Все деревья? 5) Все овощи? 6) Всю кухонную посуду?

II ступень трудности. назови мне: 1) Все части человеческого тела? 2) Все учебные пособия? 3) Всю родню, какая бывает? 4) Все жидкости? 5) Все ткани? 6) Все болезни.

III ступень трудности. Абстрактное: Назови мне: 1) Все добродетели, какие знаешь? 2) Все пороки? 3) Страны света? 4) Формы предметов? 5) Науки? 6) Искусства?

Определение I ступени трудности. а) Конкретное: 1) Что такое стол? 2) Чашка? 3) Дом? 4) Хлеб? 5) Лошадь? 6) Капуста.

II ступень. б) Абстрактное: 1) Что такое правда? 2) Государство? 3) Закон? 4) Общество? 5) Забастовка? 6) Наука?

Умозаключение I ступени трудности. 1) Все дети в соседней школе умеют читать. Мой брат учится в ней. Умеет ли он читать, или нет? 2) Сегодня только одни здоровые дети из школы ходили гулять. Мой брат был нездоров. Ходил он гулять или нет? 3) Люди, которые жили только в деревне, никогда не видали трамвая. Мой дядя жил только в деревне. Видел он трамвай или нет? 4) Кто никогда не был за городом, тот не собирал земляники. Я собирал землянику. Был я за городом или нет? 5) Все дети, которые вчера гуляли со мной, видели змею. Моя дочь никогда не видела змей. Гуляла она со мной вчера, или нет? 6) Все игрушки моего сына сделаны из дерева, а деревянные вещи не тонут в воде. Могут потонуть игрушки моего сына или нет?

II ступень. 1) Все мои братья жили возле моря и все они умеют хорошо плавать. Все ли люди, которые живут возле моря, умеют хорошо плавать или нет? 2) Я люблю читать интересные книжки с картинками. Все ли книжки с картинками я люблю читать или нет? 3) Все, кто учились в школе, умеют читать. Мой брат умеет читать. Учился ли он в школе, или нет? 4) В одной школе некоторые дети хорошо пишут, а некоторые хорошо рисуют. Все ли дети в этой школе хорошо пишут и рисуют, или нет? 5) Почти все мужчины выше, чем женщины. Выше ли мой дядя, чем его жена, или нет? 6) Мой двор меньше сада, а сад меньше огорода. Меньше ли двор, чем огород, или нет?

Здесь интересно отметить, что вопросы для исследования мышления у несовершеннолетних отличаются только ■ очень немногих пунктах от вопросов для исследования мышления у взрослых (например, в детском тесте не может быть вопроса: чем похожи голод и половое чувство и т. п.). Такое тождество тестов служит доказательством простоты задаваемых вопросов, которые понятны даже ребенку младшего возраста.

19. Ср. на эту тему статью G r e g o r 'a: Zeitschrift für Kinderforschung, 1920.

20. Потенция: „Мысль и язык“. М. 1924 г.

21 а). Ib. (Steinthal, Gr., L. u. Psychol., 153 и след.).

21 б). Ib. (Humb., Ueb. die Versch., 67).

22. Ср. Пиорковский, „Исследование интеллекта“.

23. В Школе-Санатории мы имеем случай убедиться в том, что интеллектуальная одаренность, поражающая своим уклоном в неконкретность, совпала с инфантильным, хилым тельцем (12-лет. реб.). Таким образом, мы знаем по опыту, что не всегда физиологический (костный) и психологический возраст находятся в адекватной корреляции, как на это указывает П. П. Блонский: „Педология“. М. 1925, стр. 5 и след.

24. Недостаточность данных ответов обусловлена конкретностью мышления испытуемых. Такая конкретность свойственна по преимуществу психике ребенка, который лодку воспринимает со всеми детальными подробностями конкретно-воспринятого единичного предмета: Что такое лодка? Ребенок отвечает: „Очень большая лодка, в которой сидят женщины и мужчины“ (ср. Селли, Бинэ, Storch: „Das archaisch-primitive Erleben und Denken der Schizophrenen“. S. 13). Ребенок раннего возраста с мало развитым представлением вещей весьма зависим от зрительных комплексов общих впечатлений, так что даже небольшое изменение общего образа отнимает у него способность воспризнать те моменты, которые не изменились. Если, например, мать станет в непривычное для ребенка место ■ комнате, он может ее не узнать и т. п. Ср. Bühler: „Die geistige Entwicklung des Kindes“. 2 Aufl. S. 28. Есть русский перевод. Словом, психика ребенка и примитива как бы прикована к конкретному.

25. 1) Dr. Heinrich Maier: „Psychologie des emotionalen Denkens“. Tübingen, 1908. Verl. v. Mohr. 2) Ср. изложение этой книги: И. И. Лапшин: „Психология эмоционального мышления Генриха Майера“. Новые идеи ■ философии, Сборник 16-й, 1914 г. 3) Рибо: „Логика чувств“. Ориентируя проблему эмоционального мышления в двух указанных авторах, мы натолкнулись на любопытное совпадение у Леви-Брюля (L. Lévy-Bruhl: „Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures, cinquième édition. Paris, 1922, стр. 3). Указывая эти работы (Мейера и Рибо), Леви-Брюль говорит, что именно эти работы разрывают те узкие рамки, в которых традиционная психология под влиянием формальной логики притязала заключить жизнь мысли. Мыслительный механизм бесконечно более гибок, более сложен, более тонок, и он захватывает значительно больше элементов психической жизни, чем это полагает слишком „односторонний интеллектуалист“. Правда, мы пользовались этими работами для иных целей, чем те, которые преследует

Леви-Брюль, интересовавшийся по преимуществу психологией примитивного мышления.

26. Указанного нами различия оттенков эмоционального и аффективного мышления мы не находим ни у Мейера, ни у Рибо: Во французской психологии термин эмоция равносителен термину чувство; в немецкой психологии термин эмоция редко встречается; самое понятие—эмоция—выражается словами — аффект, чувство, *Gemüthserregung*. Мы понимаем под аффектом чувства известной степени интенсивности, нарушающие течение представлений и сопровождающимся телесным изменением (ср. Бен).

3. Воображение (метод Роршаха).

27. 1) Rorschach, H.—Psychodiagnostik. Methodik und Ergebnisse eines wahrnehmungs-diagnostischen Experiments. (Deutenlassen von Zufallsformen). E. Bircher, Bern und Leipzig. 1921 г. К этой книге приложены п л а т н а. 2) Краткое изложение принципов психодиагностики Роршаха можно найти у М у н ц а в статье, указанной в примечании первом. Вот эти принципы: берутся небольшие чернильные пятна, часть из них только черные, часть черные и цветные, часть только цветные. Получаются они оттого, что данное пятно набросано на листе бумаги, и этот лист сложен вдвое и прижат. При раскрытии листа получается форма неопределенного характера, вызывающая впечатление некоторого образа. Данные пятна предлагаются испытуемому в определенной последовательности с вопросом: „Что вы здесь видите, что это может быть?“ Разумеется, еще раньше должен быть установлен более или менее интимный контакт с испытуемым. Необходимо тщательно избегать возможности дать какую-либо направленность (установку) представлениям испытуемого. Необходимо (как и во всех других экспериментах) педантически точно вести запись всех без исключения высказываний испытуемого,—протоколировать даже те восклицания, которые в данный момент не относятся к делу. Особенно все, что окрашено аффективным тоном: смех и его причины, удовольствие или неудовольствие от эксперимента, скуку и т. п. Затем протокол перерабатывается по следующим пунктам: I. Как велико число ответов. Как длительно время реакций. Как часто встречаются отказы при отдельных картинках. II. (Особенно важный). Был ли ответ определен только случайной формой кляксы, или, кроме того, в кляксе воспринималось еще и движение или же и цвет. III. Было ли изображенное схвачено и истолковано как целое или по частям и по каким именно. IV. Наконец, что было усмотрено. Роршах думает, что типичность реакции на пятна имеет определенную ценность симптома, и из этих опытных данных Роршах отваживается на диагностическую или дифференциальную обработку протоколов даже лиц незнакомых. Вот основные данные оценок реакций по Роршаху: 1) Количество ответов (нормально 15 — 30) дает в целом мало характерного. 2) Также мало характерно для испытуемого количество времени процесса реакций (в среднем 20 — 40 минут). 3) Отказы у нормальных редки или легко преодолимы, они встречаются у дебильных и у истериков, они указывают на комплекс (эмоционально-интеллектуальный): у шизофреников они обусловлены заторможением (*Sperzung*) и часто непреодолимы.—Особенно важное значение в эксперименте Роршах придает следующим

моментам реакций: во-первых, усмотрена ли ясно или неясно форма пятна (формула такого ответа $F +$ или $F -$). Вот категория лиц, которые, по Роршаху, ясно схватывают форму: интеллектуальные, педанты, нормальные с депрессивным расстройством, циркулярные меланхолики (от 100 до 80%) Наоборот, с понижением интеллекта и с повышением маниакального расстройства процент форм падает. Органики совсем плохо воспринимают форму. (Здесь мы видим у Роршаха, а затем и у Мунца далеко не конституциональную группировку реакций того или иного типа). Во-вторых, Роршах придает особенно важное значение тем реакциям, в которых выражен двигательный момент (*Bewegungsantworten*) (Формула В). Такие двигательные моменты испытуемый черпает из своих воспоминаний и т. п. Двигательные реакции (В) часто трудно отделить от ответов, где двигательный момент является, по терминологии Роршаха, вторичным, который имеет совсем другое значение. Именно первично воспринятый двигательный момент (*primären В*), т.-е. такой, который обуславливает собою самовосприятие, по Р., часто встречается у лиц, живущих в себе, обращенных в себя (*in Sichgekehrten*). Р. называет их „интервертированными“, однако, в отличие от Юнга под понятием „*Interversion*“ Р. понимает просто гибкую способность уходить в себя, присущую в высокой мере, и нормальному, который относится к В-типу. Патологический момент Р. отмечает лишь там, где встречается упорное преобладание интервертированных тенденций над неинтервертированными. В-третьих, Р. считает реакцию противоположную реакции В-типа, имеющей также особенно важное значение, именно реакцию по цвету („*Farbantworten*“). Общая формула ее Fb. Этот общий тип реакции распадается на три группы: а) принимается ли во внимание ■ реакции по цвету вместе с цветом и форма и б) как именно: как нечто существенное или только на втором плане, или в) вообще не принимается во внимание. Сообразно этим трем группам Р. дает следующие формулы: 1) Реакция по форме-цвету (FFb) знаменует собою способность эмоционального контакта с окружающим (*affective Rapportfähigkeit*) в противоположность аффективной несинтоничности среде (*affectiven Entgegenkommen des Umgebung*). 2) Самым крайним выражением реакции на цвета Р. считает реакцию по цвету просто (Fb), которая не встречается у гармоничных, устойчивых (нормальных), наоборот, она скопляется у возбудимых, неустойчивых, импульсивных у эпилептиков: реакция Fb выражает импульсивность. 3) Наконец, средняя форма цветовой реакции по цвету-форме (FbF) в известном отношении аналогична реакции по формуле Fb, но только она значительно расширяется ■ область нормального. Эта формула FbF выражает собою аффективную лабильность, возбудимость, восприимчивость (*Empfindlichkeit*), также внушаемость. Самой важной для Р. является такая реакция, в которой налицо все три указанные признаки цветовой реакции: 1) синтоничность (*Rapportfähigkeit*), 2) лабильность, 3) импульсивность. Важное, но менее существенное значение Р. придает следующим реакциям: 4) истолковывается ли картинка прежде всего в ее целом или по частям; по Р., нормальный человек стремится в общем прежде всего схватить целое и только потом переходит к все более и более мел-

ким деталям. Реакция на целое (Gangzantworten) имеет формулу G. Далее Р. указывает категории лиц, дающих в своих реакциях самое высокое число G. (Как и везде Р. дает далеко не конституциональную классификацию в своей группировке реакций): 1) больше чем 10 G дают лица, лишенные фантазии, абстрактные; 2) от 7 до 10 G — интеллигенты, маниакальные-нормальные (manischverstimmte Normale); 3) от 4 до 7 G есть обычная средняя реакция. Эту цифру не превышают маниакальные циркулярные; 4) от 0 — до 3 G встречается у лиц, стоящих ниже нормы: у депрессивных, у педантов, у дементных шизофреников, меланхолических циркулярных, артериосклеротических дементных. (Все цифры Р. получил статистическим методом). 5) Далее идут реакции на детали (Detailantworten), формула их D. По этой формуле обхватываются большие части картины (часто замечаемые испытуемыми, наиболее частая реакция). 6) Дальнейшая реакция по мелким деталям (Kleindetailantworten) Dd. Здесь принимаются во внимание те детали пятна, которые остаются за вычетом больших частей по формуле D. 7) Олигофренические детали (oligophrene Details) Do — обозначают те толкования, которые касаются столь мелких деталей, что другие испытуемые видят их лишь в связи с большими частями (например, только голову там, где легко признать целого человека). Dd и Do встречаются прежде всего у неинтеллигентных. Do служит выражением мыслительного заторможения, обусловленного депрессивным состоянием. Там, где оно находится наряду с многочисленными неясно воспринятыми формами (F —), оно говорит о бедности ассоциаций, о слабоумии. 8) Иногда испытуемые реагируют не на черные или цветные части клякс, а на оставшиеся между ними незаметными белые промежутки. Р. их называет: промежуточная форма ответов. (Формула их DZW). При этой реакции всегда обнаруживается тенденция к оппозиции, у нормальных она выражает склонность к противоречиям, упрямство, своеобразие и т. п.: у шизофреников Sperrungen, негативизм, Verschrobenheiten. (В своей статье Мунц — op. cit. — указывает, что получал у своих испытуемых пикников большое количество DZW (так, у пикников 59%, тогда как у шизоидных 43%). Мунц признает вопреки Р.-ху, что некоторое число DZW вполне совместимо с синтоничностью. Он наблюдал далее такие реакции у испытуемых, которые имеют склонность — профессионально выработанную — всматриваться в мелочи, совершенно несвязанно с оппозиционной тенденцией: например, у фотографа, привыкшего к ретушевке, получилось 10 DZW и 2 DdZW на 42 ответа); у тонкого механика часовой фабрики ■ т. п.) 9) Дальнейший тип реакции выражает собою соотношения между G, D, Dd, Do и DZW. (Erfassungstypus — формула Erfst): а) G-тип есть тип, дающий значительное количество ответов на целое наряду с незначительным количеством других способов реакции. — Эта реакция присуща интеллигентным-гармоничным. У нормальных тип реакции чаще всего выражается формулой GD, т.-е. пятно истолковывается сначала как целое, потом переходят к деталям; не присоединяя сюда ни мелочей (Dd и Do), ни претенциозности, ни манерности (DZW). 10) Далее под термином „Sukzessin der Erfassungsmodi“, в формуле = Sukz Р. понимает способ сочетания или порядок следования G и т. д. в контексте истолкования одного и того же

пятна. Он различает ■ порядке GD и т. д.: последовательность строгую толковую,—обратного порядка, рассеянную, беспорядочную. Строгую последовательность Р. отмечает у формалистов и т. п., где форма доминирует над содержанием; рассеянная последовательность встречается у неинтеллигентных, у органиков, у маниаков и т. п. 11) Что касается содержания толкований картин, то, по Р., самая частая реакция есть образ животного, формула Т (Tierformen); она встречается от 25 до 50% почти у всех интеллектуальных испытуемых, все равно — образованных или нет. Только богатые фантазией дают такую реакцию менее, чем 35%. Наоборот, у лиц с склонностью к стереотипии такая реакция превышает 50%. Веселое настроение понижает процент реакции с образом животного, депрессивное, наоборот, повышает. (Больше стереотипии, меньше гибкости). Между количеством реакций, обусловленных формой В. (т.-е. двигательным моментом), которая присуща по преимуществу лицам интервертированным, и между высотой реакции с возникновением образа животного существует обратная пропорциональность: чем малочисленнее реакция в форме В, тем больший процент реакций с возникновением образа животного, тем меньше разнообразия в ответах. 12) Объекты—objekte—формула О—чаще служит выражением реального, житейски конкретного образа мышления. 13) Оригинальная реакция—Originalantworten (формула Orig.) у нормальных испытуемых встречается не более одного раза. По качеству она бывает В, F и FFb (реакция с двигательным моментом, реакция по форме и по форме-цвету). Оригинальная реакция (Orig.) распадается на Orig-+ и на Orig—. Процент оригинальной реакции вырастает с повышением интеллигентности и маниакального состояния. У богатых фантазией она достигает 40%, у занимающихся искусством до 50%, свыше 50%: у нереалистов (Weltfremde), у шизофреников, у эпилептиков, у пресенильных и т. п. Все вышеприведенные факторы, по эксперименту Р-ха, подсчитываются и оформляются в определенную схему. Из цифр этой схемы выводятся соответствующие характерологические заключения, на которых строится клиническая диагностика. Вот схема Р: Количественная формула типа переживания получается следующим образом: берется количество ответов на движение (В) соотносительно с количеством ответов по цвету-форме. Три различных ответа по цветам, по Роршаху, неравнозначны в той группе, где „аффекты направлены во вне“. Роршах принимает в учет различие их ценности и в своем вычислении считает: $FFb = 1\frac{1}{2}$; $FbF = 1$; $Fb = 1\frac{1}{2}$ и только через прибавку этих цифр в формуле: $B : (FFb + FbF + Fb)$ получающееся число служит выражением типа переживания; т.-е. между смешанными и синтоничными и несинтоничными реакциями устанавливается количественное взаимоотношение, указывающее на доминанту тех или иных реакций. Так, в реакции на пятна одного пикника М у н ц выводит, например, следующую схему по образцу Роршаха, в 61 ответе пикника получилось: $FFb = 9$, $FbF = 5$, $Fb = 1$. Берется только соотношение между двигательной и цветовой реакциями: формула переживания: $B : (FFb + FbF + Fb) = 2 : (9 \times \frac{1}{2} + 5 \times 1 + 1 \times 1\frac{1}{2}) = 2 : 11$ (т.-е. двигательная реакция относится к цветовой как 2 : 11).

Ср. Adolf Löpfе: „Ueber Rorschachsche Formdeutversuche“. Zeitschrift für angewandte psychologie B. 26, H. 3 и 4, 1926.

28. Ср. Уипль: Руководство к исследованию физической и психической деятельности детей школьного возраста, М. 1913 г.
29. См. примечание первое. „Die Reaction des Pykners“ ■ т. д. Данная работа Мунца замыслена как опыт проверки путем психологического эксперимента указанной Кречмером связи между строением тела и характером. Он выбирал для своих экспериментов лиц пикнического строения тела, как наиболее тонко очерченного Кречмером и наиболее импонирующего законченностью своей формы. (Деление всего исследованного материала, 101 человек, с точки зрения социологической на 4 группы так же неудовлетворительно у Мунца, как и ■ классификации Роршаха).
30. Ор. cit., см. примечание 13-е.
31. См. конец примечания 27-го.
32. Поэтому вполне прав Бинэ и его сторонники (Штерн, Штумпф, Рибо), полагая, что вместо того, чтобы делать поверхностные массовые эксперименты, с точки зрения индивидуальной психологии, целесообразнее углублять индивидуальное изучение личности (Année psychologique, 8-й год, 1902). Мы считаем, что Бинэ в своих работах над дифференциальным изучением психических реакций за долго предварил работу Кречмера в интересующем нас вопросе.
33. Так вполне справедливо указывает В. Штерн в своей работе: „Психологические методы испытания умственной одаренности ■ их применении к детям школьного возраста“ (П. 1915 г.): „Большое разнообразие бывших до сих пор предложений и ответов, относящихся к тестам зависит от того, что к исследованию одной и той же проблемы стремятся совершенно различными путями“ (стр. 18). Различные психологи считали совершенно различные функции пробным камнем для умственной одаренности: „Так, Бинэ во время первого периода своей работы полагал, что сущность умственной одаренности заключается в приспособлении внимания; поэтому он употреблял тесты для испытания внимания: зачеркивание букв в определенном тесте („Проба Бурдона“), списывание предложений, эстеziометр. (Бинэ видел в различении двух соседних концов циркуля не сенсерное явление, а явление внимания), раскладывание в порядке карточек, содержащих алфавит или цифры и т. д. У Меймана мы находим иногда определенное одностороннее предпочтение пониманию абстрактного, как основанию умственной одаренности, почему он особенно и рекомендовал в качестве теста испытание запоминания абстрактных слов.—Целый ряд исследователей направили свое внимание особенно на емкость понимания, как на признак умственной одаренности: отсюда предпочтительное применение в качестве тестов то испытания понимания картин, то испытания способности к подмечиванию словесного материала различного содержания и объема“ (21). Здесь же кстати отметить то, что испытание так называемой одаренности является чрезвычайно расплывчатой задачей. Определение одаренности, как это верно замечает Штерн (там же) может быть то слишком узким, то слишком широким: „Слишком широкое значение получило это понятие у некоторых психиатров. Именно они подразумевают под ним сущность продуктивности вообще, следовательно, все те свойства, которые не принадлежат аффективной

или волевой сфере". Что такое понимание одаренности устарело, ясно само собой. Для нас является недостаточным и дальнейший корректив ■ этом вопросе, внесенный Штерном: именно, что „умственная одаренность есть общая способность сознательно направлять свое мышление на новые требования, есть общая умственная способность приспособления ■ новым задачам и условиям жизни" (6). Мы можем пока говорить только об общих функциях психики на фоне той или иной психической конституции.

34. См. примечание 27-е.

35. Роршах называет такую нормальную гибкую способность уходить в себя *Interversion*, однако, уклоняясь от обычного понимания Юнгом этого слова (в смысле патологическом, ■ котором заметно косное преобладание интервертированных моментов над неинтервертированными), Роршах вносит новые термины для обоснования двух различных типов реакции: интратенсивность и экстратенсивность, соответственно шизоидии и синтоний Блейлера (корни которых связаны и со всеми другими реакциями личности).

36. 1) Вообще для диагностических целей этот прием исследования, как и всякий другой, может быть использован (разумеется, в самых скромных размерах) лишь после того, как будет доказательно обосновано положение, что каждой психической конституции действительно присуща своеобразная форма психоза („Wahl der Psyshosenformen", как это формулирует Роршах, S. 108), а для этого прежде необходимо отчетливо установить типы психических конституций, что и является основной задачей нашей работы. 2) Ср. на эту тему: Вагнер: *Konstitutionelle Disposition zu inneren Krankheiten*.

37. Вот подробная формула этих двух реакций: 1) на 18 ответов пикника дано: $FFb = 1$, $FbF = 4$, $Fb = 0$; $B : (FFb + FbF + Fb) = 3 : (1 \times \frac{1}{2} + 4 \times 1 + 0 \times 1\frac{1}{2}) = 3 : 4\frac{1}{2}$. 2) На 25 ответов лептозома дано $FFb = 3$, $FbF = 3$, $Fb = 0 = B$: $(FFb + FbF + Fb) = 12 : (3 \times \frac{1}{2} + 3 \times 1 + 0 \times 1\frac{1}{2}) = 12 : 4\frac{1}{2}$. Ср. примечания 29-е и 31-е.

38. Атлас проф. Ф. Е. Рыбакова. Для экспериментального психологического исследования личности.

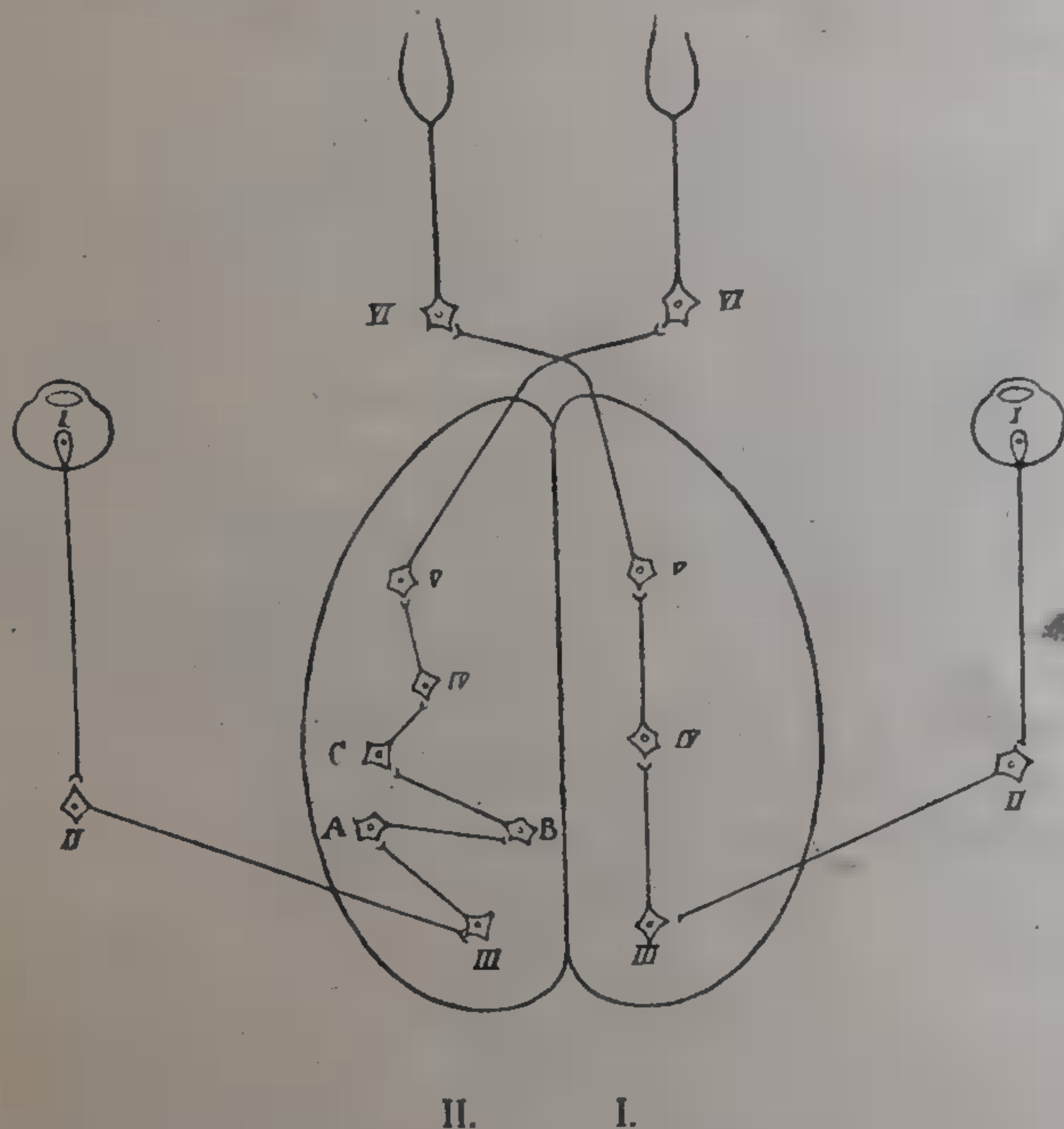
39. Мунц в указанной выше работе, см. примечание 1-е, говорит: Пикники из народа (по нашей терминологии—п р и м и т и в ы) разделяют с большинством интеллектуальных склонность связывать в целое различные детали пятна и объединять их ■ какую-нибудь жизненную ситуацию. Они не успокоятся до тех пор, пока не найдут подходящего. У некультурных пикников такая задача не ставится главной целью эксперимента: у них проявляется лишь бессознательная склонность найти какое-нибудь единство. „Это должно, конечно, как-нибудь связываться, но у меня это не выходит". Мунц замечает, что в исследованиях Роршаха не отмечен этот момент. Некультурный лептозом часто остается во все время исследования глубоко серьезным, он чувствует себя в мучительном положении добросовестного ученика, которого озадачили неожиданной задачей, он не чувствует уверенности в себе, особенно к концу, когда демонстрируются цветные

пятна: он неуверенно показывает пальцем на какой-нибудь пункт пятна, где едва можно различить что-нибудь. Он очень рад, когда эксперимент подходит к концу (стр. 51 и след.).

4. Творчество.

40. М. Ферворн. „К психологии первобытного искусства“, стр. 170 и сл. Речи и статьи, М. 1910 г. изд. Современные проблемы. (Naturwissenschaftliche Wochenschrift, 1907, № 44).

41. „Схема нервных путей и станций, употребляемых при срисовывании. Правая половина мозга показывает схему для срисовывания с натуры, левая для рисования на память. I станция нервноузеловых клеток в глазу, II стан-

I. Правое полушарие мозга — только два слагаемых процесса: зрительный и моторный.

II. Левое — связь воспринятого в субъективном переломлении изображена буквами А. В. С.

ция нервноузеловых клеток в средней части мозга, III станция нервноузеловых клеток в зрительной сфере коры большого мозга (чувствующая сфера), IV станция нервноузеловых клеток в сфере двигательных представлений, V станция нервноузеловых клеток в моторной сфере большого мозга, VI моторная станция нервноузеловых клеток в спинном мозгу. Отсюда нерв ведет

к мускулу (наверх). А, В, С—станций нервноузловых клеток в ассоциационных сферах коры большого мозга, находящиеся между станциями ощущения и движения и выражающие влияние представлений на рисунок". (ib., 181):

42. Н. В. Самсонов: „Развитие воображений у детей“. М. 1923 г.

43. 1) Рибо: „Опыт исследования творческого воображения“. П. 1901. „Музыкальное воображение есть тип аффективного воображения“ (стр. 138 и след., а также стр. 226). Рибо наблюдал, что одни и те же пьесы вызывают у одних лиц зрительные образы, у других—эмоциональные состояния. При чем он отмечает, что „музыка вызывает картины и образные сцены у людей, занимающихся рисованием и живописью“. (Очевидно, у лиц, по преимуществу конкретно-эмоционального типа. Интересно отметить, что в наше время найден особый термин для характеристики индивидуумов со способностью воспроизводить образы, именно: Eidetiker (от гр. εἶδος = образ). Ср. Jaensch, W.: „Ueber psychophysische Konstitutionstypen“. Zeitschrift f. d. Neur. u. Psych. B. 97, 1925. Любопытно наблюдение Мак-Дауголла над собой: „у него зрительные образы вызываются музыкой, следуют за ней, только в исключительных случаях и при особенных условиях. Он называет себя человеком с „бедным зрением“ и заявляет, что музыка вызывает у него зрительные представления только ■ очень редких случаях, „при чем они бывают отрывочные, состоят из простых несвязанных форм, появляются на темном фоне, продолжаются один, два момента и скоро рассеиваются. „Придя в концерт усталым и утомленным, он ничего не видит во время первой пьесы; видения начинаются во время анданте второй и в изобилии сопровождают третью“. Рибо предполагает, что истощение, понижая жизненный тон, служащий основой эмоциональной жизни, ■ то же время ослабляет тенденцию аффективных стремлений восстанавливаться в форме воспоминаний. С другой стороны, чувственные образы не встречают антагонистов и выступают на первый план, если только они не усиливаются сами вследствие полуболезненного возбуждения.—По нашему мнению, этот факт может быть объяснен только после анализа конституциональных особенностей воспринимающего субъекта. Мы наблюдали, что лица аффективно-абстрактного типа, которым не свойственны зрительные образы, вообще независимо от музыкальных переживаний, в момент усталости не способны вживаться аффективно, т.-е. неспособны на интенсивные переживания (эмоциональная тупость); тогда и у них возникают образы, но как-то навязчиво; при чем эти образы носят совсем другой характер, чем те, которые присущи лицам, конкретно-эмоционального (и конкретно-аффективного) типа, которые, наоборот, ■ момент усталости утрачивают способность к воспроизведению пластических образов. Их образы становятся расплывчатыми при таких условиях. Интересно сравнить у Кречмера пример типа тонкочувствующей холодной аристократки (по нашей терминологии с реакцией аффективно-абстрактного типа): „Она видела фантазии „образно“, перед глазами, но всегда, когда уставала“. 2) Ср. литературу по восприятию музыки в работе С. Н. Беляевой-Экземплярской: „О психологии восприятия музыки“. М. 1923 г. К сожалению, в ней не разработан конституциональный момент. Кроме беглых замечаний вроде сле-

дующих: „Возможно, что люди с преобладанием конкретного, предметного воображения... будут склонны преувеличивать живописные способности музыки. Может быть, обладание яркими зрительными образами этому особенно содействует. Лица же с мало конкретизирующей, опредмечивающей фантазией главное место отведут формальным моментам. Это будет вести к утверждению музыки всегда лишь как „движущей формы“ (97). См. того же автора: „Музыкальное переживание ■ дошкольном возрасте“. (Труды Государственного Института Музыкальной Науки, сборник работ физиолого-психологической секции, выпуск I, стр. 65. М., 1925 г.).

44. Ср. Освальд Кюльпе: „Современная психология мышления: Новые идеи в философии“, № 16.

45. См. 1) „Сто картин современных русских художников“. 2) „Альбом современных европейских художников“, изд. Лепковского, Москва.
5. Ассоциации:

46. См. работы, по „Psychologische Tatbestandsdiagnostik“, указанные в статье доктора Н. Е. О с и п о в а: „Психология комплексов ■ ассоциативный эксперимент по работам цюрихской школы“. Журнал имени Корсакова, 1908 г., кн. 6 (стр. 26). Статья доктора Н. Е. Осипова очень удобна для ознакомления с элементарной методикой ассоциативного эксперимента (см. также Гр. Трошин: Антропологические основы воспитания. П. 1915 г.).

47. Вот образец листка для исследования процесса ассоциаций, которым мы пользуемся для изучения личности правонарушителя. В пробелы мы вставляем слова, которые по предположению на основании фактов из жизни данной личности могут вызвать комплексную реакцию.

1) Образец листка для исследования ассоциативного процесса:

	Время	Реакция	Время	Репродукция	Психоанализ
1) хлеб					
2)					
3) больно					
4)					
5) радость					
6)					
7) деньги					
8)					
и т. д.					

2) Дальнейшие слова-раздражители (между каждым из них имеется пробел для вставки слова): писать, страшно, ножик, кошелек, небо, смерть,

целовать, обед, женщина, окно, гулять, любить, насилие, мокрый, правда, ноги, трава, постель, красть, табак, пожар, грех, маленький, ласковый, ложь, стыдно, красота, сад, вор, музыка, арест, встреча, начало, желать, страстный, труп, кража, вино, лес, горе, власть, убийца, сон, тоска и т. п.

3) Свободные ассоциации:

В течение 3-х минут испытуемый должен дать максимум слов.

4) Для исследования несовершеннолетних испытуемых мы пользуемся более простым набором слов-раздражителей (по листку Школы-Санатории Наркомздрава), например, книга, обед, собака, мальчик и т. п. Для больных Психиатрической клиники I М. Г. Ун-та с более тонкой психикой мы пользуемся более утонченной комбинацией слов, захватывающих самые разнообразные эмоциональные моменты.

48. См. Prof. G. Aschaffenburg. Experimentelle studien über Associationen Psychol. Arbeiten, herausg. v. E. Kraepelin, Bd. I. 1896. См. дальнейшую литературу ■ указанной статье д-ра Осипова, а также в „Проблемах современной психологии“. Г. Изд. 1926.

49. Мы пользуемся здесь группировкой, приведенной доктором Осиповым, *op. cit.* (стр. 10—11).

50. Ср. статью д-ра Осипова, стр. 12—14: „Результат общего подсчета таков: из 3800 ассоциаций образованных и 3000 ассоциаций необразованных было внутренних ассоциаций у образованных 35,0%, у необразованных—43,40%; внешних 55,30%; *resp.* 52,40%; звуковых 3,40%; *resp.* 0,50%; остаточная группа 4,00%; *resp.* 2,20%.

51. Любопытно следующее дополнительное наблюдение указанных авторов „Если образованным произносить слова-раздражители на местном (швейцарском) диалекте, то они также воспринимаются ими как бы целые фразы, как вопросы, и дают преобладание внутренним ассоциациям (на диалекте обычно не пишут и не читают, а только разговаривают). Следовательно, усложнение задачи, повышая внимание, вызывает преобладание внутренних ассоциаций“ (курс. наш, стр. 15).

52. Ср. примеч. 2-е. Эксперимент по образцу v. d. Horst'a поставлен и нами; материалы собираются.

53. См. на эту тему др. Осипов, *op. cit.*, 28 стр. Постановка опытов описана Jund'ом „On Psychophysical Relations of the Associative Experiment“, „Journ. of the Abnormal Psycholog.“. Vol. I, p. 247.

Появление психогальванического феномена наблюдается только при психических процессах сильно чувственного тона. См. позднейшие работы по этому вопросу: M. F. Washburn and F. Pisek: Galvanometer Experiments with Revived Emotion as a Test of Emotion and phlegmatic Temperaments. (The American Journal of Psychology, July. 1925) и др. современные журналы, напр., British Journ. of Psychology. 1925.

6. Ассоциативные процессы:

ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАЦИЙ

при заполнении пробелов (метод Эббингауза).

Комментарии, выводы.

1) Слушай , заговорил старый
ворон, — я вижу, как смотрят
глаза ■ синюю даль, я помню и свою юность, и
меня она тянула, тогда ■
другие были, теперь не то... Живут там люди, в
той синей , где лес
, где тянутся поля. Там ярче
, там зреют
, звенят песни и
реки, но там и.
Людей ты бойся! Ты, черный ворон, ими проклят.
Ты кличешь, так говорят
люди и наш род. За степью
шумит . Ты
слышал песни, что лес нам
когда с ним спорит гроза и
Поет и море, но песнь моря еще
. Ты моря,
оно широко; от края ■ край его не
. Покинут
, и упадешь ты прямо в волны.
По свету долго я
людей ■ видел, я много
и заклинаю тебя—
здесь, забыть о дали.

2) На вазе изображены: молодой и
около . Правая рука юноши
в жесте,
на то, что юноша как бы
с покойником. Женщина
себя руками за
. в глубоко-
кой печали. На другой
изображен из обыденной
жизни: налила
молодому воину вина на
прощание. За девицей стоит
с седыми и
профилем. На что живописец
здесь главное
ясно из надписи: красота была
, к которой стремился
. Этим высокохудожественным
пропитана
вся картина, и получается
столь и идеальное, что
жизненности
почти теряется.

55. Ср. О. К ю л ь п е. „Современная психология мышления“ и А. А. К р о г е в. „Вюрцбургская школа экспериментального исследования мышления и ее значение“. Новой идеи в философии № 16. Здесь мы не касаемся принципиальной позиции Вюрцбургской школы о неконкретном мышлении. Ср. „Проблемы современной психологии“, стр. 31. Г. Изд. 1926.

7. Память:

56. Ср. Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й: „О значении научного языка знания для психологии мысли“. Собр. сочинен., т. VI, изд. Прометей. П. 1911 г., стр. 55—57.

57. Мы наблюдали на материале Научного Кабинета по изучению личности преступника и преступности факт шизоидирования психики под влиянием наркомании, хотя основная конституция испытуемого не была, повидимому, шизоидной до злоупотребления кокаином. Мы делились на конференциях этими нашими наблюдениями еще до выхода в печать статьи М. Я. С и р е й с к о г о: „Конституция наркоманов“, где читаем ■ числе тезисов: „под влиянием злоупотребления наркотиками характер „шизоидируется“, т.-е. нередко меняется в сторону апатии, раздражительности и замкнутости“ (Труды психиатрической клиники. М. 1925, стр. 39). К этому тезису можно было бы прибавить соображение о шизоидировании всех психических (мыслительных) процессов (их уклон в рассеянность, расплывчатость и т. п.) при данных условиях.

8. Эмоции:

58. Э. Крэпелин. Учебник психиатрии. 1910 г., стр. 237.

59. Ср. В. В у н д т: „Основы физиологической психологии“. „Волевые процессы“ (вып. IX, т. III, гл. XVII). „По мере того, как новейшая психология уделяла все больше внимания процессам чувства, мало-по-малу возникли попытки создать эмоциональную теорию воли. Так, Th. Lipps особенно в последних своих работах (Grundthatsachen des Seelenlebens, 1883, стр. 594 и сл. Vom Fühlen, Wollen und Denken (Schriften d. Gesell. für psychol. Forschung, Heft 13, 1902, стр. 115 и сл.) пришел к пониманию, которое хотя и недостаточно учитывает отношения волевых чувств к общему эмоциональному направлению, так ясно выступающему при экспериментальном наблюдении, но которое по своей общей тенденции совпадает с вышеизложенными рассуждениями“ (стр. 369). „Мы можем определить волевые процессы как аффекты, которые вследствие своего развития вызывают свое же разрешение“ (285). „Волевые действия“, называемые „импульсивными“, прежняя психология большею частью противопоставляла воле, как специфически отличные от нее процессы. „Во всех тех случаях, где дело идет о действительном процессе сознания, а не о простом рефлексе, для такого разделения не существует ни малейшего основания“ (287). „Тем не менее, целесообразнее будет сохранить выражение „импульсивное действие“ для того, чтобы иметь ■ своем распоряжении краткий термин, обозначающий первичные волевые действия самой простейшей природы“ (288).

60. См. по вопросу о выразительных движениях (мимике и т. п.) принципы и литературу 1) у Вундта *op. cit.* 322 и след.; 2) Ш у л ь ц е: „Техника психологического и педагогического эксперимента. П. 1912.
61. Ср. Сборник статей „Психология ■ воспитании“. Перевод А. Ф. Л о с е в а. М 1924 г.
62. Ср. Н. Л а н г е: *op. cit.* в примеч. 8.
63. Р и б о: „Психология чувств“. Киев. 1897 г., стр. 131—157.
64. Ср. Т и ч н е р: „Учебник психологии“, II ч., стр. 154—156. Душевные движения.
65. 1) Психологи, поддерживающие точку зрения Рибо: Балдвин, Бэн, Фуллье, Пилон, Пьерон, Дюгас, Дориак, Потини, Полан. 2) Психологи, опровергающие точку зрения Рибо: Джемс, Тичнер, Геффдинг, Моксион. 3) Ср. примиряющую точку зрения и указание литературы у М. Ed. Claparède: „La question de la „Memoire affective“, Archives de Psychologie, 1911. V. X, Genève. 4) Ср. литературу: A. R. Stone. The Reaction of Memory to Affective States. The American Journal of Psychology, January, 1925.
66. Атлас Рыбакова.
67. 1) Меде и Г. Пиорковский (см. *op. cit.* в прим. 12) применяют в своих исследованиях эмоций, так называемый метод „вчувствования“. Мы находим, что оценка результатов такого эксперимента без связи с проблемой о психических конституциях крайне субъективна и потому в корне ошибочна. И наоборот, после нашей установки любой прием исследования может дать соответствующие плодотворные результаты. Например, указанные авторы ■ качестве такого испытания пользовались рассказом: „Лотерейный билет“, который прочитывался вслух и прерывался на середине. Содержание: Один человек получил в молодости лотерейный билет. Напрасно надеется он из года в год на выигрыш. Между тем он забрасывает свое образование. Проходят годы. Он старик, беспомощный и больной, живет на пенсии. Когда он достиг 70-летнего возраста, ему достается выигрыш в 300,000 марок. „Каковы будут его чувства, мысли, и что он должен будет предпринять?“ Вот вопрос, которым заканчивается эксперимент. Вот субъективная оценка результатов этого эксперимента, как она дается авторами: ответ „ученика, лишённого психологического чутья“ (?): „Старик очень рад, что он теперь на старости лет получил большой выигрыш. Умирая, он завещает устроить ему на 300,000 марок пышные похороны“. Почему такой ответ должен квалифицировать испытуемого с точки зрения оценки его психологических эмоций, как лицо, „лишённое психологического чутья“, если из рассказа явствует, что старик вовсе не был похож на нормального? (Можно, например, заподозрить, что у него пресенильный психоз). Почему, наоборот, авторы считают „высоко одаренными детьми, стоящими не только в интеллектуальном, но также психологическом (?) отношении выше уровня сверстников“, тех детей, которые дали такой ответ: старик в припадке сильного волнения умер от разрыва сердца. Правда, содержание рассказа было взято из газеты и, очевидно, финал был именно таков, как

прочувствовали его (к сожалению, только две) самые одаренные ученицы (м. б., слышавшие этот рассказ!), но финал мог быть и совсем другим, так как в рассказе говорится, что последнее время старик „читал сообщения о розыгрыше угрюмо и без интереса“ (см. стр. 64—101). На подобных примерах можно учитывать лишь типы психических конституций, но не объективные данные эмоциональной одаренности (?), которая якобы должна быть адекватной истине, ■ данных случаях всегда весьма релятивной. Никакой объективности вывода из данных приемов, разумеется, сделать нельзя (как нельзя сделать такого вывода из задач, предлагаемых проф. П. Г. Бельским. См. примеч. 68).

— Совершенно также прочитываемый авторами рассказ, указанный на стр. 107, любопытен лишь при учете в реакции испытуемого тех основных моментов, на которые испытуемый обращает внимание при осмыслении данного рассказа и которые характеризуют испытуемого со стороны типа его психической конституции: обратил ли испытуемый внимание на зрительные нелепости (снег и сорванные по дороге цветы) или на эмоциональные моменты (получение известия, что умирает мать, и реакция—испечь пирог, чтобы доставить ей удовольствие и т. п.). Вот этот рассказ: „Молодая женщина сидела однажды со своим мужем ■ прилегавшем к их домику саду. Вдруг прибегает посланный и взволновано сообщает, что живущая ■ соседней деревне мать молодой женщины опасно заболела. Оба были глубоко потрясены этим известием и решили немедленно отправиться к больной. Желая доставить матери удовольствие, молодая женщина быстро испекла пирог. Чтобы сделать его для больной более вкусным, она послала мужа в лавку за изюмом. Затем, они отправились ■ путь. Когда они прошли некоторое расстояние, началась сильная метель. Хотя их сильно било градом, они вместе продолжали бодро шагать вперед. Чтобы развлечься, они пели веселые песни. Желая согреться, они шли быстро вперед, но, чем быстрее они шли, тем холоднее им становилось. Их ослеплял блеск освещенного луною снега. Вскоре они подошли к гостинице ■ решили ■ ней остановиться. Веселые звуки раздавались оттуда, так как там ■ это время танцевали. Молодая женщина стала у двери зала, и сейчас же ей захотелось принять участие в танцах. Она приколотила сорванные по дороге цветы и протанцевала до глубокой ночи. Счастливые и довольные отправились они потом домой“.

2) Совершенно также не имеют значения, без связи с конституциональным обоснованием психики испытуемого, приемы исследования фантазии, указываемые Шнеерсоном в его „Психологии интимной жизни ребенка“. Гомель. 1920 г. (Очень небрежно написанная, не оригинальная работа). Приемы им указанные таковы: 1) Метод самопроизвольного рассказа (по собственному почину: естественный эксперимент), 2) метод неограничивающего предложения (свободное сочинение), 3) метод ограничивающего предложения (сочин. на определенную тему или на определенную картинку), 4) метод пересказа (из прочитанного), 5) метод воспоминаний (из прошлого), 6) метод репродуктивного рассказа (прочитанное пересказывается через 4, 5, 6 дней, 7) метод выбора картинки (по поводу

которой дается рассказ), 8) добровольная иллюзия (как испытуемый представляет себе, например, облако ■ т. п.). Данная работа неадекватна своему названию,

68. На указанном смешении понятий (инстинкт, эмоции и т. п.) основан тот факт, что иные методики обещают своим заглавием больше, чем они дают на самом деле. К числу таких методик мы относим также методику проф. П. Г. Бельского ■ сотрудничестве с В. Н. Никольским: „Исследование эмоциональной сферы несовершеннолетних, уклоняющихся от нормы в своем поведении“. М. 1924. Здесь дается очень удобное расчленение эмоционально-этических мотиваций на несколько стадий, сообразно возрастным моментам личности. Стадия 1) рефлекторная (с момента рождения); 2) гедоническая (начиная с девяти—двенадцати месяцев); 3) утилитарная (проэтическая) в 3—5 лет; 4) принципиальная: а) смешанная и утилитарная и симпатическая; б) автоэтическая (своеобразная); в) собственно этическая. Эта группировка на указанные здесь стадии эмоционально-этических мотиваций весьма удобна для поверхностной оценки общего этического уровня развития испытуемых, но, откуда здесь взят возрастной момент, не указано. И вообще, сама по себе ценная, такая группировка еще не дает данных для этиологии правонарушителей, что, однако, указывается как цель данного метода. Перечисляя различные приемы исследования эмоциональной сферы (Бинэ, Мейман, Грегор, Штерн, Крэпелин, Циэн, Фернальдо Якобсон S. C. Kohs и др.), автор полагает, что большинство из них своею абстрактностью не вызывают непосредственно этических эмоций. Поэтому автор особенно подчеркивает разработанные им оригинальные приемы исследования. Например, дается испытуемому каталог книг, карточки с заглавиями вроде: „Волшебная кухня или ешь, что хочешь, вкусно“, или „Любовь прекрасной турчанки и рыцаря Карла“ и т. п. (стр. 33) и спрашивается: какую книгу испытуемый выбрал бы для чтения? Наши проверочные исследования убедили нас, что данный прием, рассчитанный на то, чтобы уловить эмоциональный комплекс испытуемого, не достигает цели: часто книга выбирается по необычности заглавия, не задевая комплекса. Тот же результат другого приема, указанного в книге, как оригинального. Даются на просмотр 22 картинки, приложенные к данной книге, со специальным содержанием для улавливания эмоционального комплекса, со словами: я покажу тебе картинки, посмотри и про них расскажешь. В протоколе отмечается продолжительность рассматривания картинок (искание комплекса). По окончании рассматривания спрашивают: 1) „Какая картинка тебе больше запомнилась?“ 2) „Какую картинку ты хотел бы взять себе?“ (Выбор суживают до 2—3 картинок (стр. 42). (Все приемы рассчитаны на несовершеннолетних мужского пола). Часто нравится та картинка, которая наиболее эстетично выполнена (но исследование высших эмоций не входит в план автора). Словом, и здесь мы наталкиваемся на различие реакций сообразно психическим конституциям (ср. наши испытания эстетических суждений). Менее других удачен рекомендуемый здесь прием для исследования гипотезы эмоциональности (внушаемости) путем неоконченных рассказов, например, рассказ I Гастрич: „Пришел Ваня в кондитерскую. Глаза разбежались

у него при виде сладостей: тут пирожки, там торты. а там груды шоколада. Денег у Вани нет. От одного столика со сладостями отошла продавщица. Никто не смотрит, а пирожное так заманчиво, Ваня подумал... (стр. 37). По мнению автора, „гипоэмоциональный обычно идет за последним гедоническим для него раздражителем, согласно которому ■ оканчивает рассказ“ (27). Наши проверочные опыты доказали нам, что окончание часто дается испытуемым просто машинально по подсказанному ранее тексту, не затрагивая комплексов; часто испытуемый заканчивает стереотипно, просто потому, что находит такое окончание психологически вытекающим из обрисованного облика действующего в рассказе лица, а отнюдь не из личных переживаний. Данную методику можно упрекнуть в том же, в чем автор упрекает своих предшественников: здесь часто получаются результаты, лишь случайно совпадающие с общим обликом испытуемого, иногда данный здесь раздражитель скользит по поверхности, не вскрывая эмоциональных комплексов. Данное руководство можно приветствовать лишь за неимением других лучших. Это не меняет основной исследовательской задачи нашего времени: найти группировку для изучаемых личностей по психическим конституциям. Лишь после решения этой основной задачи возможно будет вполне обосновать этиологию правонарушений несовершеннолетних. Для этой цели надо не столько изобретать новые приемы исследования, сколько суметь более целесообразно использовать уже имеющиеся в литературе. Ср. нашу рецензию на эту работу проф. Бельского ■ журнале „Право и Жизнь“; кн. I, 1926, стр. 98—99.

9. Социально-правовые понятия и их соотношения с поступками (метод Якобсона):

69. Проф. П. Г. Бельский, *op. cit.*, см. там подробное изложение данного метода.
70. Jacobson — Lask, L. *üb. d. Fernald'sche Methode z. Prüfg. d. Sittlichen Fühlens u. üb. ihre weitere Ausgestaltg.* Beiheft zur Zeitschrift f. angewandte Psychologie (Stern, Lipmann). Leipzig, Barth. 24. 1920.

Вот примеры правонарушений по Якобсону (при переводе мы заменяем марки рублями и т. п.).

Рассказ о булке Б. (S).

Один 10-летний мальчик целый день ничего не ел, потому что его мать была на работе. Так как мать долго не возвращалась, а его мучил голод, он вышел на улицу и прошел мимо булочной. Дверь булочной была открыта и около нее он увидел корзину, в которой лежали свежие булки. Он подождал, пока в давке никого не осталось. Тогда он тихонько подошел, взял из корзины две булки и убежал с ними и съел их тут же на улице.

Рассказ о заказном пакете. П. (P.).

Один 12-летний мальчик, который был рассыльным ■ одном учреждении, должен был отнести пакет на почту. Его начальник дал ему 50 коп., чтобы

он заплатил на почте за заказную отправку. Но мальчик отправил пакет неоплаченным и оставил себе 50 коп., которые он тотчас же истратил.

Рассказ о велосипеде. В. (Ф.).

Один 14-летний мальчик получил однажды ■ подарок велосипед и учился на нем кататься на безлюдной улице. Другой 16-летний мальчик, который долго за ним наблюдал, подошел к нему и сказал: „Дай мне только сесть на велосипед и я тебе покажу, как можно быстро научиться кататься на нем“. Тогда 14-летний мальчик слез с велосипеда и пустил 16-летнего мальчика сесть на него. Этот 16-летний мальчик сначала несколько раз проехался вдоль улицы; когда же он оказался в конце улицы и другой мальчик перестал его видеть, он быстро свернул в соседнюю улицу и исчез с велосипедом навсегда.

Рассказ о служащем. С. (И.).

Один 18-летний молодой человек уже много лет служил в одном большом учреждении. Его начальник доверял ему и послал его однажды в банк, чтобы получить оттуда 1000 рублей. Для получения денег он дал ему чек, на котором и была обозначена сумма ■ 1000 рублей. Служащий уже давно мечтал увидеть весь свет, особенно же Америку, где, как он слышал, удастся легко нажить денег. Но он не имел для этого средств. Когда он получил от своего начальника чек, внезапно его охватила мысль переделать эти 1000 рублей на 2000 рублей, чтобы потом из полученных денег удержать тысячу рублей. Он так и сделал, получил из банка 2000, из этих денег отдал 1000 рублей своему начальнику, тогда как остальную 1000 удержал для себя. Затем он оставил службу и сейчас же переправился на пароходе в Америку. Подделка была открыта слишком поздно.

Рассказ о ружьях. Р. (Г.).

Два 12-летних мальчика были очень дружны и часто ходили друг к другу. Один из них был сын лесничего, в доме которого было много охотничьих ружей. Лесничий строго запретил своему сыну снимать ружья со стены и всякий раз, прежде чем повесить заряженное ружье на стену, разряжал его. Когда однажды оба мальчика были снова в лесничестве и стали играть ■ солдаты, каждый из них снял со стены по ружью. Вообразив, что они на войне, каждый из них прицелился в другого. Один закричал: „Теперь я тебя застрелю“. Другой сказал, смеясь: „Ружье, ведь, не заряжено“. Оба спустили курки и товарищ сына лесничего упал замертво на пол.

Рассказ об отчине. (St).

У одного 16-летнего мальчика был отчим, который был пьяницей. Когда отчим приходил домой пьяным, он бил мальчика и его мать, и ломал вещи в квартире. Вследствие этого семья жила в большой нужде и мать была

худой и изнуренной. Сын принимал это близко к сердцу и, когда, один раз ночью, отчим пришел домой совсем пьяным, стащил с кровати мальчика и его мать и ударил кулаком по лицу, мальчик в ярости схватил его за горло и стал его душить так сильно, что тот умер.

Рассказ о ювелире. Ю. (R.)

Один 16-летний мальчик, который был очень ленив и всегда болтался без дела, однажды, когда у него опять не было ни копейки в кармане, размышлял о том, как бы что-нибудь добыть. Случайно он шел мимо ювелирной лавки и увидел, что ее владелец, старик, рассматривает у себя на прилавке золотые часы. Ему показалось, что это удобный случай для грабежа. Он вошел в магазин и сказал, что хочет купить часы. Ювелир разложил перед ним часы на выбор. Когда же мальчик захотел, чтобы ему показали еще часы на выбор, ювелир выдвинул ящик из прилавка и нагнулся над ним, чтобы вынуть часы. Этот момент показался мальчику благоприятным для выполнения его намерения. Он нанес старику сильный удар в голову долотом, которое он захватил с собою. Старик упал, обливаясь кровью. Тогда мальчик быстро схватил несколько часов с прилавка и убежал из магазина.

— Критическую проверку метода Якобсона см. в работе: Quadfasel, F r e d y: Die Methode Fernald Jacobsohns, eine Methode zur Prüfung der moralischen Kritikfähigkeit—und nicht des sittlichen Fühlens. Eine experimentelle Untersuchung an 770 Jugendlichen. Archiv für Psychiatrie. Juni, 1925.

71. Очень интересные примеры по интересующему нас вопросу о координации воображения и вчувствования находим мы в книге Н. А. Самсонова: „Развитие творческого воображения у детей“. М. 1913 г. Там читаем (стр. 26): „Сопереживание чужих состояний начинается у детей сначала с внешнего невольного подражания. С развитием воображения дитя становится способным к внутреннему подражанию, он уже может поставить себя на место другого, вообразить себе, что происходит в чужой душе. Когда в доме покойник, ребенок весело играет. „Сей возраст жалости не знает“—сказал еще Крылов. Но не по жестокости опять-таки, не по моральным причинам, но потому, что он не в состоянии еще представить, вообразить себе горе взрослых, сущность смерти и т. п.“ „Оторвав мухе крылья, дитя говорит: „Мушка миленькая“, потому что в раннем детстве нет еще ясного различия между живыми существами и неодушевленными предметами—и поэтому отрывание крыльев у мух, лапок у жуков вернее объясняется стремлением к анализу, чем проявлением жестокости. Тут действует то же самое побуждение, которое заставляет ребенка ломать игрушечные часы, заводную музыкальную шкатулку, — стремление понять, в чем дело, что там внутри, каков механизм“ (25). „Один автор очень к месту подметил в данном случае, что и у нас, у взрослых, наблюдается совершенно различное отношение к большим и маленьким живым существам, теплокровным и холоднокровным, издающим звуки и бессловесным. (Карцев. „Записки по педологической психологии“. С. П. Б. 1907, стр. 38). Многие взрослые перешли бы к вегетарианской пище, если бы их самих

заставили резать курицу или крупное животное, барана, например. Но моль или комары и т. п. уничтожаются всеми без малейшего, так сказать, зазрения совести, десятками. Тот же человек, который спокойно опускает живых раков в котел с кипятком, окажется не ■ состоянии прирезать подстреленную и бьющуюся птичку. Значит, чем больше близко к нам по своему строению живое существо, тем нам легче перенестись в его внутреннее состояние, сочувственно переживать его; но воображение наше оказывается слабо, чтобы перенести нас ■ состояние насекомого с булавочную головку и сказать и ■ том случае индусское *tam twam aśi*—„то ты еси“. „Эту черту подметил еще Дидро. Не странная ли вещь, говорит он, что наше негодование, вызываемое какою-либо жестокою несправедливостью, находится в прямой зависимости от дальности расстояния и величины живого существа. Я прихожу ■ ярость, когда большое животное причиняет насилие другому, но ■ ничего не чувствую, когда борьба происходит между двумя атомами или микроскопическими животными. Потому Дидро желал бы видеть житейские сцены в миниатюре, чтобы „те из них, которые отличаются зверством, занимая пространство не более квадратного дюйма с актерами полулинейного роста, не могли вызвать ■ нас ужаса, отвращения, сострадания“... „Какою хорошею комедиею был бы свет, если бы мы жили где-нибудь далеко, далеко ■ пространстве, между орбитами небесных светил, где дремлют боги Эпикура, откуда виден в телескоп земной шар с ползающими в разных направлениях двуногими козявками, именуемыми людьми“.—Может быть, именно на этом факте способности к сопереживанию с существами наиболее нам близкими основывается, так называемые, мораль среды; например, честность преступников к своей среде и отсутствие ее по отношению к своим жертвам. Особенно это приложимо к примитивной среде, где отмечается недоразвитие воображения и чувствования. Дальнейший пример, приводимый Самсоновым из области патологии, очень похож на те реакции, которые мы получаем при аффективно-абстрактном типе (правда, в данном примере указывается утрата воображения и чувствования). Больной, утративший ясные зрительные образы, писал знаменитому Шарко: „Я прежде был впечатлительнее, легче воодушевлялся, обладал более богатой фантазией. Теперь я спокоен и холоден, фантазия не владеет моими мыслями. Я несравненно менее доступен раздражению и горю. Я недавно потерял мать, но чувствовал бы несравненно большее горе от этой утраты, если бы перед взором моей души мог возникнуть ее образ, если бы в воображении своем я мог представить себе внешние признаки того горя, которое ее смерть причинила всем близким“. Эту точку зрения, по которой, так называемая „нравственность“ коррелируется со способностью вчувствоваться, защищает Теодор Липпс.

72. Мы тщательно прослеживали по первоисточникам этот тезис Сократа: „Добродетель есть знание“ (в одной из наших пробных лекций на соискание звания приват-доцента при I. М. Г. Университете) и убедились, что Сократово понимание этого тезиса включает в себя знание ■ смысле яркого представления добра и зла; следовательно, и здесь на-ряду

с знанием имеется также способность вчувствоваться в знаемое. Дело ■ том, что то, что современная философия и психология расчленяет как логические, этические и психологические понятия (мысль, воля, чувство)—вся тонкая дифференциация понятий современного мышления сливалась в логосе (λόγος) Сократа в сплошную амальгаму примитивного сознания, мыслящего еще по складам. Сократ усматривал в самом себе волю, согласованную с знанием; но это единство с самим собою, сформулированное Сократом, как безусловное повиновению логосу: (πείθεισθα... Τῷ λόγῳ) не было для него главным процессом (в духе, например, учения Л. Толстого), оно захватывало все его существо ■ только такое знание было для него действием, и только в этом смысле не было для него ничего могущественнее знания. С этой точки зрения в данной формуле нет ничего архаического. Ср. Бэн: „Психология“, стр. 119).

10. Внушаемость.

73. Проф. В. К р е ч м е р: „Медицинская психология“. Часть этой работы на русском языке под заглавием „Внушение“ издана под редакцией проф. В. М. Гаккебуша. Киев. 1925 г.

74. Работа над исследованием внушаемости, сделанная проф. С. Я. Л и ф-ши ц е м в Научном Кабинете по изучению личности преступника и доложенная на одной из конференций Кабинета, как раз подтвердила указанную нами в нашей работе корреляцию: именно, правонарушители, характеризованные нами как конкретно-эмоциональные, легче поддавались на его эксперименте внушению ■ состоянии бодрствования; лица аффективно-абстрактного типа, наоборот, не внушаемые в момент бодрствования, внушаемы во время гипноза.

11. Внимание:

75. Ср. А. Ф. Л а з у р с к и й: „Психология“. Общая и экспериментальная. (Изд. исправл.) Госуд. Изд. 1925 г.

76. См. технику эксперимента: Г. М. У и п п л ь, op. cit. Вот листок, по которому мы производим эксперимент; заимствован из атласа Рыбакова (1180 букв):

- 1 . . носмкалверкевссмлромораекрековнлнмрслаоскемрвкнсонеалк р а м е н
- 2 . . окрнрвмлнркклоенмрвклсклмлноеараслвмрнвеонлармссвавсеке н а о в а с
- 3 . . мисккраовлменрслаосрвкеннлаоемралсвмвоеасрлнсоеоамлнвкм р о н в к
- 4 . . аквонресамекворменокравсемалнлмркесовмлнкесрнеовмвакла с о с м н л
- 5 . . ломеснкавоковмнесаквемрнаовскамрнрсомкрасеснрвлк е в а м н е с к о
- 6 . . оксенмлавеклврнселар лмосрнрмаксвоанрмевкласенмвоковак н с е м о л
- 7 . . лнмсосалкавмвоенрсекнлмвосекрмлнламесварконемровкем а с е р н о в к а
- 8 . . квнормквилмаоеослнрсаеовмвслармеоалннекврсоалсрнемлвора к к с н м
- 9 . . савоанекессавссмралноевнрмвлсароеолмлклквмнеолкрналм в р н р к о
- 10 . . немарклаеноснкврмексоалсрмлнвокеркеароморлмвссвеклревла к м с о н
- 11 . . сонакмевклрсвемвсорлромкеарокелнвсрмоалексврмснкенокла м а р е н
- 12 . . рковрналмкрнеолрмнлквдксолмраелсармвнвнлномравсссваекео а н с а в
- 13 . . снмркквоаемлсрноалврснекалнмеолармвсоеврсаслноеолмаквн о р м к в н

- 14 . . вкарноасекемровнемркосваамелнлкрмоселмвекнирсвоеавмалкс о с л н м
- 15 . . молнсевакоконмвасевклрмеоанксврмасрнлмоаркселврнекллав е н м о к с
- 16 . . онмсаквлреклевессмврлмороеарккеволнрмлсоаксмернкосенлар к м а н е
- 17 . . конрврлмнакролнермквслклмеорасавлрмвноелирасмвсваесе к а н в о с а
- 18 . . нмксркоалвемрнлсоарсквнелноамеарслмвоваерслносоеманлквр м н о к в
- 19 . . каоврнснмакеовмрнекоарсвмелалнрмекосмвнлекрсенвовмкаало с м с л н
- 20 . . олсмнсаколокмвенасклеврманвоксманрсрмокларелнсврклвелап м с е о к

На более полном сплошном тесте Бурдона (1961 буква) мы давали подчеркивать текст только в 22 строчки.

77. Меде и Пиорковский *op. cit.*
78. Г. Эббингауз: 1) „Психология“, 2) Г. Эббингауз: „Очерк психологии. С. П. 1911 г., изд. Богдановой.—Эббингауз отмечает связь между распределенностью внимания и двигательной системой: „Несомненно, что то же взаимодействие, которое существует между чисто психическими процессами, существует также между психическими процессами и движениями тела. В средних степенях интенсивности те и другие могут существовать рядом. Но стоит только энергии деятельности значительно усилиться на одной стороне, чтобы с этим было связано ослабление деятельности другой. 1) Сильные душевные движения—страх, гнев, боль—иногда лишают способности речи, а иногда и движения. 2) Если они сопровождаются движениями тела, то теряют часть своей энергии. 3) Громкий крик облегчает и смягчает боль. 4) Чем быстрее идешь, тем односложнее можешь беседовать; чем серьезнее беседа, тем медленнее идешь.“
79. Мортон Принс: „Бессознательное, как основа человеческой жизни нормальной и аномальной“, 1915 г.
12. Воля (нормальная и аномальная).
80. Ср. Джемс: *Principles of Psychology*, II, стр. 562. Ср. Мак Даугол, *op. cit.*
81. Jor dd S. Moore. Ph. D. Western Reserve University. The Articulation of the Concepts of Normal and Abnormal Psychology: „The American Journal of psychology“. April, 1914.

Любопытна установка Мура на проблему структурализма и функционализма, как определенных психологических направлений, модных в наше время. „Структурализм смотрит на душевную жизнь исключительно с точки зрения структуры. Психологию структурализма он определяет, как науку о душевных состояниях или душевных содержаниях“. К структуралистам Мур относит, например, психологов Тичнера и Вундта. „Функционализм смотрит на душевную жизнь с точки зрения функции и психологию определяет, как знание о душевных процессах или функциях. Функционализм трактует душевные процессы скорее, как фазы цельной душевной деятельности, чем как комплексы простых элементов. Между этими двумя направлениями, некоторое время враждовавшими друг с другом в Америке, состоялось примирение вследствие признания важности даже необходимости структурной и функциональной точек зрения для совершенного понимания душевной жизни. Так, например, Торн-

дайт делит психологию на два отдела: на психостатику или структурную психологию и психодинамику или функциональную психологию. Американские психологи пришли к тому убеждению, что для совершенного понимания душевной жизни необходима комбинация структурной и функциональной точек зрения. Точно таким же образом для того, чтобы понимание человеческого поведения было полным, нужно комбинировать „объективную“ и „субъективную“ точку зрения“. Moore: „The Foundations of psychology“. 1921, стр. 27 и 55. (Цитата заимствов., см. Г. Челпанов: Объективная психология в России ■ Америке. М. 1925, стр. 74—75). Ср. К. Коффка. Самонаблюдение и метод психологии. „Проблемы современной психологии“ (1926), и др. статьи этого сборника.

82. По этому вопросу см. литературу: Jaspers Karl: „Allgemeine Psychopathologie“. Berlin. 1923 г. 2) Ср. Заметка о „Нормальном и ненормальном“ Ю. В. Каннабиха. Журнал: Психотерапия, 1913 г. № 2, стр. 106.

13. Характеристика личности.

83. 1) По вопросу о характере и темпераменте см. литературу в книге W. Stern, op. cit. в прим. 4. 2) Из современных взглядов на эти вопросы интересны: Кречмер, op. cit. 3) Dr. G. Ewald: „Temperament und Charakter“, Berlin, 1924 г.

84. Вполне очевидно, что дело психолога далеко не ограничивается исследованием интеллектуальных функций испытуемого, а направлено на изучение личности всей целиком во всех ее психических реакциях. Эту психологическую позицию в полном несогласии с др. А. М. Рапопортом (см. его статью: К практике изучения личности преступника, Сборн. „Преступник и преступность“. 1926) мы доказываем всеми нашими работами, ■ частности нашими индивидуальными монографиями.

85. Мы не считаем удовлетворительной классификацией, популярную ■ наше время, „Классификацию личностей“ Лазурского. Ср. изд. I, П. 1922 г. под редакцией М. Я. Басова и В. Н. Мясищева с изд. третьем, переработанным под той же редакцией (Ленинград, 1924 г., где есть статья проф. М. Я. Басова „Новые идеи в учении о личности“). Непригодность для практических целей данной классификации ярко бросается ■ глаза при каждой попытке использовать ее ради практических целей. Особенно интересны в этом смысле те трагические недоумения, которые выражены опытными педагогами после попыток приложить методологию Лазурского к педагогике. См. Новые идеи ■ педагогике: „Психологическое обследование детей“. Сборник № 6. Ленингр. 1924 г., особенно статью Е. И. Тихеевой: „К вопросу о психологическом изучении ребенка. (Сомнение педагога)“. Здесь прямо говорится следующее: „Я попробовала составить характеристику, руководствуясь программой исследования личности А. Ф. Лазурского, и спасовала“ (15). И неудивительно, что дело обстоит именно так: ведь по Лазурскому „характерология есть наука исключительно теоретическая“ (курсив наш). „Цель ее—составление естественной классификации характеров“. См. Лазурский: „Очерк науки о характерах“ (VIII стр.). Характер определяется Лазурским, как совокупность наклонностей (57 стр.). „Построить человека из его наклон-

ностей—вот цель, которую мы должны преследовать в каждом отдельном случае" (IX стр.). Далее даются признаки мозаически раздробленных наклонностей. Кроме того, работа Лазурского имеет в виду взрослых людей, а не ребенка, так как ребенок меняется под влиянием внешних воздействий, но годам к 25—30 характер отвердевает ■ остается почти неизменным до самого конца жизни" (52 стр.). Неудивительно, что мозаически мертвая программа изучения личности Лазурского вызывает полную безнадежность и отчаяние у педагога. Лично мы, работая над психическими конституциями, убеждаемся, во-первых, что косного застоя характера вообще нет, во всякий момент возможна смена доминанты, однако, разумеется, естественно объяснимым путем; во-вторых, мы убеждаемся, что также и в детской психике заложены те или иные конституциональные дифференциации, которые, разумеется, имеют еще более динамический характер. Самое определение характера, даваемое Лазурским, как совокупности наклонностей, указывает на его понимание психической индивидуальности, как суммы каких-то отдельных органически несвязанных между собою моментов. Мы, конечно, далеки от мысли Роршаха, считать возможной психодиагностику по минимальному психическому признаку, но мы в корне несогласны, как видно из нашей работы, со следующими положениями Лазурского: „Полное единство характера" (что понимать под словом единство?) „встречается редко, гораздо реже, чем это принято обыкновенно думать" (94). (Что значит здесь слово: редко?). „Недаром Бинэ, после продолжительного (больше года) и всестороннего исследования умственной сферы двух хорошо знакомых ему девочек, был поставлен тем не менее ■ большое затруднение, когда стал отыскивать у каждой из них такую главную первенствующую черту характера, к которой сводились бы все остальные. Затруднение оказалось так велико, что, по мнению Лазурского, Бинэ готов совершенно отрицать существование у каждого человека такой одной основной черты, будто бы определяющей всю его личность, и полемизирует с авторами, которые, изучая характер какого-нибудь человека, заботятся прежде всего о том, чтобы отыскать главную, центральную особенность его характера. „В этом отношении", говорит Лазурский (95), „мы готовы всецело примкнуть к мнению французского психолога (Бинэ). Более или менее полное единство личности—вещь чрезвычайно редкая. Только у очень немногих людей все основные наклонности, составляющие их характер, тесно связаны между собою отношениями родства или взаимной зависимости, т.-е. весь характер представляет одно „необходимое сочетание"... „У огромного же большинства людей характер можно разложить на несколько более или менее сложных сочетаний, довольно независимых друг от друга. Такая сравнительная пестрота в характере каждого человека еще более увеличивается в том случае, если мы под наклонностями будем понимать возможность возникновения не только различных чувств, желаний и стремлений, но также и различных особенностей относящихся к формальной стороне душевных процессов"... „Если же тем не менее часто приходится слышать рассуждения о единстве характера, о необходимости найти в каждом данном случае „основу личности", ту скрытую пружину, действием

которой определяются будто бы все особенности в характере данного человека, то причиной тому является „недоразумение“. Все вышеприведенное рассуждение Лазурского говорит об устарелости его точки зрения, на смену которой выдвигается вопрос о психической конституции. Отсутствие отчетливо определившейся постановки проблемы о психической конституции действительно вызывает и у Бинэ указанные Лазурским сомнения в возможности определить одним словом характер изучаемых ими детей. Но психическая конституция для своего определения не нуждается непременно в одном слове, как таковое оно, конечно, может оказаться поверхностной этикеткой, не определяющей сути определяемого. Но из того, что у Бинэ не находится такого магического одного слова для определения психики, отнюдь не следуют дальнейшие выводы Лазурского. Бинэ отчетливо очертил два различных типа личностей, указав на полное соотношение для той и другой личности типических реакций и тем самым впервые наметил правильный путь отыскания психологических признаков для различия психических конституций. В настоящее время исследованные им два типа могут легко определяться привычными теперь терминами психиатрии, как шизотимическая и синтоническая реакции. Именно заслуга Бинэ и заключается в попытке систематизировать психические реакции двух данных психических разновидностей, чего мы не находим у Кречмера. На этом же примере Бинэ ясно видна возможность очертить психические особенности, типические для детской психики (в противоположность мнению Лазурского); отсюда предвидится возможность и такой психологической классификации, которая включала бы в себя и детский возраст по его типическим психическим особенностям, которые при возмужалости могут изменяться лишь как смена доминанты, по существу органически слитная в своей непрерывности при переходе из одного возраста в другой. Нашей работой по психическим конституциям мы надеемся устранить и ту неопределенность, которая действительно проскальзывает и у Бинэ по причине новизны впервые поставленной им задачи и отсутствия выработанных установок по психическим конституциям. Он говорит (см. *L'étude expérimentale de l'intelligence*. Paris, 1903): „основною целью этой книги было изучить в идеации то, что есть индивидуального в каждом из нас. Мы проводим длительную параллель между двумя девочками, идеи, образы и слова которых мы детально изучали. Несмотря на всю утонченность этого изучения, несмотря на исключительные условия, которые способствовали точности и широте этого изучения, мы достигли только небольших частей (partielles) истин, не достигнув того, на что некогда претендовал Тэн: познать основную способность личности и из нее построить психическую организацию. Напомним попытки столь курьезные, которые он делал, чтобы установить господствующую способность Шекспира или Мишле. Это интересно с точки зрения литературной критики, но отнюдь не психологии ■ том совсем новом смысле, в котором мы понимаем это слово“ (303). Именно такие же непсихологические, совсем не основанные на опытных данных (скорее „литературные“) попытки делает и Лазурский в своей „Классификации личностей“, ■ которой нет никаких принципов психологи-

ческой „научности“ и „естественности“. Что веки его классификации произвольны,—это видно уже из одного того, что ■ третьем издании данной книги редакция смогла в ней похозяйничать: кое-что исключить, кое-что переставить; например, „Личность Лассаля из разновидности „власть-борьба“ перенесена в „общественность“; ■ личность Бисмарка подверглась обратному перемещению (см. предисловие к третьему изданию). Такая перестановка оказалась возможной, конечно, только потому, что ■ основе этой классификации не лежит органическое единство взаимоотношений между типами, несмотря на то, что сам Лазурский думает, что ■ основу ее положен принцип не только философский, но и чисто биологического значения, именно, принцип активного приспособления личности ■ окружающей среде. В этот основной принцип вклинивается принцип постепенного повышения психологического уровня, очень неопределенный и абсолютно ничего не говорящий исследователю с психологической точки зрения; почему, например, „мечтатели попали в низший тип уровня развития, а „хозяйственные“ в средний —не известно. Другой принцип: преобладание тех или иных основных психических функций в личности также не четко выражен. Здесь мы видим смешение: 1) чисто психических функций (например, „аффективные“) и 2) например, профессий (художники, конторщики и т. п.) и т. д. Отсюда вносится путаница в принцип взаимоотношения между эндо- и экзо-психикой. Словом, достаточно взглянуть на общую схему классификации Лазурского, чтобы разом охватить всю ее нецелесообразность и непригодность для практических целей изучения живых личностей. Его схема скорее научает тому, как не надо строить классификацию личностей. Вот эта схема (см. стр. 288).

Возвращаясь к указанной выше статье Е. И. Тихеевой мы подчеркиваем всю своевременность и важность для педагогических целей издания психологической классификации личности, которая действительно могла бы дать научный психологический подход к изучаемой психике. Мы согласны с мыслью, высказанной в этой статье: „Факт или опыт“ (педагога) „обесценен в своем значении, если он не пропущен через фильтр научной мысли и не претворился в научно-обоснованную идею: „Если факты остаются только фактами, то они не дают опытности. Они должны произвести впечатление на ум воспитателя, классифицироваться в нем по своим характеристическим особенностям, обобщаться, сделаться мыслью и уже эта мысль, а не самый факт, сделаться правилом воспитательской деятельности педагога“. Ушинский (та же статья, стр. 4). Горячим призывом к такого рода работе, которая способствовала бы действительному распознаванию личности заканчивается как предисловие, так и статья Е. Тихеевой: „Помочь педагогам найти выход из этих сомнений и затруднений, указать конкретный и практически осуществимый путь к проведению подлинной научной, исследовательской работы в их практике, обязанность каждого, кто может сказать по существу этого вопроса, хоть сколько-нибудь веское слово: интересы этой цели руководили нами при составлении этого сборника“ (Предисловие, стр. 5). „Нам надо детей воспитывать, а для этого

Общая схема психологической классифи

Типы		Ч И С Т Ы Е.						
Уровня.								
Низший.	Рассудоч- ные.	Аффективные.			Активные.			
		Подвижные (живые).	Чувственные.	Мечтатели.	Энергичные низшего порядка.	Покорно-деятельные.	Упрямые.	
Средний.	Ученые.	Непрактические (теоре- тики, идеалисты).	Художники.	Практики-реалисты.				
				Общественники. А) Внутрен.-аффектив- ные.	Общественники. В) Внешне-деятельные.	Властные.	Хозяйственные.	
Высший.	Обществен- ность.	Знание.		Кра- сота.	Внешняя дея- тельность. Инициатива.	Система. Организация.	Власть борьба.	
		Индук- тивные.	Дедук- тивные.					
Гладстон, Лассаль, Гер- цен, доктор Гааз, Песта- лоцци, Роберт Оуэн.		Дарвин, Гумбольдт, Локк.		Пушкин, Бетховен, Шопен, Байрон, Некрасов, Гёте, Ибсен.		Ришелье, Демидов.	Петр Великий, Эдиссон, Ротшильд.	Наполеон I, Кромвель, Бисмарк.

кации личностей ПО ЛАЗУРСКОМУ.

Комбинирован- ные.			Смешанные.	Извращенные.				
				Пассивные.			Активные (насилъ).	
				Апатичные.	Безвольные.	Расчетливые эгоисты.	Беспорядочные насиль- ники.	Сосредоточенно-жесто- кие.
Научно-практические.	Научно-общественные.	Художественно-практические.	Например: чиновник- семьянин; конторщик- спортсмен.	Неудачники.			Успевающие.	
				Неприспособл. мечта- тели.	Аффективные неудач- ники.	Энергичные озлоблен- ные.	Лицемерные.	Властные извращенные.
			Пирогов, Кювье, Бородин. Леонардо-да Винчи.	Бэкон, Иван Грозный, Ротшильд и др.				

Типы		Ч И С Т Ы Е.											
Уровня.													
Низший.	Рассудоч- ные.	Аффективные.			Активные.								
		Подвижные (живые).	Чувственные.	Мечтатели.	Энергичные низшего порядка.	Покорно-деятельные.	Упрямые.						
Средний.	Ученые.	Непрактические (теоре- тики, идеалисты).	Художники.	Практики-реалисты.									
				Общественники. А) Внутрен.-аффектив- ные.	Общественники. В) Внешне-деятельные.	Властные.	Хозяйственные.						
Высший.	Обществен- ность.	Знание.	Индук- тивные.	Дедук- тивные.	Кра- сота.	Внешняя дея- тельность. Инициатива.	Система. Организация.	Власть борьба.					
Гладстон, Лассаль, Гер- цен, доктор Гааз, Песта- лоцци, Роберт Оуэн.		Дарвин, Гумбольдт, Локк.		Декарт, Спиноза, Джор- дано Бруно.		Пушкин, Бетховен; Шопен, Байрон, Некрасов, Гёте, Ибсен.		Ришелье, Демидов.		Петр Великий, Эдиссон, Ротшильд.		Наполеон I, Кромвель, Бисмарк.	

кации личностей ПО ЛАЗУРСКОМУ.

Комбинированные.			Смешанные.		Извращенные.			
					Пассивные.		Активные (наильные).	
					Апатичные.	Безвольные.	Расчетливые эгоисты.	Беспорядочные наильники.
							Сосредоточенно-жесткие.	
Научно-практические.	Научно-общественные.	Художественно-практические.	Например: чиновник-семьянин; конторщик-спортсмен.		Неудачники.		Успевающие.	
					Неприспособленные.	Аффективные неудачники.	Энергичные озлобленные.	Лицемерные.
								Властные извращенные.
			Пирогов, Кювье, Бородин, Леонардо-да Винчи.		Бэкон, Иван Грозный, Ротшильд и др.			

надо ребенка изучать. Как это делать? Я не знаю. Не знала раньше, не знаю и теперь. Но мы это должны знать и будем знать. Может быть, не так скоро, но будем. В этом направлении уже ведется интенсивная научная работа. О, если бы производящие ее помогли мне рассеять мои сомнения" (21).—Мы не можем при изложении нашей элементарной методики психологического исследования личности входить в подробные педагогические выводы, которые из нее вытекают (это задача нашей следующей работы). Но уже здесь можно указать образец, как может воспользоваться педагог нашими данными в деле воспитания личности. Для примера мы проанализируем ту монографию, которая приводится в статье Тихеевой, которая, недовольствуясь интуицией педагога (так как это: „редчайший дар“) и в то же время недоумеая от следующих рецептов Лазурского: „разбор какого бы то ни было характера можно считать доведенным до конца, когда мы расчленили всю бесконечную пестроту его проявлений и свели их к различным комбинациям нескольких (вернее нескольких десятков) основных качеств более или менее резко выраженных“. Совершенно справедливо Е. И. Тихеева полагает, что „руководящим принципом и основной целью научной работы психологического изучения ребенка должна быть установка всего общего, типичного, нормального. Узко индивидуальное в сфере психической жизни является пределом науки“. Е. И. Тихеева наблюдала одного 9-летнего мальчика в течение двух лет (наша элементарная методика психологического исследования личности помогла бы сократить срок наблюдения и в то же время помочь в обработке более или менее адекватной характеристики). Попытаемся ее воспроизвести по тем психологическим признакам, которые указаны Е. И. Тихеевой: „это был ребенок богатой интеллигентной семьи“ (стр. 13), (стало быть не примитив, индивидуальность могла быть более ярко выражена, чем это могло быть на фоне примитива). Указывается нездоровая атмосфера окружающей его среды, отсутствие правильного воспитания: мальчик был весь во власти массового психоза—„пинкертоновщины“: зачитывался до одурения. Постоянный посетитель кинематографа. Патопсихические моменты: 1) фантастическая ложь (смещение вымысла и действительности не ложь из корыстных целей), 2) повышенный интерес к необычному: смерти, убийствам, 3) преждевременная половая возбудимость (13). Что касается конституциональных черт психики мальчика, то автор теряется среди их признаков друг-друга исключающих, друг-другу противоречащих. При попытке составить характеристику мальчика по программе Лазурского—пассует (15). А между тем именно в этих дисгармонических признаках легко было бы распознать тот тип психики, которому по нашим наблюдениям свойственен именно аффективно-абстрактный тип реакции. Если только такая корреляция психических признаков может быть установлена, то вполне ясно можно построить себе соответствующие типы реакций на любые внешние раздражения. Отсюда прямой педагогический вывод: воздействовать на психику мальчика в целях ее большей гармонизации, т.-е. оберегать от ударных впечатлений, истощающих психику, в один момент аффективно-повышенную, в другой аффективно-угасшую (в силу защитной реакции). Найти и развить

те его способности, которые, не повышая аффективности, содействовали бы успокоению и гармонии его аффектов, т.-е. содействовать его направленности в сторону абстрактно-волевою. Вот особенности психики мальчика, подтверждающие правильность нашей типизации его психической конституции, как они изложены автором. В н и м а н и е — то устойчивое, неутомимое, то полная неспособность сосредоточиться (очевидно, в первом случае—аффективная заинтересованность, при этом упорство, доходящее до волево й установки; во-втором—наоборот, аффективная истощенность, пассивность, подчиняемость). О щ у щ е н и я (слуховые)—то не восприимчив к окружающим звукам, почти глух (аффективный уход из внешнего мира во внутренний), то улавливает самые слабые ■ отдаленные звуки (аффективный интерес к определенному моменту). То точность и обилие в о с п р и я т и я, то неотчетливость (аффективное восприятие действительности (комплексное): одни предметы схвачены аффективно, в ударном порядке,—другие упущены в силу незаинтересованности в них или в силу аффективной истощенности). П а м я т ь—то грандиозная (при субъективном интересе к предмету), то бедная (там, где аффективный интерес отсутствует, или ■ момент аффективного истощения). В о о б р а ж е н и е—то оригинально яркое (интратенсивный момент): образы его воспоминаний перемешиваются с действительностью (особенность аффективно-абстрактной психики), то полное отсутствие воображения (экстратенсивный момент). Р е ч ь—то убожество речи: „Резко выраженное нежелание воплощать в слове ничего ему неговорящие мысли“ (нет слов там, где нет аффективного интереса к предмету), то „речь льется плавно, безудержно, поражая богатством словесных послушных ему образов“ (адекватность речи и аффективных переживаний). С у ж д е н и е—то строго принципиальное,—то приводящее в недоумение своей нелогичностью (дисгармонический момент аффективно-абстрактного мышления). Н а с т р о е н и е—то возбудимость, принимающая иногда форму аффекта, то подавленность, грусть. Из этого конспективного изложения психических реакций мальчика достаточно ясно обрисовывается его психическая конституция. Подробнее вопрос о педагогическом воздействии на такого рода психическую конституцию мы надеемся изложить в следующей работе. Здесь скажем лишь, что такого мальчика необходимо оберегать от слишком ярких переживаний (не только печальных, но и радостных). Совершенно также совсем другое обоснование примет „Литературное творчество детей“ (чем то, которое дает, например, С. Крюков в своей статье такого заглавия, написанной по материалам из учреждения доктора Вс. П. Кащенко. „Вестник Воспитания“. М. 1916 г., № 3, март), если его рассматривать в связи с психической конституцией авторов. (Так „Принц-мечтатель“ в статье С. Крюкова. II, Юрий Маслов, 13—14 лет, явно выраженный тип аффективно-абстрактной конституции с патопсихическими чертами),

III. Общая схема психологической классификации личностей. (Примитив):

86. 1) Thurnwald, R.: „Psychologie des primitiven Menschen“ (см. G. Kafka: Handbuch der Vergleichenden Psychologie. Стр. 147. 1922. V. v. E. Reinhardt in München. B. I.

2) Thuruwald, R.: „Probleme der ethno-psychologischen Forschung.“ Beihefte zur Zeitschrift für angew. Psychologie und psychol. Sammelforschung. Herausg. v. W. Stern und O. Lipmann. 5. Vorschläge zur psych. Unters. primitiven Menschen gesam. I Teil. S. I. Leipzig, 1912, Barth.

3) Lévy-Bruhl: „Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures, cinquième édit., Paris, Alcan, 1922.

4) Lévy-Bruhl: „La Mentalité primitive“, Paris, Alc. 1922.

5) „Psychology and primitive culture“. By F. C. Bartlett, M. A. Crown. The Cambridge University Press, London E. G. H.

6) M. Fervorn, op. cit.

7) Abegg: „Die Sprachen der Naturvölker als Ausdrucksformen des primitiven Bewusstseins, Mitl. d. Geographh.-Ethnolog. Ges. Zürich, 23. S. 41—60, 1925.

8) Lr. Franz Georg v. Strafella: „Der Sozial Primitive“. (Die Hilfsmittel des Verbrechers und des Primitive an ihm. Leipzig, 1917. Ver. v. F. C. W. Vogel).

9) Петрова, А. Е.: „Дети-примитивы“. Вопросы педологии. 1926.

10) Петрова А. Е.: „Случай изувечения мужа“. Преступный мир Москвы, 1925 г.

11) Внуков, В. А.: „Примитивы, их социобиологический смысл“. Вопросы педологии и детской психоневрологии. 1926.

12) Ф. Боас: „Ум первобытного человека“. Гос. Изд. 1926. Там же литература о примитивах.

87. Мы думаем вопреки мнению Dr. Alfr. Storch'a („Das Archaischprimitive Erleben und Denken der Schizophrenen“, Berlin, 1922, V. v. J. Springen), что методологически важнее находить не столько сходство между примитивом и патопсихическими моментами, сколько, наоборот, различие.

Подробнее на эту тему мы говорим в статье: „О некоторых психологических особенностях примитивной психики при ее расщеплении“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие редактора	3
Предисловие	9
Введение	
Основные принципы психологической классификации личностей. .	
I. Элементарная методика психологического исследования личностей.	19
II. Общая схема психологической классификации личностей.	217
III. Выводы и проблемы.	237
Таблицы.	241
Примечания.	252

Замеченные опечатки:

Стран.	Строка	Напечатано	Надо читать
3	3 и 4 снизу	Menschenkennt- niss—gruhle	(Menschenkennt- niss—Gruhle)
99	1 сверху	несложные	не сложные
107	8 сверху	чистое	чисто
192	11 снизу	степени	степень
208	2 сверху	распределение на две	распределение внимания на две
235	3 сверху	его дальнейшая	и его дальнейшая
239	13 снизу	стр. 242	стр. 244
245	столбец I-й, снизу второй	неконкретная и абстрактная	и конкретная и абстрактная
245	„ III-й, снизу первый	—	есть
249	внизу	резко выраженная паталогия 10,8 ⁰ / ₀	12,8 ⁰ / ₀
249	внизу	итого 64,4 ⁰ / ₀	66,4 ⁰ / ₀

ИЗДАНИЯ М. и С. САБАШНИКОВЫХ

МОСКВА, Никитский бульвар, д. № 8, кв. 7. ————— Телеф. 3-34-40.

КНИГИ ПО МЕДИЦИНЕ.

- Богомолец, А., проф. — Введение в учение о конституциях и диатезах 2 р. 60 к.
- Бруханский, Н. — Материалы по сексуальной психопатологии. Психиатрические экспертизы (печатается) — " — "
- Бумке, О. — Культура и вырождение. Перев. и ред. проф. П. Ганнушкина с предисл. В. Волгина и П. Ганнушкина 2 " — "
- Вольпян, Л. — Триппер мужчины и женщины и его лечение — " 50 "
- Его же. — Сифилис и брак. Когда сифилитики могут вступать в брак — " 20 "
- Дитерихс, М., проф. — Хирургическое лечение туберкулеза легких 1 " 85 "
- Иваницкий, С. — Нервность, ее причины и предупреждение. Беседы врача — " 40 "
- Кимминс, К. — Химия жизни и здоровья. Научно-популярный очерк — " 80 "
- Краснушкин, Е. — Судебно-психиатрические очерки 1 " 25 "
- Минчин, Э. — Эволюция клетки. Гипотеза о происхождении и первичном строении клетки. Пер. под ред. акад. А. Северцова — " 75 "
- Палладин, А., проф. — Основы питания. Физиологические очерки, 3-е доп. изд. — " — "
- Прянишников, Д., проф. — Белковые вещества. Общая химия белковых веществ. Главнейшие представители белков растительного и животного происхождения 2 " — "
- Северцов, А., академик. — Эволюция и психика — " 25 "
- Сперацкий, Г. — Уход за ребенком раннего возраста 1 " — "
- Хижняков, В. — О болезни глаз, называемой трахомой. Как уберечь от трахомы свои глаза. Советы здоровым и больным. — " 10 "
- Филиппченко, Ю., проф. — Эволюционная идея в биологии. 2-е доп. изд. 2 " 20 "
- Цапперт, И., проф. — Сифилис у детей (врожденный и приобретенный). Пер. с нем. Н. Фришмана под ред. проф. А. Киселя. 1 " 50 "
- Юдин, Т., проф. — Психопатические конституции 2 " — "
- Его же. — Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека. Готовится второе издание.

Цена 3 р. 50 к.